ПЕРЕЖИТКИ
ДРЕВНЯГО МІРОСОЗЕРЦАНІЯ
У БѢЛОРУССОВЪ.

Этнографическій очеркъ

А. Е. Богдановича.

ГРОДНА.
Губернская Типографія.

1895.

Дозволено цензурою 3-го Іюля 1895 г. — Г. Вильна.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТЪ АВТОРА.

Первоначально настоящій очеркъ былъ помѣщенъ въ *Научномъ Обозрѣніи* за 1894 годъ; здѣсь онъ является въ значительно дополненномъ видѣ. Этнографическіе матеріалы, вошедшіе въ него, собраны, главнымъ образомъ, въ центральной Бѣлоруссіи—въ уѣздахъ: Борисовскомъ, Игуменскомъ, Минскомъ, Слуцкомъ и Новогрудскомъ Минской губерніи, Сѣнновскомъ и Оршанскомъ — Могилевской и Лепельскомъ — Витебской. Приводимые здѣсь пережитки древняго міросозерцанія и быта, въ большинствѣ случаевъ, общи всей этой мѣстности. Это особенно относится къ пережиткамъ міросозерцанія, къ суевѣрнымъ воззрѣніямъ на внѣшній міръ и природу человѣка, къ разнымъ повѣріямъ и предразсудкамъ: они почти всюду въ этомъ районѣ сохраняются въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ. Пережитки древняго быта, застывшіе въ формѣ различныхъ обрядовъ и обычаевъ, болѣе измѣнчивы: нѣкоторые изъ нихъ свойственны только какой нибудь одной мѣстности; другіе распро-

страняются шире и иногда на значительную округу; третьи охватываютъ всю Бѣлоруссію и даже выходятъ за предѣлы ея. Самые распространенные изъ нихъ, оставаясь въ своей сущности, въ основѣ, одинаковыми или сходными, въ частностяхъ, смотря по мѣстности, болѣе или менѣе видоизмѣняются. Въ нашемъ очеркѣ мы касались обрядовъ постольку, поскольку въ нихъ замѣтно было отраженіе древняго міросозерцанія, и если описывали обрядъ, обычай, воззрѣніе, повѣріе, то старались, по мѣрѣ возможности, описывать его типично, внося въ описаніе всѣ извѣстныя намъ характерныя особенности. Разумѣется, что это возможно было сдѣлать только въ такомъ случаѣ, когда въ нашемъ распоряженіи было нѣсколько записей одного и того же пережитка, когда мы его наблюдали въ разныхъ мѣстностяхъ. Тѣ же обряды, обычаи, повѣрія и суевѣрія, которые намъ встрѣчались только въ какой-нибудь одной мѣстности, мы отмѣчаемъ указаніемъ на эту мѣстность. Это, конечно, не значитъ, что они свойственны только этой мѣстности; можетъ быть они «бытуютъ» и въ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи, но мы не имѣли случая или возможности наблюдать ихъ. Большинство заговоровъ, приводимыхъ здѣсь, записаны въ одной знахарской семьѣ, гдѣ они, передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе, составляя, такъ сказать, фамильную собственность.

Всѣ записи матеріаловъ сдѣланые лично авторомъ; наблюденія производились и накоплялись имъ исподоволь, такъ какъ авторъ, будучи уроженцемъ Бѣлоруссіи, нѣкогда самъ переживалъ описанные имъ пережитки; а затѣмъ, живя подолгу въ разныхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи и будучи по своимъ служебнымъ занятіямъ близко поставленъ къ народу, имѣлъ возможность пополнять свои наблюденія.

Для выясненія и освѣщенія нашихъ матеріаловъ, мы пользовались, главнымъ образомъ, слѣдующими сочиненіями: Спенсеръ: Основан. Соціологіи, Тэйлоръ: Первобытн. культура, Бокль: Истор. цивилиз. въ Англіи, и статьею Л. Мечникова: Культурное значеніе демонизма (Дѣло, 1879 г.). Мы не пытались все объяснить въ приводимыхъ матеріалахъ; мы заботились болѣе всего о полнотѣ записей; но предназначая первоначально нашу работу для общей печати, мы не считали возможнымъ выпустить одни сырые матеріалы, безъ всякаго объясненія ихъ и освѣщенія.

А. Б.

ВВЕДЕНІЕ.

Бѣлорусскіе крестьяне, истолковывая по своему выраженіе „западный край“,—выраженіе чуждое бѣлорусской рѣчи,—передаютъ его словами „западлый край“, т. е заброшенный, захудалый. Хотя съ филологической точки зрѣнія можно многое возразить противъ такого вольнаго перевода, но дѣйствительность его оправдываетъ. И жизнь бѣлорусса, и его творческая дѣятельность рѣзко отмѣчены печатью неразвитости, отсталости, забитости. Именно „западлый край“ „западлый“ народъ...

Взять хотя бы бѣлорусскія пѣсни, это общепризнанное зеркало народной души. И онѣ свидѣтельствуютъ о той же „западлости“. Пѣсенъ у бѣлоруссовъ довольно много, но содержаніе ихъ очень бѣдно, очень однообразно. Особеннымъ однообразіемъ отличаются тѣ изъ нихъ, которыя посвящены изображенію горькой доли замужней женщины. А пѣсенъ этого рода большинство онѣ заполняютъ, нимало не преувеличивая, двѣ трети всего пѣсеннаго матеріала. Это безконечныя варіаціи на тему о побояхъ мужа, свекра, о преслѣдованіяхъ

свекрови, злобѣ золовокъ; къ этому господствующему мотиву присоединяется тоска по роду-племени и изрѣдка чувство ревности или мести къ злой разлучницѣ. Но вы не встрѣтите въ нихъ выраженія болѣе сложныхъ или болѣе тонкихъ чувствъ. Нѣтъ въ нихъ и помина о томъ разнообразномъ проявленіи нѣжной любви, которая такъ разлита въ малорусскихъ пѣсняхъ. Напротивъ, въ средѣ бѣлоруссовъ обращается множество пѣсенъ и припѣвокъ самаго безстыднаго содержанія. Ихъ распѣваетъ старъ и младъ, мужскій и женскій полъ,—распѣваетъ, не стѣсняясь, какъ нѣчто совершенно обыкновенное. Впрочемъ, къ чести бѣлоруссовъ нужно сказать, что эти остатки пріапическихъ культовъ свидѣтельствуютъ не о развращенности нравовъ, а скорѣе о крайней грубости ихъ. Въ пѣсняхъ же обрядовыхъ и бытоваго содержанія нѣтъ того могучаго лиризма, свидѣтельствующаго о силѣ и свѣжести чувства, который такъ выгодно отличаетъ великорусскую пѣсню; почти всѣ онѣ блѣдны, отрывочны, невыдержаны, отзываются какой-то пришибленностью творчества, духовной бѣдностью. Форма ихъ неизящна, мало выразительна, топорной работы, какъ говорится,—и въ этомъ отношеніи вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію. Мелодіи ихъ, повидимому, еще бѣднѣе содержанія: въ Бѣлоруссіи часто цѣлый отдѣлъ пѣсенъ поется на одинъ мотивъ. Мотивы же построены по такъ называемой *китайской гаммѣ*,—безъ полутоновъ; и кромѣ того—лишены *подголосковъ*, то-есть при хоровомъ исполненіи поются въ унисонъ, не образуя гармоніи. Веселые напѣвы сравнительно рѣдки; большинство же до

послѣдней степени однообразно-заунывны, такъ что наводятъ щемящую тоску даже и на привычнаго слушателя. Былинная поэзія совершенно отсутствуетъ. Бѣлоруссъ или вовсе не принималъ участія въ созданіи того цикла эпическихъ образовъ, къ которому принадлежатъ старшіе и младшіе богатыри кіевскаго періода, или если и принималъ, то совершенно забылъ о существованіи своихъ дѣтищъ. Также нѣтъ въ Бѣлоруссіи ничего соотвѣтствующаго украинскимъ казацкимъ думамъ.

Бѣлорусскія сказки опять таки, хотя и многочисленны, но какъ и пѣсни, бѣдны по содержанію: одна повторяетъ другую. Фабула ихъ, въ большинствѣ случаевъ, крайне незамысловата, изображаемыя чувства чрезвычайно просты, воззрѣнія на внѣшній міръ очень наивны.

Обряды, сопровождающіе жизнь бѣлорусса отъ колыбели до могилы,—эти окаменѣлости прошлой дѣйствительности,—или крайне дики съ точки зрѣнія цивилизованнаго человѣка, или грубо фетишистичны. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ они свидѣтельствуютъ о сравнительно невысокомъ уровнѣ умственнаго развитія.

Объ этомъ также свидѣтельствуетъ лучшее мѣрило духовнаго развитія народа—его языкъ. Какъ извѣстно, большее или меньшее развитіе языка соотвѣтствуетъ большему или меньшему интеллектуальному развитію, потому что, если возникаютъ въ сознаніи человѣка понятія, идеи, образы,—вслѣдъ за тѣмъ неизбѣжно является потребность выраженія ихъ въ словѣ. Отсю-

да языкъ, подобно зеркалу, отражаетъ тѣ душевныя движенія, которыя испыталъ народъ на пути своего развитія, высоту выработанной имъ культуры, высоту полета его мысли, степень ея отвлеченности и пр. Но бѣлорусскій языкъ, прежде всего, небогатъ словами. Нѣкоторая часть ихъ заимствована изъ польскаго языка, а въ послѣднее время, между молодымъ поколѣніемъ, довольно широко входятъ въ обращеніе русскія слова. Онъ также бѣденъ формами выраженій и формами рѣчи; такъ напримѣръ, въ немъ нѣтъ причастныхъ формъ, исключая дѣепричастія прошедшаго времени. Онъ гораздо бѣднѣе словами для обозначенія отвлеченныхъ понятій, чѣмъ великорусскій народный языкъ, и даже уступаетъ въ этомъ отношеніи малорусскому. Онъ также не обладаетъ гибкостью, силой и выразительностью перваго и мягкостью, благозвучностью послѣдняго. Словъ, соотвѣтствующихъ русскимъ существительнымъ съ окончаніемъ на *іе*, *ость* и *есть*, въ немъ чрезвычайно мало; заимствованныя же изъ русскаго языка обращаются только среди грамотниковъ, побывавшихъ въ школѣ или въ военной службѣ, а въ среду стараго поколѣнія, а также въ деревни, отдаленныя отъ школы и, слѣдовательно, лишенныя ея просвѣтительнаго вліянія, проникаютъ весьма мало или даже совсѣмъ не проникаютъ.

Среди бѣлоруссовъ почти не сохранилось историческихъ сказаній, такъ какъ этотъ народъ нѣсколько вѣковъ не жилъ исторической жизнью. Отсюда понятно, что въ немъ заглохло и національное самосознаніе. Только въ послѣднее время оно начинаетъ

пробуждаться: подъ живительнымъ вліяніемъ школ и церкви въ бѣлоруссахъ возраждается сознаніе о св ей принадлежности къ великому русскому племени. Н даже и теперь есть немало бѣлоруссовъ, которые под словомъ „русскіе“ разумѣютъ старовѣровъ, издавна жи вущихъ въ Западномъ краѣ. А если вы къ таким бѣлоруссамъ обратитесь съ вопросомъ—кто они такі въ смыслѣ національности, то очень многіе вамъ тол ко и могутъ сказать, что они „тутэйшіе“, т. е. здѣш ніе, или что они мужики, словно бы это ихъ наці нальное отличіе или словно бы только однимъ бѣл руссамъ и свойственно быть мужиками. И къ ваше му заявленію, что они русскіе или бѣлоруссы, они от несутся довольно скептически: называй, дескать, как хочешь... Только въ отношеніи трудолюбія бѣлорусс не уступитъ ни великоруссу, ни малоруссу, а по вы носливости превосходитъ того и другого. Но этого, ко нечно, мало,—и справедливость требуетъ поставить бѣ лорусса по типу душевнаго развитія ниже его братьев изъ великой русской семьи.

Чѣмъ объяснить такую сравнительно значительную отсталость?

Различія между естественными условіями страны въ которыхъ живутъ эти народы, хотя и наложили конечно, нѣкоторый особенный отпечатокъ на духовный міръ своихъ обитателей, но эти различія не настольк велики, чтобы посредствомъ ихъ было возможно объяснить такую довольно значительную разницу. Объясненія нужно искать, по нашему мнѣнію, въ особенно-

стяхъ историческихъ условій существованія бѣлоруссовъ. Прежде всего, Бѣлоруссія издавна лишилась своей интеллигенціи, этого свѣточа въ духовной жизни народа, его путиводительницы и насадительницы новыхъ идей въ массахъ. Она, какъ извѣстно, усвоила чужой языкъ и нравы, а потому стала вдвойнѣ непонятной народу: новыя идеи сами по себѣ, въ силу своей новизны, трудно усвоиваются, а выраженныя на чужомъ языкѣ становятся еще болѣе недоступны. Но это еще полъ-горя: при благопріятныхъ обстоятельствахъ народъ могъ выдвинуть изъ своей среды новыхъ носителей сокровищъ своего духа, — новую интеллигенцію, можетъ быть еще болѣе естественную, какъ вышедшую непосредственно изъ нѣдръ народа. Но бѣда въ томъ, что онъ былъ поставленъ въ такія условія, при которыхъ это было рѣшительно невозможно. Бѣлоруссія была весьма часто ареной опустошительныхъ войнъ, разорявшихъ народъ, и тѣмъ обусловившихъ его отсталость и невѣжество, и развивавшихъ грубость нравовъ; а что всего важнѣе—она до такой степени была закрѣпощена помѣщикамъ, обязанности въ отношеніи къ этимъ послѣднимъ были такъ отяготительны, что на выполненіе ихъ расходовались всѣ силы народа, такъ что у него не оставалось ни времени на размышленіе и обдумываніе, ни средствъ на обученіе, а безъ этого немыслимо умственное развитіе.

Еще слишкомъ живы воспоминанія объ этомъ печальномъ времени и живы свидѣтели перенесшіе на своихъ плечахъ всѣ его тягости. Въ любой деревнѣ вамъ сообщатъ массу невѣроятнѣйшихъ разсказовъ о

безсмысленной жестокости или самихъ помѣщиковъ, и[illegible] ихъ управляющихъ, экономовъ, войтовъ, тіуновъ [illegible] прочихъ „подпанковъ". Вамъ раскажутъ, что даже тогда, когда число дней „панщины" было опредѣле[illegible] закономъ, крестьяне, однако, отбывали „пригонъ" [illegible] такое время и въ такомъ размѣрѣ, какъ это взд[illegible]мается помѣщику, хотя такой произволъ приносилъ с[illegible]щественный вредъ крестьянскому хозяйству. Но гд[illegible] было искать управы? Кому жаловаться? Пану на п[illegible]на? А другой инстанціи крестьянинъ не зналъ.

Бывали помѣщики, у которыхъ каждую суббо[illegible] половину пригонщиковъ жестоко сѣкли розгами: одних[illegible] за огрѣхи при пахотѣ, другихъ за высокія „гривы[illegible] при косьбѣ; тѣхъ за то, что высоко жали, а тѣх[illegible] что малыя снопы вязали, чтобы сжать установленн[illegible] число копенъ и т. д. Надо было напрягать всѣ с[illegible]лы, пускать въ ходъ всю внимательность и изобрѣ[illegible]тательность, чтобы избѣжать наказанія. Но и это д[illegible]леко не всегда помогало.

Ведя такую изнурительную жизнь, чѣмъ питал[illegible] народъ? Вѣдь отъ качества пищи много зависитъ к[illegible]чество мысли. „Мы только теперь узнали, что тако[illegible] голодъ", говорили намъ иронически крестьяне:—„ за панами мы голоду не знали, потому что всегда г[illegible]лодали. Бывало только скотинку бережешь, а сам[illegible] каждую весну ѣли травы да коренья. А когда мол[illegible]тили панскій хлѣбъ, то невѣянныя зерна, тайком[illegible] горстями въ ротъ сыпали да ѣли". Повѣрить можн[illegible] И теперь еще въ центральной Бѣлоруссіи крестьян[illegible]

іастолько сохранили привычку къ хлѣбу съ мякиной, іто только такой хлѣбъ, пушной или „полбвый", и читаютъ настоящимъ хлѣбомъ, а къ «чистяку» относятся съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, находя, что онъ ie питателенъ, что онъ какъ слюна: нѣтъ съ него іикакого „посилку".

Какъ при такихъ условіяхъ, когда крестьянинъ былъ отягощенъ безысходнымъ трудомъ, когда его личность подавлялась, его человѣческое достоинство подвергалось поруганію, какъ было тутъ развиться критическому мышленію, духу изслѣдованія, тѣмъ болѣе, іто для мужика школы были закрыты, а самостоятельныя попытки помимо школы проникнуть въ область хотя бы простой грамотности систематически подавлялись панами и представителями панской власти? Мужику оставалось одно: влачить изо дня въ день жизнь вола подъяремнаго, по характерному выраженію,—что день прожилъ, то къ смерти ближе,—забывая то изъ своего прошлаго, что не имѣло непосредственнаго отношенія къ текущей дѣйствительности, не заглядывая далеко въ будущее, словомъ — не выходя изъ узкаго круга чувствованій и идей, которыя давала повседневная жизнь, бѣдная событіями.

При такихъ условіяхъ все болѣе и болѣе закрѣпляется привычка мыслить по традиціи, по разъ усвоеннымъ *образцамъ,—и если существенно не измѣнятся* условія жизни, если не будетъ дано толчковъ извнѣ сильныхъ на столько, чтобы пробудить мышленіе и направить его на критическую переработку установив-

шихся формъ мысли и жизни, то оно рискуетъ окоч нѣть въ этихъ формахъ, считая ихъ чѣмъ то неизм нным, неизбѣжнымъ и лучшимъ чѣмъ что бы то было чужое. Бѣлоруссъ такъ долго предавался засто что въ немъ развилось домосѣдство, неподвижнос (даже отхожихъ промысловъ не развилъ, хотя потре ность въ нихъ, конечно, чувствовалась), а отсутст ознакомленія съ чужимъ мѣшало улучшенію свое Онъ нѣсколько вѣковъ не жилъ нѣкоторыми сторона своего духа, такъ что неудивительно если его воззр нія на внѣшній міръ и душу человѣка очень мало изм нились и нынѣ стоятъ, по крайней мѣрѣ въ зах лустьяхъ, почти на той же ступени развитія, какъ во времена лѣтописца Нестора. Понятно, что „неч стая сила" т. е. всякая чертовщина, вѣдьмаки, вѣд мы, вовколаки, вампиры, хатники, хлѣвники, лѣш водяники и пр. и пр., такъ же фигурируютъ міровоззрѣніяхъ бѣлорусса, какъ и во время оно, ко да его предки „звѣринскимъ обычаемъ живяху". Тѣс связанные съ „нечистой силой" чародѣйства, ворожб заговоры, напусканія болѣзней, изгнаніе ихъ, все е полонятъ умъ бѣлорусскаго крестьянина,—немного, м жетъ быть, менѣе, чѣмъ умъ какого нибудь остяка,- все еще играютъ важную роль въ его предпріятіях въ его жизни.

Единственнымъ просвѣтительнымъ началомъ въ жиз бѣлоруссовъ было христіанство. Извѣстно, что со вр мени введенія христіанства, языческое міровоззрѣн получило значеніе антихристіанскаго начала и въ это смыслѣ служило предметомъ борьбы со стороны дух

венства. Здѣсь считаемъ нелишнимъ напомнить читателю, каковы были тѣ возрѣнія, противъ которыхъ боролись христіанскіе просвѣтители нашихъ предковъ: *тогда читателю будетъ виднѣе, что сохранилось у бѣлоруссовъ* отъ первобытнаго міросозерцанія и въ какихъ формахъ сохранилось. Для этого мы воспользуемся *обличительною* рѣчью, составленною А. Н Майковымъ изъ сводки разныхъ отрывковъ древнихъ духовныхъ писателей, обличавшихъ языческое нечестіе русскихъ:

„О во тьмѣ блуждающіе!—восклицаетъ одинъ изъ ревнителей христіанства:— „Кумиры повержены, но вы рабствуете и поклоняетесь прежнимъ бѣсамъ! Богами нарицаете стихіи, и солнце, и огонь; и огню тоже молитесь, зовете его Сварожичемъ! Вѣруете и въ стрѣчу, и въ полазъ, и въ птичій грай и въ ворожбу; волхвуете птицами и звѣрьми! Богъ даетъ вамъ *вся благая; вы же Его не познали, а все отъ бѣсовъ своихъ* имѣти мните—и обиліе плодовъ земныхъ, и раствореніе воздуховъ! Вмѣсто призыванія благодати *Господней на вешнія поля и нивы, рядитесь* во звѣриныя шкуры, надѣваете личины, толпами выходите вызывать Перуна или поганнаго Ярилу (Ярило—яръ, весна), съ крикомъ и гамомъ бѣгаете по селамъ, ударяя въ бубны, тазы, сковороды, мѣдные доски, брянча колокольчиками и бубенчиками, хлопая бичами: тѣмъ мните зиму и мракъ прогоняти, не вѣдая того, что вся отъ Господа! Покараетъ ли васъ Господь, посушитъ поля и нивы, дабы сердца ваши окаянніи подвиглись къ Нему,—вы яко слѣпы и глухи пребываете, и паки къ нечистому дѣйству прибѣгаете: обовьете дѣвку цвѣтами и травами, водите ее по полямъ, обливая водою, а сами, переряженые въ звѣриныя *шкуры, бѣгаетѣ кругъ нея съ бѣсовскими пѣснями*, съ плясаніемъ и скаканіемъ *). Отъ рожденія до самыя смерти бѣсамъ токмо служите: зачинаетесь въ сквернѣ и грѣхѣ; бракъ ли то есть, когда собираетесь на игрища, и дѣвицу себѣ любу избравъ, на коняхъ ристающе, подскакиваете и съ собой умыкаете: и то есть вамъ бракъ! И станетъ увѣщевать васъ служитель Божій, въ продерзости отвѣщеваете; христіанскій-де обрядъ вѣнчанія годенъ токмо для князей и бояръ, а мы-де люди простые, живемъ какъ отцы и дѣды жили, и по двѣ жены имѣть можемъ!.. О горе горькое, о прелесть сатанинская! И паки скажу: какъ вы пастыря душъ встрѣчаете? Плюете, невѣгласи, встрѣтясь со святымъ отцомъ, бѣсамъ заклятія читаете и яко отъ недоброй всрѣчи, назадъ ворочаетесь! А волхвамъ, и скоморохамъ, и гудцамъ, пѣвунамъ, что толпами изъ села въ село шатаются и поганныя требы и волхованія *творятъ и басни о бѣсахъ баютъ со струннымъ* гуденіемъ,—ихъ послушаете и ихъ ублажаете и чествуете, и на праздникахъ своихъ все ими указан*ное творите, и на кладбища* съ *ними* съ *огнемъ* ходите, и окрестъ могилъ пѣсни бѣсовскія возглашаете, и скаканіемъ и плясаніемъ святое мѣсто оскверняете! Молитвы ни единой сотворить не могуще, развѣ кто

*) Г. Аѳанасьевъ думаетъ, что переряживаніе въ звѣриныя *шкуры знаменовало облака, видъ свой мѣняющія, а дѣвка*—алчущую землю.

„Господи помилуй“ со страхомъ скажетъ, заклятій знаете множество—и къ вѣтрамъ нарицающе ихъ Стрибожьими чадами, и къ зарѣ—яко къ нѣкоей женѣ, сѣдящей на морѣ, на Океанѣ, въ палатахъ красна золота да чиста серебра, и къ огню-сварожичу, и къ печкѣ, и къ инымъ, иже стихіи суть, или руками дѣланная!“ *).

Христіанское духовенство много, конечно, разсѣяло первобытной тьмы. Но то, что выработано самимъ народомъ путемъ естественнаго развитія, что составляетъ естественную ступень въ эволюціи его мысли, какъ видно, нелегко поддается сглаживанію и уничтоженію. Оно исчезаетъ при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы мысль человѣческая естественнымъ образомъ вступила въ слѣдующій фазисъ своего развитія. А для этого необходимы извѣстныя условія, какъ напримѣръ—нѣкоторыя матеріальная обезпеченность, дающая досугъ для наблюденій, изслѣдованій и обобщеній; обогащеніе нашего ума путемъ пріобрѣтенія положительныхъ свѣдѣній изъ различныхъ отраслей знанія и т. п. А такъ какъ до послѣдняго времени ни одно изъ этихъ условій не имѣло мѣста въ жизни бѣлорусса, то понятно, почему большая половина его воззрѣній представляетъ изъ себя „живую старину“. Къ ней-то мы теперь и обратимся.

*) Майков. Сочин., т. II, стр. 414.

I.

Пережитки фетишизма.

Со времени „Курса позитивной философіи“ Огюст. Конта, процессъ миѳологическаго развитія раздѣляют обыкновенно на три послѣдовательные фазиса: фетишистическій, политеистическій и монотеистическій.

Фетишизмъ—начальная ступень въ процессѣ осмысливанія человѣкомъ внѣшняго міра. Это періодъ со вершенно младенческаго состоянія человѣческаго ум Для правильнаго пониманія этого періода необходим принять то неоспоримое положеніе *), что первобыт ныя идеи естественны, и, при тѣхъ условіяхъ, когд онѣ имѣютъ мѣсто,—разумны. Ставши на эту точк зрѣнія, спросимъ себя: какъ могъ поступать первобыт ный человѣкъ, подавленный массою разнообразных явленій внѣшняго міра, чтобы разобраться въ них собственными силами,—какой путь могъ избрать он для этой цѣли? Для него выбора не было, ибо тако путь одинъ, который, между прочимъ, практикуется н только дикаремъ, но и ученымъ изслѣдователемъ, д

*) Спенсеръ, Основан. соціолог., т. I стр. 110.

стигшимъ вершинъ человѣческаго знанія: онъ заключается въ объясненіи неизвѣстнаго посредствомъ извѣстнаго.

Ближе всего, такъ сказать—непосредственно, первобытный человѣкъ зналъ самого себя, т. е. свои собственныя состоянія. Отсюда слѣдуетъ, что первобытные люди должны были основывать свои объясненія явленій внѣшняго міра на аналогіяхъ, почерпнутыхъ изъ своего сознанія, и вслѣдствіе этого они должны были надѣлять всѣ предметы свойствами и способностями, присущими живому человѣку: способностію чувствовать голодъ и жажду, удовольствіе и страданіе, любить похвалу и лесть, мстить обидчику и т. п. Такое апріорное заключеніе подтверждается массою фактовъ и наблюденій, собранныхъ изслѣдователями жизни дикарей. Сообразно со своими понятіями о внѣшнемъ мірѣ, дикарь устанавливаетъ и свои отношенія къ нему: бесѣдуетъ даже съ неодушевленными предметами, какъ наши дѣти съ куклами и игрушками, проситъ у нихъ помощи въ потребныхъ случаяхъ, благодаритъ ихъ, буде она оказана, бьетъ и наказываетъ за непослушаніе, дѣлится своей добычей, кормитъ ихъ и т. п. Отголоски этого далекаго прошлаго, въ силу косности человѣческаго ума, сохраняются, въ той или другой формѣ, даже въ обществахъ, стоящихъ на высшей ступени цивилизаціи. Поэтому неудивительно, хотя и печально, что довольно яркіе слѣды ихъ сохранились въ медвѣжьихъ углахъ Бѣлоруссіи въ видѣ суевѣрнаго почитанія разныхъ предметовъ, въ видѣ разныхъ повѣрій, легендъ и преданій.

Почитаніе огня. Ясные слѣды фетишизма сказы-ваются въ почитаніи бѣлоруссами огня вообще и до-машняго очага въ частности. Это черта болѣе ил менѣе общая всѣмъ народамъ арійскаго корня. Такъ римлянъ, какъ извѣстно, въ храмѣ Весты горѣлъ вѣ-ный огонь, поддерживавшійся предназначенными дл этого жрицами-дѣвственницами, весталками; у лито-цевъ предъ истуканомъ Перкуна вайделотки непреста-но жгли дубовыя дрова, поддерживая, такимъ обр-зомъ, неугасаемый огонь *Зничъ*, по мнѣнію нѣкоторы ученыхъ—самостоятельное божество, носившее назван Вѣчнаго Отца. И у нашихъ предковъ огонь поч-тался наряду съ солнцемъ, какъ родные братья, ка свѣтоносныя и теплотворныя начала, что видно, меж-прочимъ, изъ слова нѣкоего христолюбца, обличающа-это нечестіе: «*И огневѣ молятсь, зовуще его Свар-жичемъ*»...

Въ воззрѣніяхъ бѣлоруссовъ огонь является одн-изъ основъ семьи, домашнимъ пенатомъ, началомъ ц-лебнымъ и всеочищающимъ. Особенно это сказывает-въ захолустныхъ мѣстностяхъ. Тамъ въ каждой семь стараются поддерживать *свой* огонь, тщательно загр-бая горячіе уголья въ печурку. Онъ вздувается мѣрѣ надобности. При переходѣ изъ одного жилья другое, при семейномъ раздѣлѣ, несутъ съ собою ог изъ домашняго очага. Осквернять огонь плевка или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ, считается дѣло нечестивымъ и небезопаснымъ, обо „жижа“, какъ з-вется огонь на дѣтскомъ языкѣ, кусается,—и отъ это на лицѣ виноватаго появляется „вогникъ“ — особ

накожная болѣзнь, при которой лицо покрывается струпьями, какъ послѣ ожога. *Вогникъ* можетъ быть вылѣченъ только посредствомъ огня. Для этого, когда дрова разгорятся яркимъ пламенемъ, выгребаютъ девять раскаленныхъ угольковъ (иногда три); каждымъ изъ нихъ обмахиваютъ три раза вокругъ больного мѣста и, наотмашь, обратно вбрасываютъ въ печь, со словами: „аткуль пришоу, туды идзи", а больной трижды цѣлуетъ припечекъ. Это называется „откидать вогникъ".

Огнемъ лѣчатъ и другія болѣзни. Когда дѣти корчатся и кричатъ отъ боли, не спятъ по ночамъ,—это ихъ мучаютъ *Ночницы*—маленькіе и злые духи ночи. Ихътолько можетъ прогнать свѣтоносное начало—огонь. Ночью, когда дитя особенно раскричится, топятъ печь, и передъ полымемъ „палаютъ" больного ребенка. *Палать*—собственно значитъ очищать отъ шелухи ячменную или какую нибудь другую крупу, посредствомъ встряхиванія въ особыхъ ночвахъ-паланкахъ. Нѣчто подобное продѣлываютъ и съ больнымъ ребенкомъ. Его кладутъ въ «приполъ», въ подолъ платья, качаютъ передъ пламенемъ, слегка встряхивая и нашептывая „заговоръ":

Цемная ночка
Начницъ парадзила,—
Малому дзицяци
Муки нарабила;
Ясное соунійка *)

*) Въ бѣлорусскомъ текстѣ „у", напечатанное курсивомъ, слѣдуетъ произносить кратко, сливая съ предшествующей гласной.

Дзень начинаець,
Пачницъ прогоняець,
Дзянницъ насылаець,
Боль сунимаець.
Шухъ у печь! Шухъ у печь!..

Пламя или пожираетъ ночницъ, или отгоняет прочь.

Вообще совѣтуютъ часто „палать" дѣтей перед печью, такъ какъ огонь считается средствомъ, очищ ющимъ всякую „немочь", а равно и предохраняющи от нея. Потому-то парни и дѣвушки прыгаютъ ч резъ купальскіе огни. Хорошій хозяинъ, насаживая овинѣ снопы первый разъ въ году, чтобы просуши ихъ для молотьбы, бросаетъ обыкновенно снопъ р въ овинный огонь. Это несомнѣнно отголосокъ первобы ныхъ жертвъ огню.

Огонь, въ качествѣ древняго родового пена скрѣпляетъ различные родственные союзы. Такъ н вѣста, прибывшая въ домъ жениха, чтобы „освоит ся" въ немъ, кланяется очагу и прикасается къ не руками. То же дѣлаетъ и женихъ, идущій въ чуж семью. Въ извѣстные дни,—на праздникъ Пасхи и когда кто-нибудь изъ домашнихъ выѣхалъ на поле с ять, а особенно, когда въ домѣ *толока* (пòмочи), огня изъ очага не одолжаютъ (спичекъ одолжить мо но); вѣрятъ, что за огнемъ можетъ уйти изъ до благосостояніе, или, по крайней мѣрѣ, хлѣбъ не у дится. Въ это время огонь называютъ *богатцемъ*

*) Въ Полѣсье огонь вообще называютъ „богатьемъ", т. богатствомъ.

Впрочемъ, нѣкоторые крестьяне, по той же причинѣ, что указана выше, и въ обыкновенные дни опасаются давать изъ своего очага горячіе угли чужимъ людямъ, въ другую избу; а если даютъ, то весьма неохотно, при томъ подъ условіемъ, чтобы тѣ же угли были возвращены, хотя бы и потухшіе; требуютъ также, чтобы одолжающій оставилъ свою вещь, пока не возвратитъ углей: это предохраняетъ отъ дурныхъ послѣдствій, которыя могли бы произойти вслѣдствіе того, что огонь былъ одолженъ. Иные съ этою цѣлію, если угли не возвращены, въ свою очередь посылаютъ къ тому сосѣду, который одолжалъ, за горячими углями, хотя бы въ нихъ и не было надобности.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бобруйскаго уѣзда и почти во всемъ Полѣсьѣ употребляется для освѣщенія такъ насываемой „коминъ". Это воронкообразная труба, выходящая наружу черезъ потолокъ и крышу; снизу къ этой воронкѣ подвязывается „каганецъ" — старая сковородка, обломокъ чугуннаго горшка или глиняная лоханка; на каганцѣ жгутся сухія полѣнца или смолистые, мелкоизрубленные сосновые корни. Въ этихъ мѣстностяхъ на Ѳоминой недѣлѣ справляется женитьба комина. На комъ онъ женится—намъ не удалось точно узнать. Одни говорили, что „съ печью женитца", другіе—съ хатой, а большинство отвѣчали: „ кто его знаетъ! старые люди говорили: женится коминъ,—и мы за ними". Къ этому времени, т. е. къ женитьбѣ, коминъ бѣлятъ, охорашиваютъ, украшаютъ зеленью—плавуномъ, брусничникомъ, хвоями,—и бросаютъ въ огонь кусочки сала или масла: это ему свадебное

угощеніе. И въ этомъ также нельзя не видѣть пер
житка первобытныхъ жертвъ огню.

При помощи огня гадаютъ. Если огонь горит
весело—это вообще хорошій признакъ. Если уголь п
падетъ въ горшокъ съ пищей—это означаетъ под
рокъ. Если изъ печи съ трескомъ выскакиваютъ гор
чіе уголья—это предвѣщаетъ скорое прибытіе жела
наго гостя. Почему? Да вѣроятно потому, что въ б
лыя времена огонь, какъ домашній пенатъ, считал
покровителемъ гостей, какъ и всѣхъ вообще находи
шихся подъ кровлей его обиталища.

Вода. На ряду съ царемъ-огнемъ, немалымъ поч
томъ пользуется и царица-водица —другая стихія, е
болѣе важная по своему значенію для жизни человѣк
Много сохранилось упоминаній какъ въ нашихъ лѣт
писяхъ, такъ и въ поученіяхъ русскихъ святителей
поклоненіи водѣ и о принесеніи ей жертвъ. Такъ воин
Святослава, по словамъ Льва Діакона, послѣ погреб
нія павшихъ въ битвѣ товарищей, погружали въ во
ны Дуная пѣтуховъ и младенцевъ. Преподобный Н
сторъ говоритъ о полянахъ: „бяху же тогда погані
жруще езеромъ и кладеземъ и рощеніемъ, якоже и пр
чіи поганіи".

И по сей день въ Бѣлоруссіи почитаются «езер
кладези и источницы». Особенно послѣдніе. Нѣкот
рые „ключи", издавна пользующіеся извѣстностію, п
ріодически привлекаютъ къ себѣ поклонниковъ масс
ми, въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ наши липецк
и пятигорскія воды. Ключевая вода, или, какъ
часто называютъ, «живая», почитается высокимъ ц

лебнымъ и очищающимъ средствомъ, такъ же, какъ и огонь. Весной, послѣ перваго грома, начинается это своеобразное паломничество „къ ключамъ". Совершается оно въ извѣстные дни, издавна установленные: на Юрья, на Николу, на Ушестя (Вознесеніе), на Дзевятника (девятый четвергъ послѣ Пасхи), на Пяцинку, на Дзесятуху и пр. До „русальной недѣли" (первая послѣ Троицы) берутъ воду только для питья, а послѣ русальной и купаются, гдѣ это удобно, а также поятъ и купаютъ лошадей. Дѣлается это или чтобы излѣчиться отъ болѣзни, или чтобы предохранить себя отъ нея на будущее время. Плевать въ воду вообще предосудительно, а въ „живую" въ особенности. Она такъ же, какъ и огонь, употребляется для гаданій и чародѣйствъ. Вода въ кадкѣ, употребляемая для питья, должна быть закрыта, иначе въ нее можетъ войти нечистая сила.

Земля. Подобно сказанному выше, отношеніе бѣлоруса къ кормилицѣ-землѣ носитъ также нѣсколько фетишистическій характеръ. Да и можетъ ли быть иначе, когда его благосостояніе, распорядокъ его личной, семейной и даже общественной жизни во многомъ зависитъ отъ неумолимой „власти земли"? Отправляясь въ чужую сторону, бѣлоруссъ, слѣдующій обычаямъ предковъ, беретъ щепотку родной земли и, зашивъ ее въ лоскутокъ холста, вѣшаетъ на груди: если придется умереть на чужбинѣ, то его прахъ всеже будетъ покоиться вмѣстѣ съ родной землицей. Самая страшная клятва для бѣлорусса—это клятва, произнесенная съ землею во рту или въ рукѣ. Къ этой клятвѣ прибѣ-

гаютъ рѣдко, и если бѣлоруссъ что-нибудь удостовѣ ряетъ, взявъ щепотку земли въ ротъ, то его земляк ему, несомнѣнно, повѣрятъ. Если же онъ солжетъ, т думаютъ, что почернѣетъ, какъ земля. Глубоко укс ренилось въ сознаніи бѣлоруссовъ представленіе о зем лѣ, какъ о всеобщей матери; поэтому, между прс чимъ, считается предосудительнымъ ругаться материн скими словами, чтобы не оскорбить чести матери-земли Великихъ грѣшниковъ „земля не примае", т. е. вы брасываетъ ихъ изъ могилы, не даетъ имъ упокоенія Въ бѣлорусскихъ заклятіяхъ и чарахъ земля столь ж часто фигурируетъ, какъ и огонь. Есть повѣрье, чт предъ наступленіемъ общественныхъ бѣдствій земл стонетъ по утрамъ, предъ восходомъ солнца. Люди одаренные чуткимъ слухомъ и при томъ свѣдущіе в ворожбѣ, могутъ слышать этотъ стонъ и заранѣе пред сказывать разныя бѣдствія: голодъ, моръ, войну и т п., ибо стонъ земли измѣняется соотвѣтственно харак теру бѣдствія. Такъ предъ голодомъ къ стону примѣ шивается плачъ дѣтей, предъ моромъ—похоронныя при читанія, передъ войной слышенъ особый гулъ, какъ бı отъ топота множества ногъ и копытъ.

Хлѣбъ. Къ хлѣбу бѣлоруссы относятся съ большим почтеніемъ. Печь хлѣбъ должна женщина „чистая", в противномъ случаѣ онъ не удастся: будетъ коробиться трескаться. Вообще это оскорбленіе хлѣба. Крошит хлѣбъ, сорить имъ—большой грѣхъ: кто такъ посту паетъ,—не будетъ имѣть хлѣба. Лучше всего—хлѣ бныя крошки и корки сжигать въ печи.

Почитаніе бѣлоруссами хлѣба прекрасно иллюстри

руется слѣдующимъ разсказомъ, широко распространеннымъ въ Бѣлоруссіи. Вотъ этотъ разсказъ. Одинъ человѣкъ, во время ѣды, нечаянно уронилъ крошку хлѣба. Испугался онъ, сталъ ее искать. Въ это время его гумно загорѣлось. Бѣгутъ сосѣди, кричатъ ему: гумно горитъ! Онъ спокойно продолжаетъ искать оброненную крошку. Нашелъ, извинился передъ хлѣбомъ и, перекрестившись, съ благоговѣніемъ съѣлъ его. Тогда бросился гумно тушить. Но, въ то время, когда онъ умилостивливалъ хлѣбъ, гумно его мгновенно потухло.

Если обнести вокругъ горящаго дома хлѣбъ, то огонь не будетъ далѣе распространяться; только надо, чтобы хлѣбъ захотѣлъ этого. Иные, обнесши хлѣбъ вокругъ горящаго дома, бросаютъ его въ огонь, полагая, что отъэтого пожаръпрекратится. Этотъ обычай намекаетъ на жертву огню; повидимому здѣсь сила не въ хлѣбѣ, какъ намъобъясняли крестьяне, а въ томъ, чтобы умилостивить огонь.

Во всѣхъ семейныхъ торжествахъ, хлѣбъ занимаетъ высокое мѣсто, но эти обычаи такъ распространены и общеизвѣстны, что не считаемъ нужнымъ останавливаться на нихъ. По хлѣбу предсказываютъ судьбу членовъ семьи. Если хлѣбъ въ печи развалится на двѣ половины—это не къ добру: умретъ или хозяинъ, или хозяйка. Если въ мякишѣ окажется вертикальная трещина—это предвѣщаетъ близкій раздѣлъ семьи; горизонтальная трещина—вѣрный признакъ, что или дочь выйдетъ замужъ, или сынъ пойдетъ „у примы“ (въ чужую семью).

Почитаніе камней. Относительно камней сохранилось повѣрье, что въ былыя времена они, подобно животнымъ, чувствовали, росли и размножались; но когда люди прогнѣвили Бога, онъ проклялъ и людей и землю,—и земля перестала давать прежніе баснословные урожаи, и камни перестали рости. Въ Борисовскомъ уѣздѣ, около села Краснолукъ, лежитъ большой камень, въ которомъ, по преданію, встарину жилъ портной. Онъ всѣмъ шилъ безденежно и шилъ очень хорошо, только не слѣдовало его просить объ этомъ: попросишь — и онъ поступитъ какъ разъ наоборотъ, а иногда просто изрѣжетъ матеріалъ въ куски и выбросить вонъ. Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова. За работу ему приносили ѣсть и пить.

Не служитъ ли послѣднее указаніемъ на поклоненіе и жертвоприношеніе камнямъ? Очень вѣроятно. Такихъ камней, съ которыми связано то или другое преданіе,—камней, прославившихся чудотворною силой, въ Бѣлоруссіи немало. Два такихъ камня находятся въ Игуменскомъ уѣздѣ близъ села Пережира. Одинъ изъ нихъ называется Дземьянъ, другой Марья. Они находятся другъ отъ друга на разстояніи, приблизительно, ста саженей. Лѣтъ двадцать тому назадъ прославился чудодѣйственною силою камень Марья: ходили слухи объ исцѣленіи паралитиковъ, хромыхъ, глухихъ и проч. Къ нему стекались на поклоненіе не только жители ближайшихъ мѣстностей, но даже издалека, изъ губерній Могилевской, Витебской, Псковской, Виленской и др. Марья въ высоту аршина два, въ ширину около аршина и въ одинъ футъ толщиною; Дземьянъ нѣсколь-

ко меньше. Глаза суевѣровъ усматриваютъ въ томъ и другомъ подобіе человѣческой фигуры, именно подобіе подбоченившагося человѣка, хотя эти камни не имѣютъ ни малѣйшихъ признаковъ головы, шеи и другихъ частей тѣла. Къ половымъ различіямъ повело присутствіе у Марьи нѣкоторыхъ возвышеній посрединѣ: они то и принимаются за женскія груди. Этимъ камнямъ приносили пожертвованія: холстъ, ленъ шерсть, поросятъ, телятъ, овецъ и деньги. Порою пожертвованія были такъ обильны, что холстъ, ленъ и т. п. возами возили. Впрочемъ, въ послѣднее время популярность Марьи значительно упала, и о прежнихъ приношеніяхъ и помина вѣтъ. Иногда только какая-нибудь дѣвушка, выпрашивая жениха, привѣситъ къ камню кольцо или нѣсколько бусъ.

Эти два камня могутъ быть отнесены къ такъ называемымъ „каменнымъ бабамъ“. Все эти камни, обработанные рукой человѣка въ подобіе человѣческой фигуры, обработанные весьма грубо. Съ ними обыкновенно связываются легенды о томъ, что это были люди, которые за грѣхи превращены въ камни.

Недалеко отъ г. Несвижа (верстъ 10—12), близъ фольварка Лозовичи, князя Радзивилла, есть три камня весьма значительной величины. Одинъ изъ нихъ торчитъ изъ земли, напоминая, хотя слабо, человѣческую фигуру, а два лежатъ рядомъ близъ перваго. Относительно этихъ камней ходитъ среди окрестныхъ крестьянъ такая легенда. Жилъ въ Несвижѣ жестокій князь, который Бога не боялся, весьма народъ мучилъ. Мало того, что люди въ будни изъ силъ выбивались,

работая на барщинѣ, онъ сталъ требовать, чтобы он и въ годовые праздники на пригонъ ходили. Вот наступила Пасха. Снѣгъ сошелъ, поле можно пахать И заказываетъ войтъ пригонъ, а если кто не явитс по заказу, то грозится вырѣзать тому три полосы с спины. Такъ злой князь приказалъ. Плачетъ народъ Выйти на пахоту—вышли, но за работу никто н принимается. А войтъ похаживаетъ, да кнутомъ стегаетъ непослушныхъ. Пріѣхалъ самъ князь. Тутъ войт еще болѣе сталъ свирѣпствовать, желая угодить князю Вотъ и говорятъ люди войту: если ты такой умный то попробуй самъ пахать. Войтъ захотѣлъ отличитьс передъ княземъ, схватилъ соху за рогачъ и погнал борозду. Но не дошелъ онъ и до половины борозды какъ ударилъ громъ небесный — и войтъ съ волам окаменѣлъ. Такъ и стоятъ они до страшнаго суда.

Весьма распространены камни съ отпечаткомъ человѣческой ступни. Трудно сказать, что это такое игра природы или дѣло рукъ человѣческихъ (послѣднее вѣроятнѣе),—но только такіе камни пользуютс большимъ почетомъ въ средѣ бѣлоруссовъ и привлекаютъ немало пожертвованій.

Также и по сей день почитаются чудодѣйственными такъ называемыя „перуновы стрѣлы“; это орудія каменнаго вѣка, находимыя въ землѣ. Они употребляются въ чародѣйствахъ и для лѣченія болѣзней.

Горы. Въ Бѣлоруссіи нѣтъ сколько нибудь значительныхъ горъ. То, что здѣсь называется горами, н что иное какъ холмы, болѣе или менѣе возвышенные Понятно, что они не могли поражать воображеніе бѣ

лорусса, внушать къ себѣ суевѣрный страхъ, какъ это бываетъ въ странахъ горыстыхъ. Индусы, напримѣръ, завидѣвъ снѣговыя вершины *Гималая*, со страхомъ и трепетомъ, въ нѣмомъ обожаніи, простираются предъ нимъ, какъ предъ грознымъ, величественнымъ божествомъ. Это, конечно, грубый фетишизмъ, который въ чистомъ видѣ встрѣчается только среди народовъ, находящихся на весьма низкой ступени развитія. Но вообще нужно сказать, что въ горныхъ странахъ неразвитые умы, *если и не поклоняются горамъ*, какъ таковымъ, то считаютъ ихъ мѣстомъ обитанія могущественныхъ горныхъ духовъ или божествъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что и славянскіе народы въ тѣ отдаленныя времена, когда они обитали на своей прародинѣ, гдѣ-то около горнаго хребта Гинду-Кушъ, относительно горъ раздѣляли первобытныя воззрѣнія родственныхъ *племенъ, которыя и теперь являются* въ недоступныхъ долинахъ и горныхъ трущобахъ Гималая чуть-ли не горопоклонниками,—во всякомъ случаѣ питаютъ суевѣрный страхъ къ горамъ.

Послѣ того какъ славяне, оставивъ свою первобытную родину, населили русскую равнину, эти вѣрованія, не находя для себя достаточной пищи на новомъ мѣстѣ, *должны были, мало-по-малу, ослабѣвать*, сглаживаться, терять свою яркость и опредѣленность. Однако слѣды ихъ, хотя и слабые, сохранились въ Бѣлоруссіи и доселѣ.

Такъ напримѣръ, бѣлоруссы питаютъ суевѣрный страхъ къ «лысымъ горамъ», т. е. такимъ, вершины которыхъ лишены растительности, полагая, что онѣ

въ извѣстное время являются мѣстомъ сборища нечистой силы: отъ соприкосновенія съ нею онѣ и облысѣли.

Есть немало горъ, съ которыми связаны легенды и суевѣрныя преданія. Они сводятся, главнымъ образомъ, къ тому, что на такой то горѣ стояла нѣкогда церковь *или костелъ и провалились, поглощены горой*. Между прочимъ, такое преданіе связано съ холмомъ, возвышающимся среди мѣстечка Лукомля (Могилевск. губ., Сѣнновскаго уѣзда). Этотъ холмъ, вѣроятно, старое замчище; но крестьяне говорятъ, что на немъ давнымъ давно стояла церковь и провалилась. Они увѣряютъ, что на Рождество, на Пасху и нѣкоторые другіе *праздники, если приложить ухо къ этой горѣ*, то въ ней слышенъ колокольный звонъ и пѣніе. Намъ кажется, что такія суевѣрія объясняются тѣмъ, что въ былыя времена на горахъ находились языческіе капища и жертвенники; иначе—какъ-то не вяжется съ христіанскимъ воззрѣніемъ, чтобы церковь, святыня, проваливалась,—и намъ никогда не удавалось получить объясненіе, почему она провалилась. «Отъ старыхъ людей слышали»—говорятъ въ такихъ случаяхъ. Но въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ сохранились намеки, указывающіе на то, какое значеніе имѣли горы въ обрядовыхъ празднествахъ. Такъ въ одной „волочебной" пѣснѣ, записанной нами, между прочимъ, восхваляется хозяинъ, прославившійся своимъ чуднымъ дворомъ:

На яго дварѣ ды стояць горы,
Ды стояць горы высокія;
А на тыхъ горахъ ды лежаць брусься,
Ды лежаць брусься цесовые;

А на томъ брусьси ды стояць стоўбы,
Ды стояць стоўбы малеваные;
А на тыхъ стоўбахъ ды висяць котлы,
Ды висяць котлы отливаные;
А по-подъ котлами ды горяць агни,
А гараць агни ясненькіе,
Ды идуць дымки синенькіе;
Тамъ сидзяць дзѣдки старенкіе,
Вараць воски жоўценькіе,
Сучаць свѣчи двойчастыя,
Двойчастыя и тройчастыя;
Сподзеютца любыхъ госційкоў
Любыхъ госьційкоў—великодничкоў

и пр. *(село Погорѣлое, Игуменскаго уѣзда).*

Это несомнѣнно картина языческаго жертвоприношенія, сопровождавшагося обыкновенно народнымъ пиршествомъ, картина, нѣсколько измѣненная въ христіанскомъ духѣ. Внѣшняя сторона этого обрядоваго торжества, обстановка его, весьма выдержана,—отъ нея такъ и вѣетъ духомъ древности; но тутъ уже дѣдки старенькіе, языческіе жрецы, не точатъ ножей булатныхъ, не собираются рѣзать козла, какъ это поется въ извѣстной великорусской „колядкѣ", а варятъ „воски жоўценькіе" (желтые), сучатъ свѣчи двойчастыя и тройчастыя, т. е. языческую жертву замѣняютъ христіанской. Но намъ здѣсь, главнымъ образомъ, интересно то, что для этого торжества, для встрѣчи дорогихъ гостей-великодничковъ понадобились высокія горы, настолько понадобились, что пѣвецъ, совсѣмъ не къ мѣсту, громоздитъ ихъ на хозяйскомъ дворѣ, хотя,

разумѣется, и воскъ варить, и гостей встрѣчать гораздо удобнѣе на ровномъ мѣстѣ. Здѣсь пѣсня, очевидно, остается вѣрной стариннымъ обычаямъ, въ силу которыхъ нѣкоторыя языческія празднества должны были совершаться на горахъ.

И теперь въ Бѣлоруссіи выкликаніе весны и другіе весенніе обряды совершаются непремѣнно на горахъ „на юру".

Также сохранились отголоски прежняго *поклоненія „рощеніямъ"*, о которомъ упоминаетъ Густинская лѣтопись. Такъ въ Борисовскомъ уѣздѣ намъ приходилось слышать, что давнымъ давно, близъ Стараго Борисова, большого имѣнія, нѣкогда принадлежавшаго князьямъ Радзивилламъ, расположеннаго въ мѣстности богатой лѣсами, росъ на одной полянкѣ „стародавній дубъ" очень большихъ размѣровъ. Если кто, бывало рубнетъ его топоромъ, то непремѣнно съ тѣмъ случалось несчастіе. А когда, по приказанію владѣльца срубили этотъ дубъ, то, падая, онъ раздавилъ всѣхъ рубившихъ его, и, кромѣ того, цѣлую недѣлю свирѣпствовала страшная буря, съ громомъ и молніей, причинившая много бѣдъ.

Въ той же мѣстности и въ Игуменскомъ уѣздѣ до послѣдняго времени, среди выдѣлывателей клепки, ходило мнѣніе, что есть такія деревья, которыя рубить небезопасно: какъ ни берегись, а оно тебя придавитъ. Не совѣтуютъ рубить дерево, которое скрипитъ, ибо это вѣрный признакъ, что въ немъ человѣчья душа мучится. Срубившій такое дерево заставляетъ ее искать себѣ новаго пристанища, за это онъ можетъ

поплатиться увѣчьемъ, а иногда и своею жизнью. Много связано повѣрій и съ осиной. Это дерево употребляется при волхованіяхъ.

Всѣ растенія, по повѣрію, разговариваютъ между собою, и есть такіе люди, что понимаютъ ихъ рѣчь, и вслѣдствіе этого могутъ узнать, какая заключается въ нихъ сила: цѣлебная или ядовитая,—и въ какихъ болѣзняхъ извѣстное растеніе помогаетъ. Въ прежнія времена, говорятъ бѣлоруссы, много было такихъ людей, а теперь очень мало, но все-таки есть они.

Особенно отличаются таинственными свойствами папоротникъ и разрывъ-трава. *Папоротникъ*, какъ гласитъ повѣрье, цвѣтетъ только въ ночь на Купалу (23 іюня); цвѣтетъ онъ одинъ мигъ; цвѣтки его горятъ, какъ искорки. Завладѣть этими цвѣтками очень трудно, ибо нечистая сила поставляетъ къ этому всякія препятствія: отводитъ глаза, а болѣе всего пугаетъ разными страхами, такъ что за это дѣло надо браться умѣючи, и даже не всякому чаровнику оно по силамъ. Всего чаще ушедшіе въ лѣсъ за этимъ чуднымъ цвѣткомъ умираютъ со страху.

Собираетъ эти цвѣтки безпрепятственно только *Купальскій дзѣдокъ*; онъ ходитъ съ лукошечкомъ и наполняетъ его цвѣтами, такъ что лукошечко горитъ какъ жаръ. Купальскій дзѣдокъ—добрый. Если встрѣтиться съ нимъ и разостлать предъ нимъ бѣлую скатерть, то онъ броситъ на нее одинъ цвѣтокъ. Хватай, тогда скорѣе его и, разрѣзавши ладонь правой руки клади подъ кожу: оттуда нечистикъ не достанетъ. Счастливый обладатель чуднаго цвѣтка получаетъ даръ

всевѣдѣнія, а въ особенности знаетъ, гдѣ какіе клады лежатъ и какъ къ нимъ приступиться, знаетъ, какія заклятія на нихъ наложены и какъ ихъ отчаровать. Понятно что, «нечисьцики», стерегущіе клады, всѣми силами стараются отнять цвѣтокъ.

Разрывъ-трава добывается особымъ способомъ. Эту траву знаютъ только вѣщія птицы, какъ напримѣръ, сорока, сова и сойка. Найдя гнѣздо съ птенцами одной изъ этихъ птицъ, нужно въ немъ замазать глиной отверстіе, такъ чтобы птица не могла кормить своихъ дѣтей. Подъ деревомъ, на которомъ свито гнѣздо, слѣдуетъ разостлать скатерть и самому спрятаться подъ ней. Побуждаемая пискомъ голодныхъ дѣтенышей, желая освободить ихъ изъ неволи и накормить, птица полетитъ искать разрывъ-траву. Бываетъ, что она и находитъ ее. Тогда она прикладываетъ разрывъ-траву къ гнѣзду, и замазка съ него спадаетъ. Вотъ тогда-то и нужно смотрѣть на скатерть: не упала ли разрывъ-трава. Если найдешь ее, разрѣжь ладонь на правой рукѣ и подсунь подъ кожу траву. Тогда стоитъ только толкнуть этой рукой въ запертую дверь—она отворится, стоитъ только взяться за замокъ—онъ самъ открывается.

Крестьяне вѣрятъ, что прославленные воры имѣютъ разрывъ-траву.

Животныя. Изъ міра животныхъ суевѣрное почитаніе вызываютъ главнымъ образомъ змѣи, а изъ нихъ особенно ужи. Эти послѣдніе, въ нѣкоторыхъ болотистыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи, гдѣ водится мно-

го ужей, и до сихъ поръ играютъ роль домашнихъ божковъ.

По повѣріямъ, всѣ змѣи обладаютъ вѣщею силой, необыкновенною мудростію, но одинъ только ужъ склоненъ употреблять свою мудрость на пользу дома, гдѣ онъ поселился,—и если угождать домашнему ужу, то и онъ, въ свою очередь, будетъ радѣть тому дому. Вообще поселеніе ужа въ домѣ считается хорошимъ предзнаменованіемъ: стоитъ только ужу угодить—и онъ будетъ приносить въ домъ счастіе. Но бѣда, если домашняго ужа прогнѣвить: тогда онъ постарается жестоко отомстить. Поэтому крестьяне кладутъ своимъ ужамъ пищу и питье и вообще заботятся о томъ, чтобы не раздражать ихъ. Намъ не разъ приходилось слышать, что въ южной части Бобруйскаго уѣзда и далѣе къ югу, въ Полѣсьѣ, есть много ужей, совершенно ручныхъ, которые ѣдятъ изъ одной миски съ дѣтьми, посаженными ѣсть на полъ, какъ это часто бываетъ у крестьянъ. Думаютъ, что ужъ имѣетъ ядъ, но по добротѣ своей не пускаетъ его въ дѣло, не хочетъ жалить. Намъ передавали за вѣрное слѣдующій не вѣроятный разсказъ. Въ одномъ домѣ долго жилъ большой ужъ. Положилъ онъ въ хлѣву въ навозѣ свои яйца. Когда копали навозъ, нашли ихъ и взяли „на пробу“, чтобы узнать, какъ отнесется къ этому ужъ. Скоро онъ замѣтилъ пропажу яицъ. Тогда онъ забрался въ клѣть и сталъ „плевать“ въ горшки съ молокомъ, чтобы отравить ихъ своимъ ядомъ. Это видѣла хозяйка. Отсюда заключили, что съ ужами нельзя шутить такихъ шутокъ

и немедленно возвратили яйца въ его гнѣздо. Увидѣвъ, что яйца принесены обратно, ужъ опять забрался въ клѣть и, обвившись головой за ножку стола, а хвостомъ за молочный горшокъ, поопрокидывалъ всѣ горшки, чтобы не отравить людей понапрасну. Убить ужа—большой грѣхъ, полагаютъ бѣлоруссы, а убить гадюку—дѣло душеспасительное: за это отпускается 12 грѣховъ.

Надъ всѣми гадами есть царь. Подъ его личнымъ начальствомъ змѣи идутъ на зимнюю спячку. Царь-змѣй идетъ впереди, а за нимъ, въ несмѣтномъ числѣ, его пресмыкающіеся подданные. Онъ по величинѣ больше всѣхъ ихъ, чешуя его отливаетъ серебромъ и золотомъ, на головѣ его корона изъ маленькихъ золотыхъ рожковъ. Трудно встрѣтить змѣй во время ихъ такого перехода, ибо они выбираютъ для этого непроходимыя для человѣка мѣста. А если удастся встрѣтить змѣиный „вырой“, и разостлать передъ змѣинымъ царемъ скатерть, и положить хлѣбъ-соль, и поклониться ему до земли, то онъ, проползая чрезъ скатерть, въ знакъ благодарности, сброситъ съ головы одинъ золотой рожокъ. Кто имѣетъ такой рожокъ, тотъ обладаетъ необыкновенной мудростію и проницательностію, такъ что въ состояніи угадывать чужія мысли, давать подходящія объясненія, выпутываться изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Кромѣ того, никакой ядъ не дѣйствуетъ на счастливаго обладателя змѣинаго рожка.

Другое повѣріе относительно змѣй говоритъ, что змѣиное мясо, приготовленное такимъ образомъ, чтобы

оно лишилось ядовитости (а такой способъ приготовленія знаютъ только большіе чаровники), сообщаетъ тому, кто имъ питается, умѣнье понимать рѣчь животныхъ.

Къ *пѣнію курицы по-пѣтушиному* бѣлоруссы питаютъ суевѣрный страхъ, полагая, что такое пѣніе предвѣщаетъ бѣду той семьѣ, чья курица,—не только предвѣщаетъ, но даже наклинаетъ ее. Услышавъ, что курица поетъ пѣтухомъ, крестьяне говорятъ: на свою голову!—и тотчасъ же отрубаютъ зловѣщей пѣвуньѣ голову, на порогѣ избы. Это предохраняетъ отъ несчастія. Иные въ этомъ случаѣ поступаютъ такъ. Поймавъ ту курицу, которая пѣла, мѣряютъ ею, какъ аршиномъ, по прямой линіи, пространство отъ почетнаго угла до порога, поворачивая курицу попеременно то хвостомъ впередъ, то головою,—и если на порогъ ляжетъ голова, то ее тутъ же отрубаютъ, и курицу, зажаривъ или сваривъ, съѣдаютъ; если же ляжетъ хвостъ, то, отрубивъ конецъ хвоста, сжигаютъ его, а курицу пускаютъ на свободу. Если она снова запоетъ, тутъ ужъ сразу отрубаютъ ей голову. Вѣроятно,—это остатокъ первобытныхъ умилостивительныхъ жертвъ домовымъ божествамъ.

По воззрѣніямъ бѣлоруссовъ, *вѣщими свойствами* отличаются: сорока, воронъ, кукушка и сова; всѣ эти птицы обладаютъ свѣдѣніями относительно судьбы человѣка и предсказываютъ ее, только надо понимать ихъ языкъ. Чаровники и ворожбиты умѣютъ понимать ихъ, поэтому-то, между прочимъ, они и предсказываютъ будущее. У нѣкоторыхъ чаровниковъ эти птицы состоятъ въ услуженіи и приносятъ имъ всевозможныя вѣсти

Но и простые смертные могутъ кое-что предугадывать при помощи этихъ вѣщихъ птицъ. Сорока приноситъ и хорошія и дурныя вѣсти, но неважныя. Воронъ, каркающій надъ домомъ, *предвѣщаетъ смерть одного изъ* обитателей этого дома. По кукованію кукушки гадаютъ о долголѣтіи, замужествѣ, богатствѣ. Крикъ совы надъ домомъ—дурное предзнаменованіе.

Съ летучей мышью, черной кошкой и чернымъ пѣтухомъ также связаны нѣкоторыя суевѣрныя представленія, но мы обратимся теперь къ самому распространенному виду фетишизма—къ *фетишизму слова*.

На первыхъ ступеняхъ развитія умъ первобытнаго человѣка не отличаетъ вполнѣ предмета отъ его обозначенія словомъ: предметъ и его названіе какъ-то сливаются воедино въ сознаніи дикаря. Съ точки зрѣнія интеллигентнаго человѣка: „чтó имя?—звукъ пустой“.. Мы сознаемъ, что не въ названіи дѣло. Но дикарь думаетъ иначе. По его понятіямъ, сообщить другому *человѣку свое имя—это значитъ въ извѣстной степени* подчинить себя власти этого человѣка: обладая именемъ, колдуя надъ нимъ, онъ можетъ причинить вредъ самому носителю этого имени. Поэтому дикари или не сообщаютъ своихъ именъ тѣмъ людямъ, которые могли бы злоупотребить такимъ довѣріемъ, или же мѣняютъ имена. Къ этому порядку идей, свойственныхъ первобытному уму, слѣдуетъ отнести воззрѣнія на *тотэмовъ*. т. е. на одноименные предметы. Пояснимъ это. У дикарей въ обычаѣ давать людямъ имена одинаковыя съ названіями разныхъ предметовъ изъ міра животныхъ

или неодушевленной природы, напримѣръ: Сѣрый Волкъ, Дикая Кошка, Дубъ и т. д. Отсюда вотъ что выходитъ. Дикарь, который называется, положимъ, Дикая Кошка, не различая предмета отъ его названія, считаетъ всякую дикую кошку чѣмъ-то общимъ, чѣмъ-то однороднымъ съ нимъ самимъ; она для него *тотэмъ*, тезка,—и этого довольно, чтобы онъ считалъ ее предметомъ священнымъ для себя. Онъ не только не убьетъ своего *тотэма*, но будетъ опасаться причинить ему какое-либо зло, хотя бы невольно. Слова, сливавшіяся въ представленіи дикаря въ одно цѣлое съ соотносительными предметами, во время господства фетишистическаго міросозерцанія наделялись такими же свойствами, какъ и самый предметъ, и были такими же фетишами, какъ и весь міръ. Въ періодъ одухотворенія и олицетворенія стихій, слово почиталось такою же стихійною силою, какъ и силы природы, и такъ же, какъ и эти послѣднія, имѣло своихъ боговъ.

Такое грубо-фетишистическое отношеніе къ слову сохранилось въ средѣ бѣлоруссовъ до сихъ поръ—и сохранилось въ значительной степени. Такъ они вѣрятъ, что можно овладѣть всякою вещью посредствомъ особаго слова: скажи только такое слово—и вещь или животное, или человѣкъ пойдутъ за тобою, будутъ дѣлать то, что имъ прикажешь. Также и въ колдствѣ имя человѣка, котораго желаютъ „счаровать“, занимаетъ не послѣднее мѣсто.

Въ Бѣлоруссіи, до возсоединенія уніатовъ, а въ полѣсской ея части и въ недавное время, практиковался такой обычай. Если почему-либо было неудобно

везти новорожденнаго къ священнику крестить, и крещеніе отлагалось на нѣкоторое время, а вмѣстѣ съ тѣмъ желали дать ребенку имя, то кумовья или родители отправлялись къ священнику одни и просили его прочитать молитвы, положенныя при нареченіи имени, и произнести это имя надъ шапкой или дѣтскимъ чепчикомъ; шапку сжимали рукой, иногда завязывали, чтобы имя не улетучилось изъ нея, и, принеся ее домой, одѣвали на голову ребенка. Такъ какъ не многіе священники соглашались исполнять такую просьбу, то крестьяне продѣлывали этотъ обрядъ самостоятельно: произносили имя въ шапку и одѣвали ее на голову ребенку.

Полагаютъ, что особенно чудесную силу имѣютъ слова, скомбинированныя въ созвучія, въ рѣчь размѣренную: почти всѣ бѣлорусскія заговоры и причитанія имѣютъ извѣстный складъ, иногда размѣръ и риѳмы. Магическая сила слова можетъ быть механически передана другимъ предметамъ: стоитъ только произнести данныя слова или цѣлый заговоръ надъ водой, хлѣбомъ, водкой и т. п. Кто проглотитъ „нашептанный“ хлѣбъ, воду, тотъ, полагаютъ, проглатываетъ и самыя слова. Если написать заговоръ на бумагу и проглотить ее самое или, сжегши, проглотить пепелъ, результатъ будетъ одинаковъ: слова или вселяютъ въ человѣка боль, или вытѣсняютъ ее, смотря по тому, какія это были слова. Можно „пускать слова по вѣтру“, съ цѣлью причинить кому-нибудь зло, но это не совсѣмъ-то удобно, потому что они могутъ попасть и не туда, куда слѣдуетъ. Есть такія слова, которымъ повинуется

нечистая сила, но такія слова знаютъ только „хорошіе чаровники“.

Выше мы попутно приводили заговоръ противъ „ночницъ“. Но чтобы дать читателю болѣе полное понятіе о „фетишизмѣ слова“, проведемъ здѣсь тѣ заговоры, которые не сопровождаются особыми чародѣйскими дѣйствіями.

Вотъ заговоръ противъ укушенія змѣи, чтобы оно не имѣло дурныхъ послѣдствій:

На синемъ мори двананцыть дубо*у*;
Подъ тыми дубами днананцыть папо*у* читаюць,
Поганыя зубы замо*у*ляюць.

Нужно проговорить трижды надъ больнымъ мѣстомъ, не переводя духа.

А вотъ другой противъ такъ называемаго *золотника* (болѣзнь матки):

Золотникъ, золотничокъ,
Золоценечкій рожокъ!
Сядзь на своемъ мѣсьци,
Якъ панъ на кресли.

(Игуменскаго у. с. Пережиръ).

Заговоръ противъ вывиха и полома костей:

У городзи Русалимѣ Христа распинали, пакуту давали, къ храсту пригвождали, ручки ножки ломали, косточки хрущали. Приходзила Прачистая Матка, горкія слезки проливала, Яго раны цалёвала (исцѣляла), косточки зращала, суставы скрѣпляла. Зрасцися ты,

косць, у раба (*такого-то или такой-т*… скрапицеся яго суставы, закрыйцися яго ран…

(Холопеничи, Борисовскаго уѣзда).

Этотъ заговоръ надо нашептывать каждый ден… передъ восходомъ и закатомъ солнца, до тѣхъ пор… пока не спадетъ опухоль. Впрочемъ, не ограничиваяс… вѣрой въ цѣлебную силу заговора, бѣлорусскія знаха… ки умѣло вправляютъ вывихи и дѣлаютъ перевязк… поломовъ костей; и та знахарка, которая сообщил… намъ вышеприведенный заговоръ, въ цѣлительную сил… котораго она безусловно вѣрила, искусно вправлял… вывихи и налагала повязки при поломахъ, употребля… лубки и глину вмѣсто гипса.

Заговоры отъ кровотеченія:

Съ-падъ дуба каранистаго цекла Юрдан… рѣка: тамъ ишо*у* Исусъ Христосъ и свята… Илья: вадзяные ключи закрывалися, Юрдан… рѣка станавилася. Закрыйцися жилы кровавы… стань, не цячи, кро*у* чирвоная!

(Борисовскаго у).

Ишо*у* панъ Езусъ празъ Юрдань;
Рѣка стала и кро*у* стань.

(Новогрудскаго у.).

Заговоръ передъ отъѣздомъ въ дальнюю дорогу:

Першимъ разомъ, добрымъ часомъ. Го… поду Богу помолимся, храсту паклонимс… Учора зъ вячора со*у*нійка играло, добрую д…

рогу провѣщало; сягонни зъ ранку зара заняласи, у неби на парози зъ сонцемъ спотка-ласи; залатые ключи у ручки брала, дубовую дзверку одмыкала, шоўковый пологъ подымала, соўнійко не небо выпущала, добрую дорогу провѣщала. Устаў (или устала) я рано—под-выйду къ ваконцу; щира я щира уздыхну до Бога: дай-же мнѣ, Боже, счасливу до-рогу! Ажъ св. Юрій каня запрагае, св. Аўласъ помогае, отъ бяды, напасьци зберегае.

Заговоръ произносится предъ иконами, на колѣ-яхъ, а также его говорятъ на дворѣ, обходя вокругъ ошади.

Приведемъ здѣсь еще нѣсколько заговоровъ, кото-ые нашептываются на воду. Дѣлается это такъ. Бе-етъ знахарь кружку воды, выходитъ на дворъ, ста-ювится лицомъ къ востоку и произноситъ надъ водой аговоръ, потомъ поворачивается лицомъ къ югу и за-аду, каждый разъ произнося одно и то же. Самое учшее—продѣлывать это при восходѣ солнца. Это азывается „дацъ воды“: самый употребительный видъ нахарскаго врачеванія въ Бѣлоруссіи. Наговорную оду пьютъ, обмываютъ ею больныя мѣста, вливаютъ ъ уши и т. п.

Вотъ два заговора противъ „нутраныхъ“ болѣзней:

Чорная хмара (туча) на небе усхадзила, ясное сонце закрыла; нанасила чорная хмара мжаку (мглу) и туманы, напущала тугу (печаль, тоску) и болѣзьци, чорную и бѣлую

немочь на людзей, на живёла (животныхъ А мы Господа молимъ, мы святыцеля просим нашли, Божа, цеплые вѣтры, прагани чорну хмару, тугу и балѣзьци, чорную и бѣлу немочь, кабъ рабу (такому-то) быць здор-вымъ, кабъ яго ножки стояли—ня млѣли, каб яго ручки работыньку брали—крапчѣли, каб яго вочки весяло глядзѣли.

* * *

У цемнымъ лѣси стоиць гора высокая, там растуць дубы вячистые, тамъ стоиць церкв свянцоная, тамъ бяжиць вода цудоўная. я жь тую воду брала, балючее цѣла обмывал пиць давала, слаўцо вымоўляла: пашла не мочь зъ цѣла вонъ! Кали ты трасца идзи балота; кали падвѣй ты—идзи на вѣцер кали ты рѣзанка—зарѣжься; кали ты суро цы—соль табѣ у вочи, кали ты съ пуду—сама спужайся. Пашла хира (болѣзнь) з цѣла вонъ!

(Холопеничи, Борисовскаю у.).

Послѣдній заговоръ записанъ отъ знахарки, кото рая объяснила, что это заговоръ „жаноцкій“, т. е употребляющійся женщинами.

Заговоръ отъ „зъѣду:“

Помолимся мы и поклонимся Господу Бог и духу святому, тройцы святой ядыной, и прачистой мацери божай, и святому воскрасэ-нійку христовому, честному, милосерному, и

усимъ святочкамъ, годовымъ празьничкамъ, кіявськимъ, пячерськимъ и рымськимъ и русалимськимъ, и Исакову и Якову, и Антоняму и Хвядосяму, и святому Юру и Ягору, и святому вотчу Миколу. И святый вотча Миколочка, вы скорые помошники, вы божія угодники, вы вяликія молитвеньники, вы жъ скоранько помогаетя,—гэтому рабѣ бажаму чаловѣку, зьѣдъ замовляйтя, и злого чаловѣка на мхи на болоты ссылайтя. И найсвеншая Марея ина стоиць у храми Господнямъ, дзяржиць ина свое ключики золотэя при столи, чаровнику и злой хвороби замыкая губы и зубы, засылая ина яго и злую хворобу на мхи на болоты, на ницую лозу, на колючую грушу, дзѣ жъ быдлы не бѣгàюць, дзѣ птицы не летаюць, дзѣ вужи-гады не живуць, тамъ нехай злый чаловѣкъ и злая хвороба проживая и пробывая.

(Церковищ. вол. Могил. у).

Заговоръ отъ „уроцъ“ (сглазу):

Царица водица, красная дзявица, самоцвѣтница и угодница, и ходзила и гуляла, рыдысь-брыдысь обмывала, круты бéреги обрывала, жовты пяски приносила, бѣло каменьня, сыро кореньня. Обмывала царей, королей и увесь народъ хрисціяньскій,—обмый раба божаго (имя). Уговарюю я яго уроцы стрѣшныя и попярешныя, подзивныи и посмѣшныи, женьский и мужськѐй и дзявоцкіи лихеи. И ссы лаю, издымаю усю печь яго,—не самъ собою Господомъ Богомъ.

*(М. Рудня, Оршанск. у.) *).*

Заговоры и чародѣйства представляютъ наиболѣ интимную часть пережитковъ далекаго прошлаго. Ког*да мы обращались даже къ знакомымъ знахарямъ* и чаровникамъ съ просьбою сообщить намъ извѣстны имъ заговоры, то почти всегда получали отказъ и *увѣреніе, что они кромѣ того, какъ перекреститься* ничего не знаютъ. Въ силу этой интимности, въ силу того, что заговоры обыкновенно сохраняются въ одном *какомъ-нибудь родѣ, а не пускаются въ оборотъ,* н являются общимъ достояніемъ, какъ, напр., пѣсни,— въ силуювсего этого въ нихъ должны наиболѣе чист *сохраниться воззрѣнія языческой старины. И дѣйстви*тельно, въ нихъ фигурируютъ обычные предметы поклоненія первобытныхъ людей: и дубы зеленые, корени*стые, „вячистые“, упоминаемые иногда ни къ селу,* ни къ городу,—безъ всякой видимой связи съ остальным текстомъ заговора, и вода чудодѣйственная, и борьб *двухъ началъ—свѣта и тьмы, солнца и тучи, закры*вающей его и такимъ образомъ лишающей людей его живительнаго дѣйствія и вмѣстѣ съ тѣмъ насылающей *на все живое „тугу и болѣзни, черную и бѣлую не*мочь“, тутъ и заря, отворяющая золотыми ключами

---

*) Послѣдніе два заговора заимствованы изъ Бѣлорус сборн. Е. Р. Романова, вып. V, гдѣ собранъ богатѣйшій запас этого рода матеріаловъ.

ıебо, подымающая шелковый пологъ и выпускающая :олнце и т. п. Однако, на ряду съ этими, несомнѣн-ıо, первобытными чертами, въ нихъ заключаются и ıозднѣйшія наслоенія въ родѣ обращенія къ помощи 3ожьей Матери и святыхъ, въ родѣ упоминанія объ ерусалимѣ, Іордань-рѣкѣ, церкви, священникахъ. Тутъ ›чевидно произведена замѣна древнихъ воззрѣній новѣй-шими, языческихъ божествъ—христіанскими святыми. Ҹо это нимало не лишаетъ эти заговоры фетишисти-ıескаго характера, заключающагося въ самой сущности ıоззрѣній на значеніе заговоровъ, въ вѣрѣ въ ихъ ıудодѣйственную силу: „что скажется, то и сбудется". ı эта вѣра крѣпко укоренилась въ народѣ. И всего ıечальнѣе то, что бѣлоруссы обращаются къ знахарю :ъ просьбой „дать воды" именно при серьезныхъ за-ɔолѣваніяхъ, когда обычныхъ народныхъ медикамен-ʼовъ, вродѣ питья липоваго цвѣта, натиранія комфо-›ой, тертой рѣдькой, хрѣномъ, паренья въ банѣ кра-ıивой вмѣсто вѣника и т. п. бываетъ недостаточно.

II.

Пережитки анимизма.

Въ началѣ предыдущей главы мы коснулись про цесса осмысливанія внѣшняго міра, выражавшагося в перенесеніи свойствъ человѣческой личности на внѣшні предметы. На ряду съ этимъ, въ душѣ первобытнаг человѣка развивался и другой процессъ, который антро пологи называютъ *анимизмомъ*.

Сущность анимизма заключается въ томъ воззрѣ ніи, что человѣкъ и всѣ чувственные предметы—двой ственны; что они состоятъ изъ видимой, осязаемой обо лочки, за которою скрывается нѣчто неуловимое, тон кое, невещественное, но всетаки существующее и тѣсн связанное съ нашимъ личнымъ существованіемъ, съ на шимъ страданіемъ и благополучіемъ.

Къ такому понятію, по мнѣнію Спенсера *), при водили дикаря наблюденія надъ облаками, которыя т появляются, сгущаясь, въ извѣстныхъ очертаніяхъ, т таютъ и исчезаютъ; надъ звѣздами, появляющимис: вечеромъ и исчезающими при дневномъ свѣтѣ; над:

*) Основ. Соціол. т. 1.

вѣтромъ, который качаетъ деревья, вырываетъ ихъ съ корнями и однако невидимъ; также наблюденія надъ такими явленіями, какъ, наприм., тѣни: онѣ хотя и похожи на тѣ предметы, которые ихъ отбрасываютъ, но отличаются не уловимостью, тѣмъ, что ихъ „изъ стѣны не вырубишь“, а также и надъ такими, какъ отраженіе предметовъ въ водѣ, какъ эхо и т. п. Но самое главное значеніе въ процессѣ выработки анимистическаго строя мышленія имѣли сновидѣнія. Въ виду ихъ важности въ этомъ отношеніи, мы считаемъ необходимымъ остановиться на нихъ нѣсколько дольше.

Представьте себѣ дикаря, которому приснилось, что онъ охотится за оленемъ, убиваетъ его, жадно пьетъ его теплую кровь, пожираетъ лучшіе куски мяса. Вотъ къ нему приходятъ его знакомые; съ одними онъ дѣлится своей добычей, другихъ отгоняетъ прочь, вступаетъ съ ними въ драку.. Онъ видитъ своихъ покойныхъ родителей, родственниковъ и сосѣдей, давно умершихъ. Словомъ, онъ живетъ во снѣ полною жизнью, нѣсколько отличною отъ той, которую онъ ведетъ на яву.

Какое объясненіе можетъ дать дикарь всѣмъ этимъ явленіямъ? Какіе онъ долженъ сдѣлать отсюда выводы?

Съ одной стороны, онъ лежалъ неподвижно, закрывши глаза, что удостовѣряютъ бывшіе въ хижинѣ во время его сна; съ другой—онъ ясно помнитъ, что онъ ходилъ, охотился, видѣлъ, ѣлъ, пилъ и проч. Какъ то, такъ и другое—одинаково несомнѣнно. Примирить это противорѣчіе возможно только при допущеніи, что въ немъ существуетъ другое „я“, которое

можетъ оставлять свою оболочку, тѣло, и удаляться в міръ, отличный отъ нашего, ибо въ этомъ мірѣ н[illegible] блюдаются такія явленія, какихъ въ дѣйствительност[illegible] не увидишь. Изъ того, что онъ видѣлъ во снѣ св[illegible] ихъ отсутствующихъ друзей и знакомыхъ, онъ до[illegible] женъ заключить, что ихъ „я“, что ихъ души, так[illegible] же, какъ и его душа, способны покидать свои тѣл[illegible] на болѣе или менѣе продолжительные сроки. Случа[illegible] обмиранія, летаргіи, эпилепсіи и т. п., нерѣдко встрѣ[illegible] чаемые въ дѣйствительности, приводятъ дикаря къ то[illegible] же заключенію и еще болѣе убѣждаютъ его въ спр[illegible] ведливости своего предположенія. Изъ того же, ч[illegible] онъ видѣлъ во снѣ своего дѣда или сосѣда, котор[illegible] давно умерли, онъ долженъ заключить, что умеръ [illegible] весь его дѣдъ, а только одна грубо-вещественная е[illegible] оболочка; что внутренняя сущность отжившаго предк[illegible] его душа, не умерла, а только переселилась въ особы[illegible] міръ, который и души живыхъ посѣщаютъ во время сн[illegible]

Такъ возникаетъ и укрѣпляется мнѣніе объ анал[illegible] гичности явленій сна и смерти, мнѣніе, что смер[illegible] есть продолжительный сонъ и что, слѣдовательно, уме[illegible] шіе нуждаются въ удовлетвореніи потребностей, сво[illegible] ственныхъ живымъ людямъ. Отсюда же, мало по мал[illegible] развивается культъ предковъ, общій всѣмъ первобы[illegible] нымъ народамъ; а также отсюда ведутъ свое начал[illegible] воззрѣнія на происхожденіе нѣкоторыхъ болѣзней [illegible] средства къ лѣченію ихъ *).

*) См. объ этомъ Спенсера—Основ. Соціол. и Тэйлора-Первобыт культур.

Пережитки анимистическаго строя мышленія живо :охранились и въ міросозерцаніи бѣлоруссовъ. Но мы дѣсь разсмотримъ только тѣ изъ нихъ, которые связаны съ представленіями о снѣ и сновидѣніяхъ, душѣ і загробной жизни, относя въ особую главу анимистическія воззрѣнія на происхожденіе болѣзней и ихъ ιѣченіе.

Сонъ і сновидѣнія. Бѣлоруссы еще сохраняютъ оззрѣніе, свойственное первобытной ступени умственнао развитія, что во время сна душа выходитъ изъ тѣла ι посѣщаетъ разныя мѣста, въ томъ числѣ и такія, :оторыя недоступны человѣку въ бодрственномъ состоніи, какъ напримѣръ загробный міръ. Однако она не юкидаетъ тѣла совершенно. По мнѣнію однихъ *)—на какъ бы вытягивается изо рта въ видѣ неизмѣриюй ленты, которая однимъ концомъ остается въ человѣкѣ, а другимъ можетъ быть, гдѣ хочетъ. Этимъ бъясняется, что тѣло во время сна живо. Другіе же, :гнорируя послѣднее соображеніе, полагаютъ, что душа ыходитъ изъ тѣла вполнѣ, но, какъ бы далеко она е отлучилась, не упускаетъ тѣла изъ виду, и если му грозитъ опасность или если спящаго будятъ, то пѣшитъ возвратиться на свое мѣсто. Какъ тѣ, такъ и ругіе толкователи согласны въ томъ, что крѣпкій онъ, когда человѣка трудно разбудить, зависитъ отъ райняго удаленія души.

Сны—это видѣнія души во время ея странствоваія. Въ реальности этихъ видѣній бѣлоруссы нимало

---

*) Между прочими—Розаліи Осьмаковой—знахарки и толователъницы сновъ (Борисовск. уѣз.).

не сомнѣваются. Только надо ихъ, эти видѣнія, понимать. Отсюда толкованія сновъ. Одно понимаетс прямо, другое—аллегорически или по аналогіямъ, иное толкуется въ обратномъ смыслѣ,—словомъ, предс ставляется широкій просторъ снотолкователямъ.

Приведемъ, для примѣра, нѣсколько традиціонных толкованій.

Видѣть во снѣ попа—имѣть дѣло съ нечисто силой; видѣть похороны—къ свадьбѣ; пожаръ—счасті богатство; видѣть бобы, горохъ—лить слезы; вырват зубъ или лишиться какого нибудь члена своего тѣла—означаетъ смерть близкаго человѣка; если при этом течетъ кровь—значитъ умретъ кровный родственник и т. п.

Особое значеніе придается сновидѣніямъ, въ кото рыхъ фигурируетъ кто нибудь изъ умершихъ родствен никовъ. Тутъ надо стараться такъ или иначе уга дать ихъ волю и исполнить ее *).

Пророческій смыслъ придается также „сонному бре ду". Но такъ какъ онъ часто бываетъ отрывоченъ безсвязенъ, такъ что изъ него, при самыхъ грубых натяжкахъ, мудрено вывести какое нибудь заключе ніе, то, чтобы избѣжать этого, совѣтуютъ, лишь тольк начнется бредъ, взять спящаго одной рукой за мизи нецъ и, слегка поглаживая другой рукой его руку, да

---

*) Даже самое названіе сновидѣній указываетъ на отнс шеніе ихъ къ загробному міру. „Видѣть во снѣ"—по бѣле русски *трызнить* Это слово стоитъ особнякомъ въ бѣлорусско рѣчи, не имѣя однокоренныхъ и производныхъ. Намъ кажетс что не будетъ излишней смѣлостью сблизить его съ древн. сла вянск. словомъ „тризна".

вать ему вопросы; тогда онъ будетъ отвѣчать связно и толково и не будетъ въ состоянiи утаить что-нибудь. Между прочимъ, такимъ способомъ ревнивые мужья испытываютъ вѣрность своихъ женъ.

Понятiе о душѣ. Изъ предыдущаго отчасти видно, что бѣлоруссы представляютъ себѣ душу, какъ нѣчто матерiальное, но болѣе тонкое, чѣмъ осязаемые предметы. Душа, по ихъ объясненiю,—"духъ", паръ (какъ въ банѣ), который можетъ безконечно измѣнять свою форму и принимать различные образы, а равно быть невидимымъ. Многiе положительно увѣряютъ, что они, будучи при умирающемъ, видѣли, какъ душа выходитъ изо рта въ видѣ пара *). Въ недавнiя времена, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссiи и теперь, тотчасъ послѣ смерти одного изъ домашнихъ, ставятъ на столѣ миску съ водой и вѣшаютъ передъ образами или около окна чистое полотенце, чтобы душа могла умыться и утереться.

Въ случаѣ долгой агонiи, когда „душѣ трудно разстаться съ тѣломъ", открываютъ отдушину, а иногда выдираютъ изъ потолка доску, чтобы дать душѣ свободный выходъ на вольный воздухъ.

Чаровникамъ, что „душу чорту запродали", особенно трудно умирать; имъ не помогаетъ и „громничная" свѣча **), которую, обыкновенно, даютъ въ руку умирающимъ: душа ихъ, зная, что ее ожидаетъ

*) Въ Малороссiи, наоборотъ, крестьяне полагаютъ, что душа, подобная пару, существуетъ только у нехристей.

**) *Освященная на „Громницы" (2 февр.), предохраняющая* отъ грома и пожара.

въ загробномъ мiрѣ, не хочетъ покидать тѣла, и черти выдираютъ ее особыми крючьями.

Загробный мiръ и пережитки культа предковъ. Послѣ смерти человѣка душа его не сразу переходитъ въ загробный мiръ: сорокъ дней она еще остается въ родномъ селѣ; изъ нихъ сначала шесть дней бродитъ около дома и три дня по своимъ огородамъ и полямъ. Послѣ этого срока она или отправляется на тотъ свѣтъ, куда ей предназначено—въ пекло, въ отхлань (нѣчто въ родѣ чистилища), въ рай—или же остается здѣсь, на землѣ, отбывать свою „покуту": поселяется въ деревѣ (такое дерево скрипитъ), въ животномъ и даже въ человѣкѣ. Такой человѣкъ страдаетъ всю жизнь, пока поселившаяся въ немъ душа не искупитъ своихъ грѣховъ.

Эти послѣдовательные переходы души во время путешествiя ея въ загробный мiръ сопровождаются „поминальными столами", вѣроятными остатками языческой тризны, основанными на томъ представленiи что человѣкъ и по смерти нуждается въ пищѣ и питьѣ и что удовлетворенiе этихъ потребностей покойника есть нравственный долгъ его родственниковъ, за невыполненiе котораго они рискуютъ подвергнуться мести со стороны умершаго. Первый поминальный столъ устраивается въ день погребенiя и приглашаются къ этому столу всѣ бывшiе на „хавтурахъ". Обязательныя блюда—кутья, клецки и блины; что сверхъ этого—зависитъ отъ состоятельности родственниковъ покойника, но чѣмъ больше будетъ „потравъ", кушаньевъ, тѣмъ больше чести умершему. Ни одинъ поминальный столъ

ıе обходится безъ водки, но пьютъ въ мѣру: напиться допьяна, какъ это бываетъ на свадьбѣ, на срестинахъ, въ этомъ случаѣ было бы неприличіемъ. Пьютъ не только посторонніе, но и близкіе покойному люди, пьютъ, чтобы заглушить горе, чтобы притупить сознаніе невозвратимой потери. Застольныя бесѣды посвящаются памяти „небожчика", при чемъ выставляются на видъ только лучшія стороны его характера ı только похвальные поступки.

Другіе поминальные столы—шестины, девятины, сорочины и погодки—ничѣмъ не отличаются отъ вышеописаннаго, и даже шестины и девятины въ последнее время рѣдко устраиваются: развѣ ужь семья покойнаго очень богата и желаетъ оказать ему особую честь. Но сорочины и погодки должны быть обязательно справляемы. Первые, если то позволяетъ время года, сопровождаются „прикладзинами", т. е. приведеніемъ въ приличный видъ могилы и постановкою креста или памятника. Памятники ставятся изъ камня, изъ дерева, отесаннаго на подобіе гроба, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сооружается надъ могилою маленькій домикъ. На сорочины приглашаются только родственники и ближайшіе сосѣди. Послѣ постановки креста или памятника, женщины начинаютъ, обыкновенно, голосить по усопшемъ, „причитывать", припадая къ его могилѣ. Причитанье—это слезная импровизація, въ которой, съ одной стороны, дается исходъ естественному чувству горести, но вмѣстѣ съ тѣмъ это обрядъ, такъ сказать, публичное выраженіе горя, связанное съ восхваленіемъ покойнаго: нѣчто въ родѣ

надгробныхъ рѣчей, принятыхъ въ образованномъ общест вѣ. Въ этомъ смыслѣ причитанью придается немаловаж ное значеніе, такъ что, напримѣръ, одинокіе люди нерѣд ко скорбятъ о томъ, что на ихъ могилѣ некому бу детъ плакать. Иногда роль плакальщицъ берутъ н себя постороннія женщины, но это выходитъ изъ обы чая. По окончаніи голошенія для присутствующих устраивается трапеза тутъ же на могилѣ, когда эт удобно, или въ хатѣ.

Если въ могилѣ находятъ человѣческія кости, т или роютъ яму въ другомъ мѣстѣ, или бросаютъ в нее мѣдную монету на покупку мѣста у прежняг владѣльца, „кабъ небожчики не дралися".

Погребеніе, подъ вліяніемъ духовенства и школ въ послѣднее время болѣе или менѣе очистилось от языческихъ обычаевъ; но и теперь иногда кладутъ в карманъ покойнику-курильщику трубку съ табакомъ, нюхальщику — табакерку. Въ недавнія же времен клали ножи, гребни, а мастерамъ нѣкоторые ихъ инстру менты, а тѣмъ, кто любилъ выпить, и водку ставил въ бутылкахъ или „глякахъ" (глиняныя бутылки). Н кладбищахъ, копая могилы, иногда находятъ эт вещи *).

Теперь въ этомъ отношеніи сталъ распространятьс болѣе возвышенный взглядъ: самымъ вѣрнымъ спос

*) Ходятъ разсказы, что копалищики ямъ находили б тылки съ *водкой*. Кто выпивалъ ее, то тутъ же падалъ мер вымъ, потому что водка напиталась „мертвымъ духомъ". На случалось видѣть вырытые „гляки", но они были безъ во ки, потому что пробка сгнила и водка вылилась или исп рилась.

ом для передачи чего нибудь покойнику считается арение нищему. Это мнѣніе отразилось даже въ на-одномъ творчествѣ. Такъ въ одной сказкѣ говорится, то одинъ покойникъ, явясь на тотъ свѣтъ, былъ чень удивленъ, когда ангелъ подвелъ его къ пусто-у столу, тогда какъ другіе покойники имѣли передъ обой столы, уставленные разными „напитками и на-дками". Онъ проситъ разъяснить ему: почему это такъ? то онъ за исключеніе? Ему отвѣчаютъ, что тѣ, ко-орые имѣютъ пищу, принесли ее съ собой. Тогда онъ роситъ Бога отпустить его домой, чтобы запастись ищей, такъ какъ ему нечего ѣсть. Не умирать же му съ голоду? Богъ его отпустилъ. Явился этотъ че-овѣкъ домой и приказалъ своимъ домочадцамъ при-эговить самой разнообразной пищи и питья и при томъ ь возможно большомъ количествѣ. Приготовили изряд-ый запасъ. Все это свалили ему въ могилу. Отпра-ился онъ и самъ на кладбище въ сопровожденіе дру-эй и знакомыхъ. Слѣдомъ шло много нищихъ, кото-ые просили у него подаянія. Но онъ, изъ жадности, ичего не хотѣлъ имъ дать. Случилось, что одинъ ирогъ, при перевозкѣ, свалился въ грязь. Посты-ился онъ нести его на тотъ свѣтъ и отдалъ нище-у. Чуть только легъ этотъ человѣкъ въ гробъ, какъ очутился на томъ свѣтѣ. Подходитъ онъ къ своему толу и видитъ, что на немъ лежитъ только тотъ эязный пирогъ, что онъ отдалъ нищему.

Въ этомъ разсказѣ, несомнѣнно, слышится протестъ ротивъ грубо-матеріалистическаго взгляда на загроб-ый міръ. Однако прогрессъ въ этомъ отношеніи сдѣ-

ланъ еще незначительный: большинство и по сей день вѣрятъ, что матери, оставившія послѣ смерти грудныхъ младенцевъ, являются ихъ кормить, и частыя боли въ животѣ ребенка приписываютъ недоброкачественности „мертвецкаго" молока; объ этомъ же свидѣтельствуютъ и вѣрованія въ *дѣдовъ и бабъ* и обряды, основанные на этихъ вѣрованіяхъ.

Такъ, по воззрѣніямъ бѣлоруссовъ, весной, вмѣстѣ съ оживаніемъ природы, съ пробужденіемъ ея отъ зимняго сна, оживаютъ и души мертвыхъ и выходятъ изъ тѣсныхъ гробовъ на вольный свѣтъ. Полагаютъ, что онѣ нуждаются въ пищѣ и питьѣ, что онѣ ѣдятъ и пьютъ, но рѣдко: три—четыре раза въ годъ съ нихъ вполнѣ достаточно. Для удовлетворенія этой потребности и въ знакъ уваженія къ предкамъ, періодически устраиваются поминальные столы, по-бѣлорусски—«дзяды» *). Въ такіе дни всѣ какъ-то торжественно настроены, полны ожиданія чего-то таинственнаго. Разговоры, обыкновенно, вращаются около умершихъ; вспоминаются обстоятельства ихъ жизни, вкусы, привычки; чисто случайныя явленія приводятся въ связь съ обитателями загробнаго міра: сядетъ, напримѣръ, птичка на окно, какъ ужъ въ ней видятъ душу покойника, который чего-то хочетъ отъ родныхъ, о чемъ-то напоминаетъ имъ. Начинаются догадки, предположенія... Старики, которые уже хранятъ „сорочку на смерть", видятъ въ этомъ знаменіе своей близкой

*) Въ Бѣлоруссіи „дзяды" справляются въ субботу предъ мясонустною недѣлей, во вторникъ на Ѳоминой, на канунѣ Троицы и 24 октября (Дмитровскіе дзяды).

кончины: „Это такой то, говорятъ они, за мной являлся; нужно готовиться въ дальнюю дорогу“... Въ этотъ день обязательно чистятъ избу, словно бы къ пріему дорогихъ гостей.

«Дзѣдуюць» поздно вечеромъ. Покрываютъ столъ бѣлой скатертью, кладутъ хлѣбъ-соль, ставятъ кутью; предъ образами зажигается свѣча,—и всѣ молятся за усопшихъ. Послѣ сего хозяинъ выходитъ за дверь и призываетъ предковъ, «дзядовъ», раздѣлить со всѣми домочадцами обрядовую трапезу, которая доходитъ до 7 блюдъ. Ѣдятъ «покладаючися», т. е. проглятъ ложку «потравы» и предоставляютъ то же сдѣлать дзѣдамъ — кладутъ для нихъ свои ложки. Но, принимая во вниманіе, что дзѣдовъ можетъ быть больше, чѣмъ кладется ложекъ, хозяева отливаютъ и откладываютъ всякой пищи на окна и подъ столъ.

Есть обычай—ничего не убирать со стола послѣ этой вечери, чтобы „дзѣдамъ“ было что ѣсть, когда они соберутся ночью.

Бабы справляются на канунѣ дзѣдовъ. Но этотъ обычай распространенъ весьма мало; мы наблюдали его только въ Лепельскомъ уѣздѣ. По существу обрядовая сторона «бабъ» ничѣмъ не отличается отъ «дзѣдовъ», только блюдъ готовится меньше.

Радоуница, или „небожчицкій великъ день“ (вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ) отличается отъ другихъ дзѣдовъ тѣмъ, что въ этотъ день поминальная трапеза устраивается непремѣнно на могилкахъ. Въ этотъ день хозяйки обязательно пекутъ „грибки“, т. е. толстые блины изъ пшеничной муки, на маслѣ и яйцахъ; запа-

саются водкой; къ этому прибавляются куличи, яйца сыръ, масло и другіе остатки пасхальныхъ яствъ. Все это, завязанное въ скатерть, несутъ на кладбище тамъ покрываютъ скатертью могилу, которая къ этому дню проводится въ порядокъ, и разставляютъ на ней принесенное. Что не съѣдятъ, оставляютъ на могилѣ; на нее же льютъ водку, если покойникъ любилъ выпить, сыплютъ табакъ, если онъ былъ курильщикъ или нюхальщикъ. Иные, слѣдуя болѣе возвышенному взгляду, всѣ остатки отдаютъ нищимъ, оставляя на могилѣ только пасхальное яйцо.

Вампиры. Самымъ чудовищнымъ порожденіемъ первобытного анимизма, несомнѣнно, является вѣра въ вампировъ или, по бѣлорусскому произношенію, вупароу, упырей. Эти чудовища страшно кровожадны; особенно они любятъ кровь человѣческую, но, при случаѣ, не брезгаютъ и кровью животныхъ.

Только люди, знавшіеся при жизни съ нечистой силой, превращаются по смерти въ вампировъ. По ночамъ они приходятъ въ дома своихъ бывшихъ недруговъ, а иногда даже друзей и родныхъ, ложатся на грудь избранной жертвы, припадаютъ губами къ ея сердцу и высасываютъ горячую кровь. Увидѣвъ „вупара“, можно узнать, кѣмъ онъ былъ при жизни, ибо основныя черты онъ сохраняетъ и послѣ смерти, только у него губы раздуваются отъ частаго сосанія, а языкъ дѣлается остеръ, какъ змѣиное жало. Его-то вупаръ и запускаетъ въ грудь человѣка и потомъ изъ ранки высасываетъ кровь. Рана остается небольшая, такъ что ее и не замѣтишь, тѣмъ болѣе, что вам-

пиръ ее искусно засасываетъ. Только по блѣдному лицу—такъ говоритъ повѣрье—можно узнать жертву алчности вампира. Тогда нужно пригласить свѣдущаго человѣка, знахаря, чтобы узнать, кто этотъ вупаръ. Впрочемъ, для смѣльчака—это дѣло нетрудное. Нужно на ночь спрятать подъ сосудъ зажженную восковую свѣчку, стараясь, чтобы свѣчка не потухла А послѣ полуночи—когда разгуливаетъ нечистая сила—нужно, по временамъ, приподнимать сосудъ и освѣщать комнату. При внезапномъ освѣщеніи вупаръ виденъ. Тогда бей его на отмашь осиновымъ полѣномъ, заранѣе, конечно, приготовленнымъ. Такимъ образомъ его можно „отвадить“ отъ этого дома. Но чтобы окончательно прекратить его ночныя похожденія, для этого повѣрье рекомендуетъ присмотрѣться, на кого изъ умершихъ извѣстныхъ чаровниковъ онъ похожъ. Узнавши, надо раскопать гробъ этого чаровника, отрубить ему голову и положить ее между ногъ, а тѣло прибить къ землѣ осиновымъ коломъ. Это считается радикальнымъ средствомъ противъ вампира.

III.

Пережитки олицетвореній.

При посредствѣ сновидѣній и нѣкоторыхъ другихъ факторовъ, *первобытный человѣкъ, какъ мы видѣли,* научился одухотворять предметы, находить за ихъ *чувственной, матеріальной оболочкой неуловимую,* неосязаемую сущность,—словомъ, пришелъ къ заключенію *о двойственности какъ его самого,* человѣка, такъ и всего внѣшняго міра.

*Это весьма важный шагъ впередъ въ процессѣ раз*витія человѣческой мысли и въ дѣлѣ выработки міро*созерцанія. Воженъ онъ и самъ по себѣ, и по своимъ* дальнѣйшимъ послѣдствіямъ. Достаточно обратить вни*маніе на то обстоятельство,* что фантазія, *подъ вліяніемъ* сновидѣній, создавая міръ грезъ, наполняя его *причудливыми образами,* тѣмъ *самымъ шевелила застыв*шій мозгъ дикаря, пробуждала его коснѣющую мысль, *призывала ее къ дѣятельности. Работа мысли не про*падаетъ даромъ: она даетъ въ результатѣ или увеличеніе запаса *знаній, большую* точность ихъ, *или* улучшеніе мыслительной способности; всякій шагъ на этомъ пути облегчаетъ *слѣдующій, иногда* его *обу-*

словливаетъ. Пробужденная мысль первобытнаго человѣка, подчиняясь данному ей толчку, начинаетъ углубляться въ раскрывающійся предъ ней міръ, проникаетъ въ него дальше и разностороннѣе, чѣмъ это было возможно при одномъ грубо-матеріалистическомъ отношеніи къ предметамъ наблюденія. Если прежде, въ періодъ фетишизма, дикарь зналъ отдѣльные предметы, легко подмѣчалъ единичные признаки, то на дальнѣйшей ступени развитія, по мѣрѣ накопленія наблюденій, онъ сталъ подмѣчать болѣе общіе признаки, видовые и родовые,—и умъ его, поднятый анимистическимъ строемъ мышленія на высшую ступень, получилъ нѣкоторую способность къ отвлеченіямъ: онъ разбилъ наблюдаемыя явленія на группы, сообразно ихъ общимъ признакамъ, и создалъ соотвѣтствующія понятія видовыя и родовыя. Прежде, положимъ, первобытный человѣкъ зналъ березу, сосну, дубъ,—теперь онъ знаетъ *дерево*. Прежде, положимъ, онъ зналъ *свой огонь*, приносилъ ему жертвы, попросту—кормилъ его, бросая въ очагъ часть своей добычи, въ благодарность за то, что онъ его обогрѣлъ; но замѣтивъ тождество между своимъ огнемъ и всякимъ другимъ, онъ сталъ поклоняться *огню вообще* и приносить ему жертвы. То же самое можно вывести и относительно другихъ предметовъ, которымъ поклоняются дикари.

Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе накопленія все большаго и большаго количества наблюденій, при чемъ предполагается, что умъ человѣческій ихъ переваривалъ, группировалъ, обобщалъ; вслѣдствіе педагогическаго вліянія старшихъ поколѣній, болѣе опытныхъ,

на младшихъ; вслѣдствіе, наконецъ, такихъ факторовъ. какъ естественный подборъ и борьба за существованіе. изъ которыхъ первый подхватывалъ улучшенія въ органѣ мышленія, передавая ихъ по наслѣдству, закрѣпляя ихъ въ потомствѣ, а второй давалъ побѣду умнѣйшему, болѣе приспособленному къ борьбѣ,—вслѣдствіе всего этого мысль человѣческая, въ рядѣ поколѣній, все болѣе и болѣе совершенствовалась, становилась способной къ болѣе широкимъ обобщеніямъ и отвлеченіямъ.

Отсюда въ процессѣ выработки міросозерцанія вотъ что выходитъ. Человѣкъ, подмѣтивъ единообразіе извѣстнаго класса явленій, заключаетъ о единствѣ воли ихъ производящей. Но волю онъ знаетъ только въ личностяхъ; поэтому онъ создаетъ *личныхъ* дѣятелей, управляющихъ этими явленіями. Подобно тому, какъ нѣкогда онъ переносилъ на предметы внѣшняго міра свойства своей личности, такъ и теперь воображаемыхъ дѣятелей природы онъ творитъ по образу и подобію своему, надѣляя ихъ свойствами, присущими человѣку. Такъ наступаетъ стадія *политеизма*, олицетворяются стихіи, являются „ово боги небесніи, а другіи земніи а другіи польстіи (полевые), а другіи водніи“..

Характеръ этихъ олицетвореній, ихъ свойства ихъ размѣры, ихъ сила зависитъ, какъ показалъ Бокль *), главнымъ образомъ, отъ *общаго вида природы*, среди которой обитаетъ данный народъ. Такъ напримѣръ въ странахъ, наполненныхъ высокими горами

*) Истор. цивилиз. въ Англіи, т. I.

вершины которыхъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, подверженныхъ частымъ землетрясеніямъ и вулканическимъ изверженіямъ; въ странахъ, гдѣ протекаютъ большія рѣки, причиняющія страшныя наводненія, иногда образующія шумныя водопады, гдѣ свирѣпствуютъ опустошительные ураганы, гдѣ растительность пышна, могуча, недоступна для человѣка, гдѣ множество ядовитыхъ змѣй, кровожадныхъ звѣрей, словомъ, гдѣ жизнь дикаря въ постоянной опасности,—въ такихъ странахъ, умъ первобытнаго человѣка, подавленный величіемъ природы, цѣпенѣетъ, мало развивается, а фантазія, возбуждаемая разнообразными явленіями къ дѣятельности и не регулируемая, не сдерживаемая въ надлежащихъ предѣлахъ разсудкомъ, напротивъ, чрезмѣрно развивается. Дѣло понятное. Съ одной стороны, сопоставляя, сравнивая свои слабыя силы съ силами величественной природы, человѣкъ, невооруженный знаніемъ, долженъ притти къ печальному сознанію своего безсилія, а при такихъ условіяхъ у него едва ли могутъ пробудиться попытки къ ближайшему изслѣдованію природы, къ подчиненію ея своей власти, ибо сознаніе своего безсилія—плохой помощникъ во всякомъ дѣлѣ, въ томъ числѣ и въ дѣлѣ изслѣдованія природы, проникновенія въ ея тайны. Съ другой стороны, непониманіе грозныхъ явленій природы порождаетъ страхъ передъ ними, а страхъ возбуждаетъ фантазію, иногда до болѣзненности. Естественно, что воображеніе, пораженное страхомъ, олицетворяя грозную, могущественную стихію, придаетъ своему созданію соотвѣтственно грозный, могущественный, даже чудовищный образъ.

Совершенно противоположное мы видимъ на крайнемъ сѣверѣ. Чрезвычайное однообразіе природы этог края, а слѣдовательно и скудость впечатлѣній от внѣшней дѣйствительности, обусловило бѣдность миѳологическаго творчества его обитателей. Тамъ мачиха природа, такъ сказать, придавила своей ледяной рукой творчество своихъ пасынковъ, парализовало его.

Среднее между двумя этими крайностями представляетъ намъ природа умѣренныхъ странъ, особенн тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ высокихъ горъ, вулкановъ и частыхъ землетрясеній, гдѣ растительност не столь пышна и недоступна, какъ въ странахъ тропическихъ, гдѣ крупныхъ хищниковъ и другихъ вредныхъ животныхъ гораздо меньше, гдѣ климатъ здоровѣе, словомъ—гдѣ природа представляется заботливою матерью, которая не балуетъ своихъ дѣтей излишней роскошью, не изнѣживаетъ ихъ, но и не пугает своей суровостью или недоступностью. Въ такихъ странахъ умъ человѣческій менѣе запуганъ, критическа мысль болѣе развита и равновѣсіе между развитіем ума и фантазіи не нарушено, а вслѣдствіе этого образы миѳологическаго творчества обитателей таких мѣстностей лишены чрезмѣрной чудовищности и колоссальности, болѣе подходятъ къ размѣрамъ человѣческой личности.

Въ зависимости отъ природы бѣлорусскаго кра не блещущей, какъ извѣстно, яркими красотами, величественностію, могуществомъ, недоступностію, и ол

цетворенія ея силъ и другія созданія миѳологическаго творчества бѣлоруссовъ, поскольку они сохранились въ памяти и воображеніи этого народа, также не отличаются величіемъ, особеннымъ могуществомъ, пластичностью своихъ формъ, отчетливостью очертаній; напротивъ, почти всѣ они блѣдны, расплывчаты, недостаточно опредѣленны. Надо полагать, что они потускнѣли отъ времени, поистерлись, какъ стирается старая монета отъ долговременнаго употребленія; но, въ силу вышесказанныхъ основаній, можно думать, что и въ былыя времена они не отличались особенной яркостью и рельефностью.—Отъ нѣкоторыхъ миѳологическихъ созданій сохранились лишь незначительные обрывки, клочки, по которымъ нельзя составить цѣльнаго представленія.

Чуръ. Такъ напримѣръ бѣлорусское заклятіе, употребляемое для огражденія отъ нечистой силы: «Чуръ мяне!»—представляетъ, какъ думаютъ, обращеніе къ покровительству божества Чура или Щура. Названіе отдаленнаго предка, производное отъ Щуръ, именно—пращуръ, употребляемое и теперь не только у бѣлоруссовъ, но и у великоруссовъ и малоруссовъ, даетъ основаніе предполагать, что Чуръ—божество родовое, предокъ, родоначальникъ, который и по смерти „радѣетъ“ своему роду и охраняетъ его членовъ отъ козней духовъ враждебныхъ родовъ и вообще отъ всякой нечистой силы. Другое производное бѣлорусское слово отъ этогоже имени „зачураться“ значитъ призвать Чура и тѣмъ оградить себя отъ нечистой силы, а

также значитъ провести черту углемъ или мѣломъ *) или чѣмъ-нибудь другимъ на землѣ или на полу, за которую, согласно повѣрію, никакая нечистая сила не можетъ перейти. Такъ „чураются“ всѣ тѣ, которым приходится имѣть дѣло съ нечистой силой, особенн съ вампирами; такъ „чураются“ въ подобныхъ же слу чаяхъ герои народныхъ сказокъ. Изъ этого можно за ключить, что Чуръ, вѣроятно, считался охранителем границъ родовыхъ владѣній, что онъ не позволял другимъ духамъ проникать за черту, за свою меж Это мнѣніе отчасти подкрѣпляется смысломъ другої бѣлорусскаго глагола: „отчураться“, что вообще зна читъ—не касаться, считать себя непричастнымъ, а в частности значитъ отказаться отъ батьковщины. Даж и въ первомъ случаѣ, когда желаютъ выразить око чательный, рѣшительный отказъ отъ чего-нибудь, т употребляютъ выраженіе: „отчураться хаты и таты Это наводитъ на мысль, что первоначальный смысл слова выражалъ отказъ отъ родового имущества и род означалъ, такъ сказать, выходъ изъ-подъ власти вѣдѣнія Чура. Вотъ, кажется, и все, что сохрани лось въ языкѣ народа относящагося къ Чуру, но в воображеніи народа не осталось о немъ никакого пре ставленія.

Пережитки вѣрованій въ усадебныхъ божеств Болѣе посчастливилось въ этомъ отношеніи другим

*) Угли для этого надо выбирать изъ печи, вытопленн въ Страстной четвергъ до восхода солнца, или брать съ „к ганца“, когда справляется „женитьба комина“, а мѣлъ рек мендуютъ употреблять тотъ, которымъ пишутъ кресты і косякахъ въ день Крещенія.

ервобытнымъ божествамъ, которыхъ мы назвали бы *садебными*, ибо подвѣдомственная имъ область ограичивается крестьянской усадьбой; впрочемъ, даже и га тѣсная сфера размежевана между ними довольно эчно и опредѣленно. Мы говоримъ о дымовомъ (доовомъ) или хатникѣ, ёўникѣ или гуменникѣ, лазьниѣ и хлѣўникѣ. Первыя три божества разнятся тольо названіями, да сферою своего вліянія, а по своему арактеру и даже по своему виду, или, вѣрнѣе, по эму виду, которымъ ихъ надѣляютъ бѣлоруссы, сходы между собою. Есть основанія полагать, что атникъ, евникъ и лазьникъ (отъ лазьня—баня) — го олицетворенія первобытнаго домашняго фетиша—гня.

Хатникъ или дымовый напоминаетъ собою велиорусскаго домового. Въ воззрѣніяхъ бѣлорусса онъ надѣляется всѣми качествами домовитаго хозяина. Тѣ, ому онъ „здаваўся", какъ выражаются бѣлоруссы, . е. представлялся, привидѣлся,—говорятъ, что онъ мѣетъ видъ старенькаго дѣдка, съ сѣдой бородою и линными сѣдыми волосами; одѣтъ онъ въ „насоў" бѣлорусск. холщевый кафтанъ), а другіе говорятъ—ъ бѣлую рубаху; подпоясанъ онъ „дягой" (ременнымъ оясомъ), а по другимъ версіямъ—лыкомъ. Спитъ нъ на печи или подъ печью, поэтому его иногда наываютъ *подпечникомъ*. Встаетъ онъ рано и пугаетъ ѣтуха, толкая его. Пѣтухъ, съ испугу, хлопаетъ рыльями и кричитъ, чѣмъ будитъ хозяевъ на раоту. Иногда домовой, какъ говорятъ многочисленные

разсказы и повѣрья о немъ, вздуваетъ огонь и идетъ въ клѣть или въ „свиренъ" (амбаръ) и просушиваетъ хлѣбъ, пересыпая его горстями; заглядываетъ въ хлѣвъ и задаетъ корму лошадямъ и коровамъ, гладитъ ихъ и холитъ. Такія ухаживанія „господаря" (другое названіе домового) очень благодѣтельны: зерно „спорнѣетъ" отъ пересыпаній домового, скотъ становится бодрымъ и выносливымъ отъ его поглаживаній. „Господарь" любитъ дружную семью, онъ не терпитъ сварливыхъ бабъ и иногда строго наказываетъ зачинщиковъ семейныхъ несогласій: ночью, во время сна, онъ наваливается зачинщику на грудь и душитъ его. Иногда же онъ любитъ и пошалить, когда въ хорошемъ расположеніи духа, когда всѣ дѣла идутъ хорошо и хорошее предвидится въ будущемъ: тогда онъ пляшетъ на „лавѣ" въ хатѣ или въ клѣти или въ сѣняхъ. Когда же семьѣ предстоятъ несчастія, онъ, предчувствуя это, начинаетъ завывать по ночамъ и этимъ предупреждаетъ хозяина. Съ домовымъ нужно жить въ мирѣ, нужно умѣть ему угождать, а это требуетъ извѣстнаго искусства со стороны домохозяина. Прогнѣвишь домового— и онъ не только не будетъ „спріять", но даже можетъ повредить въ хозяйствѣ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи (Борисовскій и Лепельскій уѣзды), при закладкѣ новаго дома, подъ однимъ изъ угловъ отрубаютъ голову пѣтуху, которую и зарываютъ тутъ же въ землю или просто кладутъ подъ угловой камень. Пѣтуха же зажариваютъ для обычной закуски при закладкѣ всякаго новаго зданія. Иногда этотъ обрядъ совершается при

акладкѣ печи *). Это несомнѣнно остатокъ прежихъ жертвъ домовому; тѣмъ болѣе, что въ древности уръ часто приносили въ жертву богамъ, какъ объ томъ, между прочимъ, упоминается въ словѣ Христоюбца: „Куры имъ (богамъ) рѣжють“.

Къ отголоскамъ первобытныхъ жертвоприношеній омовому также надо отнести повсемѣстно распространенный въ Бѣлоруссіи обычай затыкать въ углы и цели дома человѣчьи волосы, вычесанные или остриженные, и ногти. Въ настоящее время домовые, какъ идно, менѣе кровожадны, если, вмѣсто животрепещуцаго мяса и теплой крови, довольствуются такими іеудобоваримыми вещами, какъ волосы и ногти.

Намъ кажется, что домовой представляетъ съ дной стороны антропоморфизацію огня, домашняго очага, на что указываетъ названіе „дымовый“ **), а также то обстоятельство, что его мѣстопребываніе главнымъ образомъ пріурочивается къ печи, къ очагу. Правда, по тѣмъ же вѣрованіямъ, живетъ онъ и въ клѣти; но клѣти въ Бѣлоруссіи въ большинствѣ слу-

*) Пониманіе значенія этого обряда утеряно бѣлоруссами: совершается онъ просто по традиціи. Намъ, впрочемъ, объясняли зачѣмъ отрубаютъ голову пѣтуху при закладкѣ печи: „чтобъ куры плодилися“. (Зимой ихъ держатъ въ подпечникѣ).

**) Впрочемъ, можетъ быть, что это искаженное произношеніе великорусскаго „домовой“; это названіе (дымовый) малоупотребительно въ Бѣлоруссіи: домовой больше слыветъ подъ именемъ *господаря*, *хатника*, *подпечника*, иногда—*запечника*. Но если даже это только неправильное произношеніе великорусскаго слова, то и оно характерно, такъ какъ показываетъ, что домового, хатника народъ ставитъ въ непосредственную связь съ огнемъ.

чаевъ устраиваютъ теплыя, съ печами, чтобы можно было пускать туда зимній приплодъ домашнихъ животныхъ и ставить все то, что не должно замерзать (такія клѣти называются *истопками*, *издобками*; отъ слова—топить, тепливо), и тамъ, въ клѣти, его помѣщаютъ на печи или подъ печью, что не только не опровергаетъ нашего предположенія, а скорѣе подкрѣпляетъ его. Съ другой стороны—на домового, вѣроятно, перенесены нѣкоторыя черты Чура, обоготвореннаго родоначальника, ибо домовой, по повѣріямъ, отличается такими аттрибутами, которые свойственны родовому божеству: домовой, напр., убаюкиваетъ раскричавшихся дѣтей и надсматриваетъ за ними, если они предоставлены самимъ себѣ *).

Евникъ и ***Лазьникъ***. Но за то отъ домового отдѣлились евникъ и лазьникъ, которые тоже, несомнѣнно, „огненнаго происхожденія“, тоже олицетворенія огня. Они получили свои особыя, слишкомъ ужъ узкія, области: первый—евню (овинъ), второй—лазьню (баню). Бѣлорусскій овинъ и баня, по своему устройству, очень мало отличаются другъ отъ друга, и овинъ нерѣдко замѣняетъ баню. Также мало отличаются другъ отъ друга и ихъ оберегатели, такъ что мы можемъ считать евника и лазьника родными братьями и ближайшими родственниками домового.

Евникъ живетъ въ овинѣ, въ печкѣ или на печкѣ; по внѣшности онъ отличается отъ домового только тѣмъ, что этотъ послѣдній „сдается“ въ бѣломъ „на-

*) Отсюда, вѣроятно, пословица: Богатому чортъ дѣтей колышетъ.

:овѣ", а евникъ черенъ (надо полагать—отъ постоянной копоти безтрубой печи), только глаза, какъ угли горятъ. Тотъ и другой съ рѣшительно хозяйственными наклонностями: евникъ по ночамъ подметаетъ гумно, вѣетъ зерно, придаетъ ему „спорню", а у *знающихъ* хозяевъ даже молотитъ по утрамъ.

Когда насаживаютъ евню, т. е. кладутъ снопы для просушки, то бросаютъ снопъ въ огонь; также по окончаніи молотьбы, оставляютъ снопъ ржи въ евнѣ, чтобы евнику „была занятка". Если прогнѣвить его, то онъ начнетъ бросать снопы въ огонь и сожжетъ овинъ—такъ объясняютъ бѣлорусскіе крестьяне частые пожары овиновъ, происходящіе отъ дурной насадки сноповъ.

Лазьникъ любитъ париться и мыться; ему оставляютъ для этой цѣли вѣникъ и воду. Свои омовенія онъ совершаетъ послѣ полуночи, а потому не любитъ, чтобы кто-нибудь оставался до этого времени въ банѣ. Если же кто остается такъ долго, то лазьникъ начинаетъ бросать съ печи камни, стараясь убить дерзновеннаго.

Хлѣвникъ. Нѣсколько инымъ характеромъ отличается хлѣвникъ. Домовой и евникъ всегда желанные гости, съ ними дружатъ, имъ угождаютъ. Они сравнительно нрава безобиднаго, заботятся о пріумноженіи хозяйства, если живутъ въ ладу съ хозяиномъ. Но не таковъ хлѣвникъ и не таково отношеніе къ нему. Какъ только обнаруживаютъ, что онъ завелся, сейчасъ же стараются его выжить, избавиться отъ него. И не диво! по повѣрію—онъ портитъ скотъ; онъ ѣздитъ по

ночамъ на лошадяхъ въ конюшнѣ, а отъ такой ѣзд лошадь быстро худѣетъ слабѣетъ и, если не избавит ее во время отъ хлѣвника, то вскорѣ околѣваетъ. Иног да онъ ѣздитъ поперемѣнно то на одной, то на дру гой лошади, а иногда привязывается къ какой нибуд одной излюбленной. Лошадь бьется, мечется, старается сбросить хлѣвника, но это ей не удается. Она ржетъ зоветъ на помощь хозяина; войдетъ онъ—никого нѣтъ только лошадь взмылена и не можетъ отдышаться. Т же бываетъ и съ коровами,—и на нихъ хлѣвник ѣздитъ. Коровы бѣгаютъ по хлѣву, мычатъ, быстр тощаютъ и перестаютъ давать молоко.

Хлѣвникъ почему-то боится сороки, и опытны кучера вѣшаютъ эту вѣщую птицу надъ дверями конюшни. Но ворожбитка и лѣкарка м. Холопеничъ Борисовск. уѣзда, Розалія Осьмакъ, отъ которой мы позаимствовали значительную часть нашихъ матеріаловъ сообщила намъ, что самое вѣрное средство изгнать хлѣвника—слѣдующее. Нужно свить изъ «поскони» *) кнутъ (пугу),—свить въ три „стволки"; на концѣ завязать три узелка; отъ нихъ на разстояніи одной пяди еще три, а черезъ пядь и еще три. Этотъ кнутикъ навязать на осиновое «пугавье». Въ ночь, когда настаетъ „молодзикъ" (новолуніе), передъ воротами хлѣва поставить жаровню съ осиновыми горячими углями впрочемъ, могутъ быть угли и другіе, но осиновые какъ будто бы лучше. Когда все это готово, тогда взявши корову или лошадь за хвостъ, нужно гнать е

*) Конопля съ тычинковыми цвѣтками.

ерезъ хлѣвъ къ двери, стегая наотмашь кнутикомъ и тараясь перегнать черезъ жаровню. И такъ перебрать сѣхъ коровъ и лошадей. При этомъ слѣдуетъ пригоаривать: „Пошла, хира (немочь, болѣзнь, погань) назвѣй вѣцеръ"!

Или же:

Якъ у насъ Юрья
Кони пасець,
Статокъ сциражець,
Нячистую силу
Прочь отгоняиць,
Хлѣуника и цмока
Вожахомъ порицъ,
Приговариваиць:
Хира у лѣсъ! (3) *).

Если на которомъ нибудь животномъ и сидѣлъ хлѣвникъ, то, отъ соединеннаго воздѣйствія кнута изъ „посконныхъ" волоконъ, который разсѣкаетъ его тѣло до крови, огня, котораго онъ боится, и, наконецъ, заговора, которому придается чудесная сила, онъ не дерзнетъ возвратиться вспять и оставитъ стадо въ покоѣ.

Изъ сказаннаго видно, что хлѣвникъ едва-ли былъ когда нибудь богомъ-покровителемъ стадъ. Аттрибуты Волоса, скотьяго бога, перенесены на св. Георгія, котораго народъ и считаетъ покровителемъ стадъ, защитникомъ отъ волковъ, вовколаковъ, хлѣвниковъ, гадовъ, вѣдьмъ-коровницъ, отбирающихъ у коровъ молоко; тог-

*) Этотъ же заговоръ произносятъ пастухи, обходя стадо, когда въ первый разъ выгоняютъ его на пастбище.

да какъ хлѣвникъ является силой враждебной, недоброжелательной, причиняющей вредъ стаду, силой, противъ которой необходимо бороться при помощи св. Юрья и огня-очистителя. Искуснымъ считается тотъ пастухъ или конюхъ, который умѣетъ умилостивить св. Юрья и изгнать, въ случаѣ надобности, хлѣвника.

Также очевидно, что хлѣвникъ не представляетъ, такъ сказать, разновидности домового, ибо домовой, какъ мы видѣли выше, любитъ лошадей и коровъ, ласкаетъ ихъ, холитъ и отъ его ухаживаній скотъ улучшается, тогда какъ хлѣвникъ, разъ онъ поселился въ хлѣву, приноситъ животнымъ только вредъ. И прототипъ домового, огонь, имѣетъ свойство изгонять его. Домовому надлежитъ быть въ каждомъ порядочномъ домѣ, а хлѣвникъ появляется случайно или насылается лихими людьми.

Змѣй-деньгоносецъ. Чтобы покончить съ домашней «нечистой силой», намъ еще необходимо сказать нѣсколько словъ о змѣѣ-носителѣ-денегъ.

Про каждаго сколько нибудь богатаго крестьянина въ Бѣлоруссіи говорятъ, что „ему змѣй гроши носиць", и вы встрѣтите немало людей, которые самолично, воочію, видѣли-де этого змѣя; при томъ вамъ укажутъ чей онъ, т. е. какому богачу принадлежитъ. Но всего интереснѣе то, что такіе змѣи, по разсказамъ, производятся искусственно. На этотъ счетъ существуетъ такое повѣрье. Если черный пѣтухъ проживетъ семь лѣтъ, то къ концу седмого года снесетъ особаго вида яйцо, напоминающее, будто бы, по формѣ раковину обыкновенной улитки. Это яйцо нужно но-

сить подъ мышкой три года. Тогда вылупится изъ него *маленькій змѣенышъ*. Его *нужно холить, держать* въ теплѣ, кормить яичницей (это его исключительная пища) и ничѣмъ не раздражать. Выросши, онъ станетъ летать, отыскивать клады и носить деньги своему *хозяину*. Живетъ змѣй *въ клѣти (истопкѣ), никому* не показывается. Туда ему хозяинъ или хозяйка каждодневно носятъ свѣжую яичницу. Но ее почему-то нельзя солить: ничѣмъ такъ не прогнѣвишь змѣя, какъ посоливши ему яичницу. За это онъ сжигаетъ все *хозяйское добро и самъ улетаетъ. Вообще онъ*, *разсердившись*, мститъ пожаромъ. Если кто-нибудь увидитъ его несущаго деньги и оскорбитъ неприличіемъ, то онъ деньги разсыплетъ, а своего хозяина почему-то сожжетъ.

Каковъ видъ у этого змѣя?

Мы предлагали этотъ вопросъ тѣмъ лицамъ, которыя, по ихъ словамъ, видѣли его. Отвѣты получались разные. Но большинство того мнѣнія, что онъ похожъ на обыкновеннаго ужа, только гораздо больше его,— *весь золотой, горитъ, какъ жаръ, и имѣетъ крылья*. Другіе уподобляютъ его человѣку, который, впрочемъ, можетъ летать.

Намъ часто приходилось слышать въ деревнѣ: *Змѣй полетѣлъ. Это былъ какой нибудь блестящій метеоръ*.

Сопоставляя все вышесказанное, мы затрудняемся, гдѣ искать предковъ змѣя. Что это одинъ изъ пенатовъ, изъ домовыхъ, не подлежитъ сомнѣнію: это *только особый видъ домового; это—клѣтникъ, потому*

что въ хатѣ онъ не живетъ, а только въ клѣти. Возможно, *что онъ представляетъ дальнѣйшую эволюцію* ужей-фетишей; но съ другой стороны—слишкомъ бросается въ глаза его „огненный характеръ“: онъ и самъ какъ жаръ горитъ, и когда летитъ, то оставляетъ огненный слѣдъ, и разсердившись, сжигаетъ хозяйское добро, такъ что послѣднее заставляетъ предполагать въ немъ одно изъ олицетвореній огня. Чтобы примирить эти противорѣчія, намъ кажется наиболѣе вѣроятнымъ предположить, что это созданіе народной фантазіи представляетъ сліяніе двухъ фетишей: огня и ужа; такимъ образомъ и получилось представленіе объ „огненномъ змѣѣ“, какимъ его воображаетъ бѣлорусскій народъ. А если вѣрно предположеніе, что домовикъ, котораго бѣлоруссы воображаютъ въ человѣческомъ видѣ, *есть олицетвореніе огня, тогда становится* понятнымъ и уподобленіе змѣя-деньгоносца человѣку.

Олицетворенія стихій. Выше мы видѣли, что усадебныя божества, за исключеніемъ одного Чура, довольно *отчетливо представляются воображенію бѣлорусса*. Но нельзя того же сказать о стихійныхъ божествахъ, олицетвореніяхъ силъ природы, болѣе удаленныхъ отъ непосредственныхъ, такъ сказать, домашнихъ интересовъ бѣлорусскаго крестьянина.

Напримѣръ отъ *Перуна*, бога небеснаго огня (слѣдовательно, родственника домового),—бога, какъ говорятъ лѣтописи, нѣкогда главенствовавшаго на славянскомъ Олимпѣ,—отъ этого громоноснаго и дождящаго бога *сохранилось очень немного*. Перунъ убиваетъ

эсылая свои каменныя стрѣлы въ клубахъ огня; стрѣ-
ы убиваютъ, а огонь сожигаетъ. Свои удары онъ
зправляетъ болѣе всего на чорта; а чортъ любитъ
эятаться во время грозы подъ деревомъ, поэтому
іасно становиться подъ деревья, чтобы укрыться отъ
эждя: вмѣсто чорта Перунъ можетъ убить человѣка.
эи громѣ и молніи надо креститься, чтобы отогнать
ъ себя чорта.

Намъ не разъ приходилось слышать такое объясне-
е происхожденія грома и молніи. Перунъ держитъ
рукахъ два чрезвычайно громадныхъ жернова, третъ
іи и ударяетъ одинъ о другой; треніемъ и ударами
ъ производитъ громъ и извлекаетъ молнію, подобно
му, какъ извлекаютъ искры, ударяя сталью о кре-
нь. Осколки жерноповъ, отскакивающіе при уда-
хъ, летятъ на землю и по ражаютъ, какъ стрѣлы.
і уже имѣли случай говорить, что перуновыми стрѣ-
ми народъ называетъ каменные топоры и ножи.

Водзяникъ или *Водзяный* живетъ въ „живой" во-
, т. е. только-что пробившейся изъ-подъ почвы.
ждый „виръ" (водоворотъ, а также источникъ въ
кѣ или озерѣ) имѣетъ своего водяника; они же оби-
ютъ въ криницахъ бездонныхъ, въ глубинѣ рѣкъ и
ръ, вообще въ такихъ мѣстахъ, которыя зимою
замерзаютъ: это—по объясненію народа—ледъ
ѣтъ отъ дыханія водяника. Сохранилось до сихъ
ръ воззрѣніе, что водяникъ требуетъ человѣческой
ртвы, и невольные утопленники считаются жертвами
хищничества: онъ тянетъ ихъ къ себѣ на дно. Въ
іоруссіи указываютъ много мѣстъ, на которыхъ, по

преданію, были нѣкогда озера, и въ нихъ обитал
слишкомъ жадные водяные. Они очень часто таскал
людей „у виръ". Тогда окрестные жители обращалис
къ какой нибудь знахаркѣ, и она, отыскавъ виръ
смѣло ныряла на дно, затыкала жерло—главный источ
никъ озера—"горохвинами" и закладывала сверху кам
немъ. Вода въ озерѣ мало-по-малу изсякала, и водя
ной переселялся куда-нибудь въ другое мѣсто.

Русалки. Въ водѣ же живутъ и русалки. Онѣ
впрочемъ, могутъ считаться „земноводными", потом
что обитаютъ въ водѣ только съ осени до „русально
недѣли" (первая послѣ Троицы). Тогда онѣ выходят
изъ воды и поселяются на вѣтвяхъ деревьевъ, осо
бенно на березахъ. Русалки качаются на ихъ гибких
вѣтвяхъ, подзывая прохожихъ: „человѣкъ! человѣк
ходи колыхаться!" А если кто сдуру подойдетъ к
нимъ близко, то онѣ защекочутъ его до смерти.

Представляются онѣ воображенію бѣлорусса крас
выми женщинами, съ распущенными длинными вол
сами. Пока русалки не выйдутъ изъ воды, т. е.
русальной недѣли, считается опаснымъ купаться, пот
му что или болѣзнь какая нибудь приключится, ил
русалки къ себѣ затащатъ въ глубь рѣки и утопят

Существуетъ повѣріе, что души дѣтей, умерши
до крещенія, превращаются въ русалокъ.

Лѣшій. Надъ лѣсами и всѣмъ, что въ них
властвуетъ лѣшій. Это, кажется, наиболѣе величес
венный образъ, созданный фантазіей бѣлорусса. Оно
понятно: въ природѣ его страны, за исключеніемъ гр
зовыхъ явленій, дремучіе лѣса были наиболѣе вел

чественны, таинственны, болѣе всего поражали воображеніе своимъ заунывнымъ шумомъ при легкомъ вѣтрѣ и трескомъ ломающихся деревьевъ, стономъ, пронзительными воплями, дикимъ хохотомъ и другими странными звуками, которые наполняютъ лѣсъ во время бури или урагана. Подъ вліяніемъ впечатлѣній изъ жизни могучихъ лѣсовъ своей родины бѣлоруссъ и создалъ образъ своего лѣсовика или лѣшаго. Онъ ростомъ въ уровень съ деревьями того лѣса, въ которомъ разгуливаетъ. Онъ можетъ увеличиваться и уменьшаться, приноравливаясь къ величинѣ деревьевъ. Онъ чрезвычайно силенъ: когда разыграется въ лѣсу во время бури, то съ корнемъ вырываетъ могучіе дубы, на куски ломаетъ вѣковыя сосны, въ лоскъ кладетъ множество деревьевъ, застилая свой путь въ лѣсу, чтобы никакая сила не могла пробраться по его слѣдамъ къ его логовищу. А живетъ онъ въ такъ называемомъ „маточникѣ“—это средина пущи, совершенно недоступная для обыкновеннаго смертнаго. *Маточникъ* окруженъ непроходимымъ лѣсомъ, запруженъ массою валежника и сверхъ того—его облегаютъ засасывающія болота, которыя не замерзаютъ и въ самыя суровыя зимы. Тамъ-то и живетъ лѣшій со своими звѣрями и птицами. Всѣ крупные звѣри туда идутъ умирать: они только знаютъ таинственныя тропы, которыми можно пробраться въ маточникъ.

Когда лѣшій разгуливаетъ по своимъ владѣніямъ, его сопровождаютъ стада звѣрей и стаи птицъ, особенно совы, филины, вόроны и сороки. Голова его покрыта длинными кудрями, такъ что напоминаетъ вер-

хушку сосны; громадное туловище одѣто въ звѣрины шкуры—волчьи и медвѣжьи—шерстью навыворот руки и ноги толсты и крѣпки, какъ стволы дубов глаза горятъ, какъ у волка или совы. Онъ „ржець хохочетъ, когда веселъ; волкомъ воетъ, когда печаленъ; рычитъ, какъ медвѣдь, когда золъ, а по вр менамъ дико взвизгиваетъ. Онъ плещетъ въ ладош и отъ этого трескъ идетъ по лѣсу. Въ рукахъ о держитъ иногда громадную дубину, которою ударяе по деревьямъ; оттого-то, какъ полагаютъ, и слышит въ лѣсу грохотъ. По другой версіи—въ рукахъ него длинный бичъ, которымъ онъ хлопаетъ, подг няя своихъ спутниковъ.

Такой лѣшій водится только въ большихъ лѣса и пущахъ; съ нимъ очень ужъ опасно встрѣчаться. въ малыхъ лѣсахъ и лѣшій бываетъ поменьше; впр чемъ и ему пальца въ ротъ не клади: можетъ изряд напугать человѣка и волками затравить.

Подвѣй—это тотъ духъ, который кружится вихрѣ. Онъ поражаетъ людей особой болѣзнью, ко рая тоже называется подвѣемъ: набѣжитъ вихрь человѣка—и свернетъ ему голову набокъ, отниме языкъ, а нето скрючитъ руку или ногу. Поэтому до спасаться отъ вихря. Когда онъ кружится, н показывать ему кукишъ: этого подвѣй не любитъ промчится стороной, не набѣжавъ на человѣка.

Другихъ олицетвореній изъ области атмосфе ческихъ явленій бѣлоруссы не знаютъ.

IV

Пережитки солнечнаго культа.

Достигнувъ извѣстной степени умственнаго разви-ія, первобытный человѣкъ, наблюдая явленія приро-ы, не могъ не замѣтить той зависимости, въ которой аходятся растенія отъ солнечной теплоты и свѣта. огда-же такъ или иначе было сознано, что безъ еплоты и свѣта не можетъ быть растительной жизни, о отсюда не трудно сдѣлать выводъ, что безъ расте-ій не возможна жизнь животныхъ, а безъ тѣхъ и дру-іхъ не возможна жизнь человѣка. Это сознаніе, на ряду съ другими причинами, въ разборъ которыхъ мы е намѣрены вдаваться, повело къ обоготворенію солн-а, какъ источника теплоты и свѣта, какъ плодотвор-аго начала, *дождь-бога*, дающаго изобиліе плодовъ мныхъ и самую жизнь; а обоготвореніе повело къ озданію культа, въ которомъ выражалось въ извѣст-ыхъ формахъ отношеніе человѣка къ обоготворяемому ѣтилу.

Культъ солнца былъ тѣмъ болѣе развитъ и его никновеніе въ міросозерцаніе народа тѣмъ глубже и ачительнѣе, чѣмъ больше народъ освоился съ мирны-

ми земледѣльческими занятіями и зависѣлъ отъ нихъ, а не отъ войны и грабежа.

Наши предки, какъ извѣстно, вынесли свои вѣ-рованія изъ своей первобытной родины—арійскаго на-горья, страны вѣчнаго солнца и лазурнаго неба, гдѣ имъ были уже извѣстны начатки земледѣлія. А так какъ и осѣвши на новыхъ мѣстахъ они продолжал заниматься земледѣліемъ, то понятно, что культъ бог земледѣлія и мирныхъ искусствъ, солнца, игралъ в ихъ міросозерцаніи и въ обрядовой сторонѣ ихъ жизн важную роль, о чемъ свидѣтельствуютъ памятники на шей древней письменности и многочисленные пережитки

Бѣлоруссы, какъ народъ преимущественно земле дѣльческій, въ своихъ воззрѣніяхъ, обрядовыхъ пѣсняхъ и празднествахъ сохранили немало такихъ характер ныхъ особенностей, которыя являются видимымъ отра женіемъ древняго солнечнаго культа. Правда, въ бѣ лорусской рѣчи не сохранилось прежнихъ наименованій приписываемыхъ солнцу, въ родѣ Сварожича, Хорс Дажьбога, Ярилы, но древнія празднества въ чест солнца, связанныя съ весеннимъ и осеннимъ равн денствіемъ, съ зимнимъ и лѣтнимъ солнцестояніемъ, теперь отбываются въ Бѣлоруссіи. Они, конечно, приноровлены къ христіанскимъ праздникамъ, но связан съ такими воззрѣніями и сопровождаются такими обр дами, которые ничего общаго не имѣютъ съ христ анскимъ значеніемъ праздника. Таковы коляды, м сленица и великодни, купала и богачъ.

Общая черта всѣхъ этихъ празднествъ—ихъ откр тый, общественный характеръ; они празднуются „сбор

дружиной", толпой; это не то что „дзяды", которые справляются каждой семьей отдѣльно.

Коляды. Трудно сказать, что означало слово *коляда*. Было-ли это названіе божества, или названіе праздества, посвященнаго нѣкоторому божеству, или то и другое вмѣстѣ,—на этотъ счетъ только можно дѣлать болѣе или мѣнѣе остроумныя догадки: ученыя изслѣдованія, поскольку они касались этого вопроса, не даютъ ничего положительнаго и убѣдительнаго. Но наблюдая обряды и суевѣрія, связанные съ этимъ праздествомъ, изслѣдуя колядныя пѣсни, можно придти къ заключенію, во-первыхъ, что коляды служили началомъ года, во-вторыхъ, что празднованіе ихъ имѣло тѣсную связь съ хозяйственной стороною жизни народа, съ его земледѣльческими воззрѣніями и въ-третьихъ, имѣло, въ нѣкоторой степени, связь съ брачными или вообще половыми отношеніями народа.

Все это даетъ основаніе отнести коляды къ числу праздествъ солнечнаго культа.

А такое праздество могло возникнуть только тогда, когда первобытный человѣкъ настолько обогатился наблюденіями, настолько развилъ свой умъ, что могъ установить связь между важнѣйшими явленіями внѣшняго міра, могъ понять, хотя бы и несовершенно, грубо-эмпирически, соотношеніе между ними; когда онъ уже имѣлъ представленія о прошломъ и заглядывалъ въ будущее, а не только жилъ интересами текущаго дня. Для этого, какъ показали наблюденія надъ жизнію дикарей, человѣкъ долженъ былъ пройти долгій путь.

Но когда была замѣчена правильная послѣдовательность временъ года и установлена зависимость ихъ отъ того или иного положенія солнца на небѣ, было естественно считать началомъ года то время, когда солнце какъ-бы возрождается, поднимается все выше и выше, свѣтитъ дольше, когда дни увеличиваются, а ночи уменьшаются; празднованіе же колядъ почти совпадаетъ съ этимъ временемъ. Затѣмъ, разъ установлена связь между солнцемъ и плодородіемъ, естественно было придать праздеству въ честь солнца земледѣльческій характеръ. А такъ какъ эта связь понимается первобытнымъ умомъ въ томъ смыслѣ, что солнцѣ своими любовными ласками оплодотворяетъ землю, отсюда могло возникнуть представленіе, что любовь, половое влеченіе, находится въ зависимости отъ солнца, есть слѣдствіе его вліянія. Отсюда *любовный* (въ половомъ смыслѣ) характеръ праздества. Впрочемъ, должно сказать, что эта сторона солнечнаго культа довольно слабо выражена въ колядныхъ обрядахъ; она сосредоточена главнымъ образомъ въ празднованіи купалы.

Бѣлоруссы употребляютъ слово *коляда* въ двухъ значеніяхъ: какъ названіе праздества и какъ названіе продуктовъ, приготовляемымъ къ колядамъ изъ свинины: колбасъ, сала, окороковъ,—все это въ собирательномъ смыслѣ называется колядою. Напримѣръ, выражаются такъ: далъ ему немного коляды, разумѣя кольцо колбасы, кусокъ сала и т. п.; или же: у него всю коляду украли,—при чемъ также разумѣются

продукты, приготовленные изъ свиного мяса. Въ этомъ же смыслѣ поется въ колядной пѣснѣ:

Ѣхала Коляда по ляду,
Разсыпала коляду.

А въ первомъ смыслѣ, въ смыслѣ праздиества, названіе коляда присвоивается тремъ днямъ: кануну Рождества — это постная коляда; кануну новаго года — это богатая коляда, иначе то*у*стая, тлустая (жирная), щедрыкъ; и кануну Крещенія Господня — это кщенская коляда или голодная. Но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ подъ словомъ коляды разумѣютъ все время съ 24 декабря по 6 января. Иногда вмѣсто коляда употребляютъ слова *кутця*, т. е. названіе главнаго блюда, обязательно приготовляемаго на каждую коляду, присваиваютъ самому дню. Но какого нибудь личнаго существа, называемаго колядой, народъ не представляетъ; по крайней мѣрѣ намъ не удалось подмѣтить сколько нибудь ясныхъ признаковъ того, что такое представленіе существуетъ, хотя это и можно бы думать, судя по вышеприведенному отрывку пѣсни.

Какъ безъ блина — не масленица, такъ безъ колбасы, жирной верещаки — не коляды, — и каждый хозяинъ старается заколоть къ этимъ праздникамъ откормленнаго кабана, а нето и двухъ, кто посостоятельнѣе. Странное дѣло: какъ ни блюдутъ крестьяне посты, но при разборѣ убитой свиньи многіе не могутъ устоять отъ соблазна, чтобы не полакомиться „свѣжинкой", особенно бѣлоруссы-католики, которые менѣе строго относятся къ соблюденію постовъ.

Пластанье колядной убоины — это цѣлый обрядъ которому бѣлоруссы придаютъ важное значеніе въ смыслѣ гаданія, главнымъ образомъ, на счетъ урожаевъ будущаго года. Сначала кабану дѣлаютъ крестообразн надрѣзъ на груди; потомъ перерѣзываютъ горло и собираютъ кровь въ особый сосудъ (изъ крови, смѣшанної съ мукой, пекутъ блины). Если кровь льется обильно непрерывной струей — это значитъ, что лѣто будетъ дождливое; отсюда выводъ, что навозъ надо запахивать, а не сѣять „подъ пристилку". Длинная грудобрюшная преграда — по бѣлорусски *коса* — предвѣщаетъ долгое лѣто; если она быстро суживается къ концу — это знакъ, что только первые посѣвы будутъ удачны. Наблюдаютъ, какихъ зеренъ больше въ требухѣ, полагая, что такой родъ хлѣба будетъ наиболѣе урожайнымъ. Такъ гадаютъ старики, отцы семействъ, озабоченные на счетъ урожаевъ будущаго года, а дѣвушки, заинтересованыя больше по части жениховъ, получаютъ въ свое распоряженіе печень и, всматриваясь въ ея блестящую поверхность, стараются увидѣть тамъ отраженіе своей будущей судьбы.

Во всемъ этомъ нельзя не усмотрѣть связи съ языческими жертвоприношеніями, которыя, какъ извѣстно сопровождались гаданіями по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ. Весьма вѣроятно, что у нашихъ предковъ на коляды — время зимняго солнцеворота, именно кабанъ приносился въ жертву солнцу, и по внутренностямъ животнаго гадали о тѣхъ предметахъ, которые, по первобытнымъ воззрѣніямъ, находились зависимости отъ этого божества. Какъ мы увидимъ

далѣе, всѣ коляды сопровождаются гаданіями, при чемъ эти послѣдніе распадаются на три отдѣла: гаданія, такъ сказать, хозяйственныя, земледѣльческія; гаданія о *суженомъ, любовныя; и гаданія вообще о* грядущей судьбѣ: „про животъ, про смерть, про весь родъ человѣчь". Всего естественнѣе было гадать о будущемъ въ началѣ года, а это отчасти указываетъ на то, что коляды считались именно началомъ года; также естественно гадать объ урожаяхъ и любовныхъ дѣлахъ въ то время, когда справляли праздникъ именно бога земледѣлія, плодородія и любви, каковымъ несомнѣнно считалось солнце. Въ дальнѣйшемъ мы найдемъ еще подтвержденія всему этому.

На *постную коляду* (24 декабря) приготовляютъ кутью съ сытей, поливку съ грибами или рыбой, оладьи съ медомъ или макомъ, блины, рыбу жареную, клёцки, кисель,—словомъ, чтобы было по больше блюдъ, но никакъ не меньше семи,—число, которое въ обрядовыхъ трапезахъ имѣетъ, повидимому, символическое значеніе.

Вечеромъ, какъ только покажутся звѣзды, когда уже все въ избѣ прибрано, выметено, вычищено, кладутъ на столъ сѣна, сверху покрываютъ скатертью, кладутъ хлѣбъ-соль и ставятъ кутью. Всѣ молятся Богу. Затѣмъ хозяинъ беретъ кутью и, вышедши на дворъ, обноситъ вокругъ дома, если это возможно, или кругомъ двора, потомъ, *подойдя къ окну*, стучитъ трижды. Изъ избы хозяйка или старшій въ семьѣ спрашиваетъ: «хто тамъ». Хозяинъ отвѣчаетъ: „самъ богъ идзець, кутцю нясець"—и послѣ этой

оригинальной церемоніи входитъ въ хату. Кутья ставится на столъ, и начинаютъ ѣсть всѣ изъ одной миски, не спѣша, наблюдая, чтобы всѣ брали по очереди, по старшинству. Описанный обычай существуетъ въ Бобруйскомъ уѣздѣ; въ другихъ мѣстностяхъ зовутъ морозъ кутью ѣсть, при чемъ просятъ его, чтобы онъ не поморозилъ всходовъ. Всѣ ѣдятъ до отвала; нельзя ни одного блюда преминуть.

Послѣ вечери *гадаютъ*. Вытягиваютъ изъ-подъ скатерти стебельки сѣна и по длинѣ заключаютъ, каковъ ленъ будетъ—длинный или короткій. Ищутъ въ сѣнѣ зернышекъ, и если найдутъ, скажемъ, ячменное зерно—значитъ ячмень уродится. Вытягиваютъ колосистыя травы и посходству ихъ колосковъ съ колосьями хлѣбныхъ растеній заключаютъ какой хлѣбъ будетъ наиболѣе урожайнымъ. Частыя звѣзды на небѣ въ эту ночь означаютъ, что будетъ много грибовъ и ягодъ. Парни и дѣвушки топятъ воскъ и льютъ въ воду, стараясь по отлившимся фигурамъ угадать свою судьбу. Дѣвушки, захвативъ краюху хлѣба, выбѣгаютъ на „смалище" (мѣсто, гдѣ обжигали кабана) и, *кушая хлѣбъ, слушаютъ, въ какой сторонѣ раздастся* звукъ—говоръ, лай собаки и т. п.—туда ей выйти замужъ. Гадаютъ и на другія коляды. Наканунѣ новаго года льютъ олово или свинецъ въ воду и по фигурамъ гадаютъ. Уединившись въ комнатѣ или въ клѣти, смотрятъ чрезъ кольцо на пламя свѣчи, надѣясь увидѣть суженаго или то, что будетъ. Есть и другой подобный способъ гаданія. Надо, запершись ночью въ банѣ и поставивъ передъ собой зеркало, а

по бокамъ его двѣ свѣчи, смотрѣть въ зеркало, не мигая, не отрывая глазъ и не осматриваясь по сторонамъ. Кто не труслив и выполнитъ всѣ условія въ точности, тотъ увидитъ-де все, что ему предстоитъ важнаго въ будущемъ. Въ вечеръ передъ Крещеньемъ считаютъ колья въ заборѣ; перебираютъ ихъ всѣ до конца, приговаривая: колъ — колица, колъ — колица; если на послѣдній придется — колъ, значитъ выйдетъ замужъ, а если колица — значитъ не выйдетъ. Берутъ дрова въ охапку и, принеся ихъ въ избу, считаютъ четное или нечетное число полѣньевъ захвачено; выводъ тотъ, что если четное число, то выйти замужъ. И много другихъ есть способовъ гаданія.

На *богатую коляду* приготовляютъ множество блюдъ, при томъ все скоромныхъ, жирныхъ, тогда какъ на крещенскую коляду всѣ блюда постные и приготовляется ихъ менѣе, потому то она и называется *голодной*. Особыми обрядами, кромѣ гаданій, о которыхъ мы уже упоминали, онѣ не отличаются.

Колядные обычаи и игры. Рождественская коляда начинаетъ и кончаетъ хозяйственный годъ. По обычаю, заведенному изстари, съ этого дня нанимаютъ батраковъ на годъ; такъ и уговариваются: отъ колядъ до колядъ. Но обычай требуетъ, чтобы батракъ, отбывшій свой срокъ, не былъ удаляемъ до втораго дня Рождества. При расчетѣ его одаряютъ *колядой*: колбасами и саломъ. Бездомные батраки или гуляки отправляются въ корчму, чтобы кутнуть на остатки полученнаго жалованья.

На коляды, послѣ вечери, господари „сѣютъ боб по избѣ и по двору, чтобы хлѣбъ родился какъ боб А хозяйки кормятъ куръ кутьей въ обручѣ, чтоб онѣ держались своего дома, не клали яицъ гдѣ п пало. Въ теченіе двухъ недѣль между первой и послѣ ней колядой, даже въ будни, нельзя производи никакихъ серьезныхъ хозяйственныхъ работъ, кром какъ присмотрѣть за скотомъ — задать корму, на поить — да приготовить обѣдъ. А вечеромъ и совсѣм ничего нельзя дѣлать. Эти вечера зовутъ *святым* а въ иныхъ мѣстахъ *кривыми*, вѣроятно вслѣдстві того повѣрія, что если въ эти вечера работать, т приплодъ домашняго скота будетъ рожаться уродливым Особенно нельзя шить и прясть; отъ перваго, н только домашнія животныя, но и дѣти могутъ родитьс слѣпыми, а отъ втораго можетъ свиться колтунъ въ во лосахъ. Въ эти вечера крестьяне собираются по избам которыя по просторнѣе, и проводятъ время въ бесѣдах играхъ и забавахъ. Старики разсказываютъ подрост камъ сказки, поучительныя бывальщины, примѣры загадываютъ загадки. Таковъ обычай. Также въ обы чаѣ грызть въ эти вечера орѣхи, играть въ четъ и нечетъ.

Взрослые молодые люди, собравшись отдѣльно справляютъ *женитьбу Терешки*. Это спеціально ко лядная игра. Другія игры, какъ напримѣръ „ящуръ" или „ящеръ", игра въ „Бога и чорта", хотя устра иваются въ колядные вечера, но не обязательно: в эти игры играютъ и въ другое время и при том играютъ больше дѣти и подростки; а въ женитьб

Терещки играютъ исключительно на *коляды* и при томъ взрослые парни и дѣвушки.

Женитьба Терешки—это игра - пляска, сама по себѣ не сложная. Она интересуетъ взрослыхъ молодыхъ *людей главнымъ образомъ потому, что здѣсь непринужденно* обнаруживаются ихъ вкусы и взаимныя влеченія. Порядокъ игры таковъ Сначала устраивается въ въ сладчину выпивка и закуска, между прочимъ—для большей развязанности. Потомъ выбираютъ *сватью*,—разбитную вдову, солдатку или дѣвушку, которая побойчѣе. Это та же *пани - матка* малорусскихъ вечерницъ. Она ставитъ играющихъ въ два ряда, по одной сторонѣ парней, по другой—дѣвушекъ, и начинаетъ сватовство. Беретъ одного изъ парней за руку и, вышедши съ нимъ на средину, запѣваетъ особый куплетъ, *подплясывая въ тактъ напѣва:*

Царешка валочитца,
Бо жанитца хочитца;
Енъ туды—сюды зирнець,
Гдзѣ милу сваю найдзець.
Валочитца, выглядае,
Хто къ яму любось мае.

Скрипачъ при этомъ наигрываетъ подходящій мотивъ, а стоящіе по сторонамъ плещутъ въ ладоши и въ отвѣтъ дѣвушки поютъ:

Царешка, Царешечка!
Къ моей хаци стежечка
Битая, топтаная;
Я *у* мамки каханая.

Пройдя раза три—четыре взадъ и впередъ, сватья выхватываетъ одну изъ дѣвушекъ и вручаетъ ее парню. Сватья пока отходитъ въ сторону, а эта пара начинаетъ плясать подъ пѣніе хора:

Царешка хадзі*у*, блука*у*,—
Енъ жаны шука*у*, шука*у*,
Кабъ была пригожая,
Хоць куды дыкъ гожая.
Узя*у* сабѣ дзѣвочку
Якъ тую пралесочку,
Тонкую, високую,
Лицомъ бѣлолицую.

Но тутъ дѣвушка, если ей сосватанный парень не нравится, ловкимъ движеніемъ увертывается отъ него и убѣгаетъ въ рядъ своихъ подругъ. *Мужъ* старается ее поймать, а дѣвушки закрываютъ. При этомъ поется:

Царешку бѣда стала:
Съ кимъ яго жана спала?
Подъ дубомъ зялененькимъ
Съ казакомъ молодзенькимъ.

Парень ни съ чѣмъ отходитъ на свое мѣсто. Если же молодые люди чувствуютъ другъ къ другу нѣкоторую склонность или не желаютъ обращать на себя вниманія, то они отходятъ въ сторону и становятся *рядомъ, отдѣльно отъ тѣхъ, которые еще не женились.*

Тогда сватья снова выступаетъ на сцену и такимъ же порядкомъ, какъ выше описано, соединяетъ новую пару. И такъ до тѣхъ поръ, пока всѣхъ не пережe-

нитъ. Все это пересыпается остротами, шутками, прибаутками какъ по адресу сватьи, когда она сдѣлаетъ неудачный выборъ, такъ и по адресу „молодыхъ", если есть къ тому поводъ, особенно, если парень *неловокъ и не сумѣетъ удержать дѣвушку. Зубоскалятъ* больше парни: дѣвушки заняты пѣніемъ.

Когда всѣ переженены, тогда съ двухъ противоположныхъ сторонъ выступаютъ двѣ пары и начинаютъ плясать, а остальные поютъ:

Мая-жъ ты жанулечка,
А я-жъ твой мужулечка!
Мы-жъ будземъ на свѣци жиць,
Мы-жъ будземъ дзяцей пладзиць;
Мы-жъ будземъ гарѣлку пиць,
Мы-жъ будземъ дзяцей жаниць
и пр....

Въ это время дѣвушки снова ускользаютъ отъ парней, а тѣ ихъ ловятъ, ищутъ. Когда такъ пропляшутъ всѣ пары, та же процедура повторяется снова, съ тою только разницею, что уже убѣгаютъ парни, а дѣвушки ихъ ищутъ, при чемъ и куплеты соотвѣтственно измѣняются, которые, надо сказать, довольно многочисленны и, смотря по мѣстностямъ варьируются на разные лады.

Эта игра въ женитьбу служитъ какъ бы прелюдіей къ предстоящему брачному сезону, и многія парочки впослѣдствіи дѣйствительно соединяются брачными узами. Но мы остановились на этой игрѣ потому, что въ ней, повидимому, отразились пережитки древнихъ

брачныхъ отношеній и обычаевъ, имѣвшихъ, вѣроятно связь съ празднованіемъ колядъ, съ культомъ того божества, въ честь котораго совершалось это празднество

***Ящуръ* или *ящеръ*.** Теперь въ эту игру играютъ только дѣти да подростки. Играютъ зимой въ хатѣ весной—на лужайкѣ. Въ послѣднемъ случаѣ дѣвочки сплетаютъ вѣнки изъ цвѣтовъ и одѣваютъ ихъ на головы, а зимой, на святкахъ или въ мясоѣдъ, вмѣсто вѣнковъ, довольствуются обыкновенными платками Сначала дѣвочки выбираютъ изъ мальчиковъ „ящура" Онъ покрывается большимъ платкомъ, завязывая концы его на шеѣ, такъ что выходитъ нѣчто въ родѣ мантіи.

Ящуръ усаживается на чемъ нибудь, а вокругъ него дѣвочки, взявшись за руки, образуютъ *коло танокъ*, хороводъ, и, кружась то въ одну сторону, то въ другую, напѣваютъ:

Сядзиць, сядзиць, ящуръ,—
Ладо, ладу.
Ладо, ладу!—
Въ арѣховомъ кусцѣ—*)
Ладо, ладу,
Ладо, ладу! **)
Арѣшечки луща;
Енъ женитца хочиць;
Ты жанися, ящуръ,

---

*) Варіантъ: Посяродъ гароду (огорода),
У заленомъ кусьцѣ и пр.

*) Въ такомъ же порядкѣ припѣвъ повторяется послѣ каждой строчки.

Бяри сабѣ панну,
Каторую хочешь;
Панну (такую-то) Марильку,
За бѣлую ручку,
За русую коску,
За золото - персьцень.

Тогда „ящуръ“ встаетъ и снимаетъ съ указанной дѣвочки вѣнокъ или платокъ и кладетъ возлѣ себя. А въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ, взявъ дѣвочку за руку, нѣсколько разъ кружитъ вокругъ себя и тогда снимаетъ вѣнокъ. Все это повторяется до тѣхъ поръ, пока ящуръ не поснимаетъ всѣхъ вѣнковъ.

Тогда начинается выкупъ вѣнковъ. Одна изъ дѣвочекъ выходитъ изъ круга и, кланяясь ящуру, поетъ:

Пане ящеру, паночикъ,
Атдай жа мой вяночикъ!
Зиму (?), лѣто хадзила,
Ручки-ножки сцирала,
По красочцы збирала,
У вяночикъ звивала;
Я атъ татки ховалася,
Я атъ мамки тулялася.
Пане ящуру, паночикъ,
Атдай жа мой вяночикъ!

Ящуръ требуетъ выкупа. „Поцалуй мяне, говоритъ, дыкъ атдамъ“. Или же, если ему дѣвушка не нравится, то заставляетъ ее плакать, плясать, больше просить и т. п., какъ это, напримѣръ, дѣлается при

игрѣ въ фанты. Дѣвочка, получивъ вѣнокъ, пляшетъ вокругъ ящура и поетъ:

Я свой вѣнчикъ выплакала,
Я свой вѣнчикъ выпросила,
Я свой вѣнчикъ выскакала,
Я свой вѣнчикъ выкупила.

А хоръ одпѣваетъ:

Ладо, ладу,
Ладо, ладу.

Когда всѣ вѣнки выкупятъ, то или прекращается игра, или начинаютъ ее снова, выбравъ новаго ящура.

Какъ мы сказали, теперь это дѣтская игра, но повидимому въ ней скрытъ какой-то пережитокъ древняго обычая или обряда, уже утратившаго для взрослыхъ свое значенiе и смыслъ. Можно догадываться, что это былъ обычай любовнаго характера; на это намекаетъ сущность игры: женитьба ящура, выкупъ вѣнковъ, поцѣлуи и т. п. Затѣмъ, что это отголосокъ далекаго прошлаго, указываетъ припѣвъ: Ладо, ладу, а также названiе самой игры, созвучное со словомъ щуръ. При этомъ считаемъ не лишнимъ замѣтить, что ящуръ по-бѣлорусски вовсе не значитъ ящерица, равно какъ этимъ именемъ не называютъ извѣстной лошадиной болѣзни; оно сохранилось только какъ названiе игры.

Колядовщики. На первый и второй день Рождества Христова, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ также на богатую коляду, ходятъ по домамъ колядовщики. Это толпа молодежи, которая, подходя подъ окна, если не препятствуетъ погода, или же войдя въ хату,

пѣснями славитъ хозяевъ и за это получаетъ *коляду* т. е., какъ мы уже объясняли, сало и колбасы. Колядовщики напоминаютъ пасхальныхъ *волочебниковъ*, и пѣсни ихъ носятъ отчасти тотъ же земледѣльческій характеръ, что и волочебныя, (о нихъ будетъ рѣчь— впереди) только эта сторона въ волочебныхъ пѣсняхъ болѣе ярко выражена. Но въ нѣкоторыхъ колядныхъ пѣсняхъ есть и особенности; это именно сравненіе хозяина съ мѣсяцемъ, жены его—съ солнышкомъ, а дѣтей съ звѣздами,—сравненіе, котораго намъ не приходилось встрѣчать въ волочебныхъ пѣсняхъ. А сами колядовщики тѣмъ отличаются отъ волочебниковъ, что нерѣдко *водятъ козу*, что волочебники не дѣлаютъ. Въ такомъ случаѣ, т. е. если ходятъ съ козой, то поютъ только одну пѣсню, приспособленную именно къ этому обычаю.

Коза снаряжается такъ. Берутъ козью голову, насаживаютъ ее на палку и пришиваютъ къ кожуху; а если нѣтъ настоящей головы, то дѣлаютъ ее изъ дерева, окрашиваютъ въ бѣлый цвѣтъ, выводятъ глаза, прилаживаютъ рога и т. п. Кожухъ, выворученный шерстью вверхъ, одѣваетъ какой нибудъ ловкій парень—и коза готова. Толпа колядовщиковъ, вводя козу въ хату, затягиваетъ обычную пѣсню:

Богъ - помочь таму,
Хто *у* гэтымъ даму!
Мы *у* госьци идземъ
И казу вядземъ.
Го-го! каза,
Го-го! шѣра!
Гдзѣ каза ходзиць,
Тамъ жито родзиць,
Гдзѣ каза нагой,
Тамъ жита капой,

Гдзе каза рогомъ,
Тамъ жита стогомъ.
А *наша каза*
Была у бару,
Грызла тамъ кару
Съ козенятками;
Споткала во*у*ка
Съ во*у*ченятками;
Якъ хвациць ва*у*чокъ
Казу за бачокъ,
А ваученятки—
За козенятки.
Ледзь-ня-ледзь коза
Атъ во*у*ка *у*цекла,
У сяло пришла.
А ты, козынька,
Топни ноженькой,
Не бойся ва*у*ка,—
Енъ ня зъѣсь цябе;
А бойся, каза,
Стараго дзѣда:
Енъ цябе згубиць,
Скуру облупиць.
Вже бяре ёнъ мечъ,
Кабъ *козыньку* сѣчъ.
Поцекла юшка (кровь)
Зъ праваго вушка;
Козынька пала—
Здохла, пропала.
—Гасподарочикъ,
Сличный паночикъ!
Гаспадыничка,
Якъ малиночка!
Ты вазьми ключи
Залаценькіе;
Запали свѣчку,
Пайдзи у клѣтку:
Приняси казѣ
Рѣшето авса;
Рѣшето авса,
На верхъ килбаса
И кусокъ сала,
Кабъ каза *у*стала.

(Игуменск. уѣз.).

Во время пѣнія, коза неуклюже поворачивается изъ стороны и въ сторону, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ пѣсни притопываетъ ногами, постукиваетъ рогами, кланяется, падаетъ и лежитъ, словно мертвая, а въ концѣ мгновенно оживаетъ, вскакиваетъ на ноги. Въ этомъ и вся штука. Что же касается пѣсенъ, подъ которые пляшетъ коза, то всѣ онѣ по складу совер-

шепно одинаковы, поются однимъ напѣвомъ, но по содержанію разнятся. Нѣкоторые изъ нихъ представляются какъ бы отрывками разныхъ пѣсенъ,—отрывками, сложенными вмѣстѣ только вслѣдствіе сходства размѣра, но безъ всякой логической связи между частями и безъ общаго смысла. Мы привели здѣсь наиболѣе типичную и цѣльную изъ нихъ и привели потому, что въ ней сквозятъ, хотя слабо, намеки на древнее жертвоприношеніе: именно упоминаніе о старомъ дѣдѣ, который собирается погубить козу. Этотъ дѣдъ нѣсколько намекаетъ на языческаго жреца; въ такомъ случаѣ въ козѣ можно бы видѣть жертвенное животное, и тогда весь обрядъ получилъ бы смыслъ. Но, въ виду бѣдности содержанія этого рода пѣсенъ, трудно сдѣлать какой-либо опредѣленный выводъ, тѣмъ болѣе, что есть варіанты, указывающіе на то, что дѣдъ хочетъ содрать кожу съ козы затѣмъ, чтобы сдѣлать дуду.

Масленица. Празднованіе масленицы сопровождается *тѣми же катаньями* съ горъ, *катаньями на тройкахъ* (это какъ бы прощаніе съ зимой, со снѣгомъ, съ санной дорогой), блинами, что и въ Великороссіи; но есть *и особенности или спеціально свойственныя Бѣло*руссіи, или сохранившіяся въ ней отчетливѣе.

На Авласа (Власія, 11-го февраля), празднованіе котораго часто совпадаетъ съ масленицей, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи справляется «конское свято»,—задаютъ лучшій кормъ лошадямъ, но ничего на нихъ не работаютъ, и объѣзжаютъ молодыхъ лошадей. Если у лошади или коровы въ этотъ день понурый видъ—это признакъ, что она не выживетъ года: или волкъ съѣстъ, или околѣетъ.

Въ смежныхъ уѣздахъ разныхъ губерній—въ Борисовскомъ, Сѣнновскомъ и Лепельскомъ—существуетъ масленичный обычай „возить бабу на почастунокъ" (угощеніе). Это выполняютъ внуки, которые или сами запрягаются въ саночки и съ торжествомъ везутъ свою бабу-повитуху къ себѣ на блины, или пріѣзжаютъ за ней на лошадяхъ, что въ послѣднее время чаще практикуется.

Въ той же мѣстности въ понедѣльникъ и во вторникъ первой недѣли великаго поста женщины „цѣпляютъ колодки" холостякамъ, требуя отъ нихъ угощенія за то, что тѣ не женились. Колодку надо прицѣпить незамѣтно, и если это выполнено, то угощеніе, состоящее изъ выпивки и закуски, должно быть непремѣнно поставлено. Цѣпляютъ колодки и женатымъ но это считается отступленіемъ отъ обычая. Кромѣ того, компаніи женщинъ „вяжутъ неженатыхъ", т. е. крутятъ имъ платкомъ руки, и въ такомъ видѣ приводятъ въ корчму, заставляя купить водки, меду или пива и закуски, и только тогда развязываютъ, когда ихъ требованіе выполнено.

На масленицѣ, по вечерамъ, дѣвушки собираются на улицѣ пѣть „масленичныя" пѣсни, содержаніе которыхъ распадается на два отдѣла. Содержаніе одной части: призывъ весны, ожиданіе наступленія ея и полевыхъ работъ; другой—жизнь замужней женщины съ ея радостями и горестями. Послѣднія нерѣдко поются подъ окнами „молодыхъ", которые въ этотъ

„мясоѣдъ“ повѣнчались. Приводимъ найболѣе типичную изъ этихъ пѣсенъ:

На вулицѣ дзѣўки гуляли *)
Про мяне молоду гукали:
Што ў мяне молодой мужъ лихій,—
На вулку гуляць не пустіў;
А хоць пустіў—позненько:
Усѣ дзѣвочки розненько.
А я выйду и гукну,
Усихъ дзѣвокъ созаву,
Звонкаго музыку я найму
И буду гуляць до свѣту
Ажъ до познаго абѣду!
А дамоў итци баюся,—
Дзевератоньку кланюся:
„А ты, дзевератка,—большій братъ,—
Завядзи мене до дому!
Пошію кашульку до долу,
Дамъ табѣ хусту шаўкову“.
А почуў тое лихій мужъ:
„А я табѣ, шельма, бокъ пабью,
До долу кашульку самъ знашу,
Шоўкову хусту самъ сотру.

„Молодые“ иногда приглашаютъ дѣвушекъ въ хату и угощаютъ ихъ. Тогда въ хатѣ они поютъ шуточныя или укоризненныя пѣсни по адресу придир-

*) Послѣднее слово каждой строчки повторяется 2 раза.

чивой свекрови или свекра, какъ-бы заступаясь за свою бывшую подругу. Напримѣръ:

На дворѣ бабы сядзѣли,
Кулакомъ зямлю пробили,
Про нявѣсточекъ судзили:
А моя нявѣстка шельма была:
Цѣлую клѣтку добра звела!
А тамъ добра много было:
Орѣхова чашка крупъ было,
Желудова чашка меду было,
Мяшокъ и рагожа платця было,
Въ стянѣ иголка большь долота

и т. д.

На „Сороки“ (40 мучен. Севастійскихъ, 9 марта) молодежь собирается по гумнамъ, гдѣ къ этому дню устраиваются качели; приносятъ съ собой печенье—„жаворонковъ“—и цѣлый день проводятъ въ качаньи на качеляхъ, распѣвая „весновскіе“ пѣсни, выкликая весну:

Благослови, Боже,
Зиму замыкаци,
Вясну выкликаци.
Дай же намъ, Боже,
Жита и пшаницы,
Зяленой травицы.
Дай же намъ, Боже,
На хлѣбъ-жита родъ,
А на статокъ (на стадо) плодъ,
На людзей здороўе.

Встарину, по разсказамъ, пѣніе весновскихъ пѣсенъ, *не прекращалось въ теченіе всего Великаго поста*, но въ послѣднее время, подъ вліяніемъ духовенства и болѣе сознательнаго отношенія къ христіанской вѣрѣ, въ Великій постъ пѣніе рѣдко слышится, а во вторую его половину почти совершенно прекращается. Но послѣ Пасхи, когда очистится отъ снѣга земля, молодежь обоего пола, по вечерамъ, собирается на пригоркахъ и тамъ пѣснями призываетъ весну. И такъ продолжается до Николина дня.

Не можемъ не привести одной изъ этихъ пѣсенъ, записанной нами въ Борисовскомъ уѣздѣ:

Дзякуй табѣ, Боже,
Што зиму скончали,
Што вясны дождали!
Помажи намъ Боже,
У добрый часъ начаци
Вясну выкликаци!
Придзи, придзи, весна,
Придзи, придзи, красна,
Къ намъ у таночикъ (хороводъ)!
Приняси намъ збожжа (зернов. хлѣба),
Приняси намъ красокъ (цвѣтовъ),
Кабъ намъ звиць вяночикъ!
Ѣдзиць весна, ѣдзиць,
На залатомъ *) кони
Въ зяленомъ саяни,
На сосѣ (сохѣ) сѣдзючи,

*) Въ бѣлорусскихъ сказкахъ очень часто упоминается о конѣ „золотая шерстинка—серебряная шерстинка“.

Сыру зямлю аручи,
Правой рукой сѣючи,
А смыкомъ скародзючи.
Вязець, вязець весна,
Вязець, вязець красна
Ясные дзянёчки,
Частые дождясочки,
Зяленые травы,
Красные цвяточки
Намъ на вяночки

Въ основаніи этихъ призывовъ лежатъ, прежд всего, пережитки миѳологичскихъ вѣрованій народа, н эти вѣрованія поддерживаются также факторами пси хологическаго и экономическаго порядка. Во-первыхъ всякому живому существу присуще стремленіе къ свѣт и теплу. А во-вторыхъ, надо имѣть въ виду, что к весна частенько крестьянъ постигаетъ безхлѣбица і кормы для скота бываютъ на исходѣ. Въ это врем иногда и зажиточные мужики „солому сѣкутъ—пироги пекутъ, сѣномъ подмазываютъ“, какъ поется въ бѣло русской „веснянкѣ“. Это, разумѣется, гипербола, н въ иные годы она довольно близко подходитъ к трезвой дѣйствительности. Въ такомъ случаѣ, какъ н ждать весны, когда она приноситъ съ собой „шнит ку-матку, дзягеля-батьку, щавель-братку, крапивк сестрицу“—травы, которыми питается весной отощав шій, полуголодный народъ. На его счастье красно солнышко работаетъ, борется съ чарами лютой зимы точитъ ледяную кору, покрывающую землю, пробуж даетъ ручьи и потоки отъ зимняго сна. Злое чудо

ище, зима, противится доброму солнышку, не под-
ается, *посылаетъ свои послѣдніе морозы и метели*, но
зо дня въ день ослабѣваетъ, словно бы изнемогая въ
орьбѣ. И народъ, съ участіемъ слѣдившій за этой сти-
ійной борьбой, живо заинтересованный въ ея скорѣй-
іемъ окончаніи, начинаетъ, по обычаю своихъ пред-
овъ, выходя на взгорки, „выкликать" весну. И вотъ
аконецъ она, какъ бы послушная призывамъ, одѣтая
ъ зеленый саянъ, ѣдетъ на золотомъ конѣ, въ сопро-
ожденіи ясныхъ теплыхъ дней, осыпая свой тор-
кественный путь цвѣтами... Счастливая пора — пора
юбви, пора цвѣтовъ!

Но для крестьянина этого мало. Онъ, конечно,
наетъ, что цвѣты красивы, но, какъ мы видѣли, бо-
ѣе помышляетъ о шниткѣ-маткѣ, дзягелѣ-батькѣ и
рочихъ травяныхъ кормильцахъ. Онъ еще далекъ
тъ осуществленія своего завѣтнаго идеала челов-
ескаго благосостоянія, который въ томъ заключается,
чтобы мужикъ могъ вдоволь поѣсть хлѣба съ бере-
овикомъ. Обыкновенно такъ бываетъ, что есть бере-
овый сокъ, да хлѣба нѣтъ; или же есть хлѣбъ, да
ерезовику нѣтъ. Поэтому для бѣлорусса весна не
олько „краса природы", но главнымъ образомъ —
ремя полевыхъ работъ, отъ которыхъ зависитъ все
го благосостояніе. Поэтому его фантазія снабжаетъ весну
трибутами земледѣлія: она сидитъ на сохѣ, хотя это
не совсѣмъ-то удобный экипажъ; она бороздитъ мать-
ыру-землю, сѣетъ хлѣбъ, и смыкомъ, первобытной бо-
оной, устраиваемой изъ суковатыхъ еловыхъ планокъ,
вязанныхъ вмѣстѣ, скородитъ посѣянное. Она посы-

лаетъ частые дождики, столь необходимые для пос-
вовъ. А въ золотомъ конѣ нетрудно видѣть одно из
уподобленій солнца, приносящаго весну.

Хотя въ настоящее время намъ не приходилось на-
блюдать особаго обряда встрѣчи весны, кромѣ простых
выкликаній, но, по разсказамъ, „за уніяцкихъ часовъ"
такіе обряды совершались. Намъ передавала старуха
крестьянка, отъ которой мы записали вышеприведен-
ную веснянку, что она въ молодости была участница
слѣдующаго обряда встрѣчи весны, обряда, въ то вре-
мя распространеннаго почти по всѣмъ деревнямъ Бори-
совскаго уѣзда. Весной, въ одинъ изъ праздничных
дней, подъ вечеръ, молодежь обоего пола собиралас
на полѣ, предназначенномъ подъ яровые посѣвы. Ра-
кладывали костры, приглашали „музыку" — больше
частію дударя (въ то время дудари были очень рас-
пространены въ Борисовскомъ уѣздѣ) и приступали к
выбору изъ дѣвушекъ „вясноўки". Въ выборѣ при-
нимали участіе и парни и дѣвушки. Требовалось, что-
бы избранница была красива и работяща. Ее укра-
шали вѣнкомъ изъ весеннихъ травъ и цвѣтовъ и са-
жали на „смыкъ", застланный сверху плавуномъ; в
въ борону впрягались молодые люди и возили „вясноў-
ку" по полю вокругъ огней, при чемъ дѣвушки пѣли
подъ аккомпаниментъ дуды, вышеприведенную пѣсн
Послѣ этого тутъ же возлѣ костра устраивались «та-
ки», хороводы. Молодежь, взявшись за руки, кружи-
лась вокругъ «весновки,» сидящей на боронѣ. По-
томъ начинались обыкновенные танцы, въ которых
принимала участіе и «весновка». Необходилось дѣл

безъ выпивки и закуски, при чемъ первую доставляли парни, а вторую дѣвушки.

Великодни. Къ особенностямъ празднованія Пасхи въ *Бѣлоруссіи надо отнести хожденіе по домамъ* „волочебниковъ“ для прославленія хозяевъ и собиранія „да́ровъ“. Хоръ волочебниковъ составляется не только изъ бѣдняковъ, но и людей зажиточныхъ, что лишаетъ волочебниковъ нищенскаго характера. Во главѣ хора стоитъ „починальникъ“ - запѣвало, и музыка; кромѣ того есть еще „мѣхоноша“, носитель и хранитель „да́ровъ“, а остальные называются „подхватниками“. По*дойдя подъ окно со всею громадой, починальникъ поетъ*, сопровождаемый скрипачемъ, волочебную пѣсню, а подхватники послѣ каждаго стиха выкрикиваютъ хоромъ припѣвъ: Христосъ воскросъ Сынъ Божій или: Зеленный садъ вишневый и др. Подаютъ имъ деньги, яйца, сыры, сбожже и кое-что изъ пасхальныхъ явствъ, въ изобиліи приготовляемыхъ къ этому торжественному дню. Изъ собраннаго устраивается общее для всѣхъ волочебниковъ угощеніе.

Въ содержаніи волочебныхъ пѣсенъ, слышанныхъ нами и записанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Бѣло*руссіи, нѣтъ ничего такого, что указывало бы на* христіанское значеніе праздника Пасхи, если не считать припѣва: “Христосъ воскресъ“, замѣняемаго впрочемъ и другими припѣвами, въ родѣ—“Зелена елка, зелена“, или: „Спѣвайте, молойцы, спѣвайте“.

„Великоднями“ начинается земледѣльческій годъ, и пѣсни великодныя почти сплошь посвящены воспѣванію земледѣльческаго труда; даже волочебниковъ въ

нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи (Новогрудск. и Слонимск. уѣзды) называютъ *ралешниками*, (отъ слова ралля, оралья—пахота), т. е. пѣвцами земледѣлія. Въ нихъ поется о томъ, какое участіе принимаютъ въ земледѣльческомъ трудѣ „святые святочки“: какъ Сороки въ поле соху волокли, а святая Благовѣщення заорывала; какъ св. Юрій, Божій ключникъ, землю отмыкаетъ, росу выпущаетъ; св. Борисъ „ляды палиць“, а св. Микола *по межахъ ходитъ—жито родитъ*, св. Ушесьця (Вознес. Госп.) поле подметаетъ, св. Девятникъ жито ровняетъ, а Десятуха „краску“ даетъ, а *Пятинка „краску“ снимаетъ; св. Петро* косы острить, сѣно коситъ, св. Павла „грабли робиць“, св. Илья, славная жнея, жито зажинаетъ въ снопы вяжетъ, а Прачистая съ поля возитъ т. д. Большая половина этихъ пѣсенъ представляетъ «земледѣльческій календарь» въ родѣ приведеннаго. Другая часть пѣсенъ восхваляетъ хозяина и его домочадцевъ, при чемъ выставляется на видъ ихъ трудолюбіе и вытекающее отсюда *благосостояніе: какъ на небѣ зори часты-густы*, такъ у него (хозяина) на полѣ копны часты-густы; у него въ гумнѣ навезисто и намолотисто *), въ клѣти насыписто, въ мельницѣ—намелисто, въ дежѣ-хлѣбницѣ—подыходисто и т. п. Обыкновенно этого рода прославленія оканчиваются пожеланіемъ быть „вяселымъ, якъ хороша весна, здоровымъ, якъ кринична вода и богатымъ, якъ сырая земля“.

Нигдѣ въ *бѣлорусскихъ пѣсняхъ не отводится*

*) Особая форма бѣлорусск. нарѣчія и имени прилаг. съ усѣчен. оконч.; значитъ: много навезено, насыпано и т. д.

столь почетное мѣсто земледѣльческому труду, какъ въ волочебныхъ, и это, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ что въ нихъ почти не затрогивается христіанское значеніе Пасхи, по нашему мнѣнію, указываетъ, что эти пѣсни нѣкогда относились къ празднеству нехристіанскаго происхожденія, къ празднеству, которымъ наши *предки ознаменовывали наступленіе „великихъ дней“*, господства солнца, начала полевыхъ работъ, послѣ преобладающей зимою ночи,—дней, вѣроятно, посвящавшихся солнцу и другимъ земледѣльческимъ божествамъ, особенности которыхъ перенесены на святыхъ христіанской церкви, по христіанскому воззрѣнію ничего общаго не имѣющихъ съ тѣми свойствами, которыя имъ приписываются народомъ.

Празднованіе Пасхи не ограничивается тремя днями, какъ это установлено церковію, а продолжается гораздо долѣе: среда пасхальной недѣли празднуется *„отъ граду“, и она такъ и называется „градовая середа“*, четвергъ —отъ грома, пятница—отъ засухи, суббота—отъ падежа скота,—какъ видитъ читатель все это празднества, имѣющія отношеніе къ земледѣлію. Нужно еще замѣтить, что названіе „великодни“ относится не къ одной Пасхѣ *), а ко всѣмъ празнествамъ, начиная съ Пасхи и до Миколы включительно. Юрій и Микола такъ и называются „святочками-великодничками“. При томъ на одного и другого перенесены *свойства земледѣльческихъ божествъ:*

Святый Юрій, Божій ключникъ,

*) Если бѣлоруссы хотятъ указать именно на Пасху, то употребляютъ выраженіе „великъ-дзень“.

Землю одмыкае—росу выпущае;
Росу вынущае,—статокъ выгоняе;
Статокъ выгоняе, сло*у*цо вымо*у*ляе:
Кабъ тому статку не было упадку,
Отъ того змѣя грамучаго,
Отъ того гада бягучаго,
Отъ той вѣдзьмы каро*у*ницы.
А св. Микола, старая особа,
По межахъ ходзить—житцо родзить,—
Ядронистое, колосистое—
Зерня къ зерню—колосокъ у землю;
Колосы гнутца, у землю бьютца и т. д.

(Село Погорѣлое, Игум. уѣзда).

Сообразно съ этими воззрѣніями, совершаются и обряды. На Юрья, до восхода солнца, каждый хозяинъ выгоняетъ освященной вербой свой скотъ въ поле на „Юрьеву росу“. Онъ беретъ съ собой освященное *яйцо, соль, кости отъ пасхальныхъ яствъ и угли съ* домашняго очага. Все это зарывается по четыремъ угламъ поля, чтобы предохранить его отъ града, засухи и „заломовъ“. Потомъ скотъ гонятъ домой, и хозяйки сдаютъ его общему пастуху съ подпасками, который обыкновенно нанимается къ этому времени и съ этого дня вступаетъ въ отправленіе своихъ обязанностей. При этомъ пастуху приносятъ хлѣбъ, сыръ, масло и яйца *). Пастухи, выгнавъ стадо на поле, разводятъ огонь,

*) Въ Бѣлоруссіи пастухи 4 раза въ лѣто ходятъ за сборомъ въ свою пользу, который, въ большинствѣ случаевъ, платится натурою. Его кормятъ и одѣваютъ хозяева по недѣлямъ или сколько придется по расчету.

жарятъ яичницу себѣ на закуску, и, прежде чѣмъ приступить къ ѣдѣ, обходятъ стадо съ хлѣбомъ и солью и съ горящими головнями въ рукахъ, при чемъ старшій пастухъ произносить заговоръ, который мы привели при описаніи обряда изгнанія „хлѣвника".

Потомъ приступаютъ сами къ угощенію и коровъ кормятъ хлѣбомъ съ солью.

Въ недавнія времена, если цѣлая деревня или кто нибудь изъ ея обитателей были постигнуты неурожаемъ, то, чтобы обезпечить хорошій урожай въ будущемъ году, справлялась микольщина: въ первомъ случаѣ всей деревней, а во второмъ—отдѣльнымъ хозяиномъ Микольщину также справляли въ благодарность за хорошій урожай предыдущаго года.

Микольщина—это „бесѣда", пирушка, устраиваемая въ Николинъ день (9 мая) или наканунѣ, „на Миколинаго батьку" (Іоанна Богослова). Если погода позволяла, то микольщина устраивалась въ полѣ, а въ противномъ случаѣ въ домѣ. Всей-ли деревней она устраивалась на общія средства или однимъ хозяиномъ, но на эту „бесѣду" приглашались всѣ односельчане, даже нищіе, прохожіе и проѣзжіе. На праздникѣ, угостившись водкой и медомъ, гости затягивали пѣсни въ честь св. Николая, которыя такъ и называются микольскими. Теперь микольщину справляютъ только пастухи да конюхи.

Намъ кажется вѣроятнымъ предположить, что это также остатокъ прежнихъ празднествъ въ честь земледѣльческаго божества.

Купала. Едва ли есть другое народное празднество,

болѣе богатое пережитками языческой старины, чѣм празднованіе купалы, въ ночь съ 23 на 24 іюн къ этому празднеству относится много любопытны воззрѣній, легендъ, преданій и обрядовъ.

Мы уже упоминали о цвѣтеніи папоротника ночь на купалу, о Купальскомъ Дѣдушкѣ, собирающе таинственныя цвѣтки, дающіе всевѣдѣніе, въ том числѣ и средство къ нахожденію кладовъ. Кромѣ тог на купалу „солнце играетъ", т. е. распадается на н сколько солнцъ, которыя то разбѣгаются въ сторон то соединяются въ одно солнце. Травы и цвѣты, собра ныя въ этотъ день, пріобрѣтаютъ особую силу- цѣлительную или чародѣйную.

Въ этотъ день дѣвушки и замужнія женщины ра сыпаются по полямъ и лугамъ для сбора травъ цвѣтовъ, которые на слѣдующій день приносятся церковь для освященія. Такія травы употребляют какъ лѣкарственное средство. Особенное значеніе пр дается „ купалкѣ". Къ сожалѣнію не можемъ привес ботаническаго названія этого растенія. Кажется, ч это ranunculus acris. Оно принадлежитъ къ отря сложноцвѣтныхъ и имѣетъ бѣлые пушистые цвѣтк напоминающіе „барашки" ивы, но имѣютъ чашелистик Эти цвѣтки, подобно одуванчикамъ, при солнечно свѣтѣ подымаютъ свои головки и раскрываютъ св пушистый вѣнчикъ. Ими пользуются для гадані втыкаютъ къ образамъ „купалку", и если она слѣдующій день окажется развернувшейся, это означае исполненіе желаннаго и на оборотъ. Растенія въ к пальскую ночь разговариваютъ между собою, ходя

другъ къ другу въ гости, даже пляшутъ, только для обыкновенныхъ очей это не видно.

Клады на купалу выходятъ изъ-подъ земли на поверхность, „купаются и сушатся"; они въ это время „здаются", представляются людямъ въ разныхъ образахъ, чаще всего въ видѣ огня или жара, который, при приближеніи къ нему, мгновенно изчезаетъ. Чтобы овладѣть кладомъ, надо знать какое заклятіе на него положено. Заклятія же кладутся страшныя, въ родѣ, напр., слѣдующихъ: кто мертвымъ заарець (будетъ пахать), той гэтыя грошы споживець; или: хто тутъ сына забьець, той гэтыя грошы споживець и т. п. По поводу перваго заклятія разсказываютъ, что его наложилъ было одинъ старикъ, пряча передъ своею смертью деньги, чтобы они не достались его дѣтямъ, которыхъ онъ не любилъ. А невѣстка и подслушала его заклятіе. Какъ только умеръ старикъ она позвала своего мужа и разсказала ему о заклятіи. Дѣлать нечего: не пропадать же деньгамъ? Тотчасъ надѣли отцу хомутъ, запрягли его въ соху и стали бороздить сѣни, гдѣ былъ зарытъ кладъ: деньги сами и вынырнули изъ земли. Другой же, зарывая деньги въ гумнѣ, заклиналъ ихъ такъ: хто голову положиць, той мое грошы возьмиць. Ему казалось, что сокровище окажется навсегда недоступнымъ для людей. Анъ нѣтъ. За нимъ подсматривалъ зять и воспользовался его оплошностью — тѣмъ, что онъ не упомянулъ — какую голову надо положить. Принесъ зять пѣтуха, отрубилъ ему голову на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ зарытъ кладъ, и тотчасъ же безпрепятственно добылъ деньги.

Въ Лепельскомъ уѣздѣ указываютъ гору, на которо по преданію, стоялъ замокъ, въ подвалахъ котора. скрыты несмѣтныя сокровища. Но владѣлецъ зам наложилъ на нихъ мудреное заклятіе: никакъ и овладѣть нельзя. Въ давнія времена, на купалу, э деньги „пересушивались": земля разступалась, был видны желѣзныя рѣшетки, а за ними блестѣло золот пересыпаясь въ „анкаркахъ". Какъ ни ломали р шетки — не поддаются. Пробовали на длинныя жер наматывать тряпки; макали ихъ въ горячую смолу погружали въ боченки съ золотомъ: пристанутъ че вонцы къ смолѣ, а какъ станешь вытягивать пал вонъ, они всѣ и попадаютъ. Народъ просто съ у сходилъ, такъ что ксендзы, для прекращанія соблазн наложили новое заклятіе, и кладъ являться перестал

Въ эту ночь снятся вѣщіе сны. Вотъ оди образчикъ. Снилось мужику, что онъ на такомъ- мосту найдетъ деньги. Онъ и пошелъ туда иска ихъ. Искалъ, искалъ — не нашелъ. Зашелъ къ мельник что возлѣ моста жилъ, и разсказываетъ, какой о странный сонъ видѣлъ, повѣрилъ этому сну и обманулс Мельникъ ему и говоритъ: „Не всякому сну вѣр Вотъ и мнѣ нѣсколько разъ снилось, что у такого- (называетъ имя нашего искателя), живущаго тамъ-т подъ печью деньги зарыты. Тогда догадался на искатель, что значилъ его сонъ. Пришелъ домо сталъ рыть подъ печкой и нашелъ деньги.

Въ этотъ же день, по повѣрію, „вѣдьмы-коро ницы отбираютъ молоко у коровъ", „портятъ статокъ У „порченой" коровы или удой уменьшается, и

молоко дѣлается жидкимъ, лишеннымъ сливокъ; это значитъ, что молоко и сливки „отобраны“ вѣдьмой и перенесены на ея коровъ; у нихъ, вслѣдствіе этого, молоко становится такъ густо, что во время доенія „сбивается“ въ комочки масла.

Для этого вѣдьма въ купальскую ночь ходитъ по огородамъ, собираетъ цѣдилкой росу въ подойникъ, даетъ ее пить своимъ коровамъ и обмываетъ имъ росою вымя. Отъ этого пропадаетъ молоко у коровъ тѣхъ хозяевъ, у которыхъ такимъ образомъ собрана роса. Еще собираютъ *камни по чужимъ дворамъ и* употребляютъ ихъ *для* „паренья“ молочныхъ горшковъ. Поэтому заботливыя хозяйки всю купальную ночь стерегутъ свои огороды, чтобы „коровница“ не собрала на нихъ росы.

Какая связь *между* собираніемъ росы и убылью молока? Намъ объясняли, что роса это „сокъ земли“, дающій растеніямъ питательность; что роса можетъ быть живительная и вредоносная. Первымъ свойствомъ она особенно отличается на Юрья, потому-то и выгоняютъ *скотъ на Юрьеву росу. На купалу же* она „молочная“: повѣріе говоритъ, что въ былыя времена случалось, что если намочить цѣдилку въ купальской росѣ, то съ нея лилось настоящее молоко. Объясненіе, очевидно, недостаточное, но другого народъ не знаетъ; первоначальный смыслъ этого воззрѣнія, кроющійся въ особенностяхъ первобытнаго мышленія, въ настоящее время утерянъ.

Вѣдьмы могутъ портить росу и тѣмъ вредить скоту. Для того, чтобы узнать вредная ли роса или

нѣтъ, знахарки вывѣшиваютъ на ночь тряпочку утромъ пробуютъ—какова роса на вкусъ: если сладкс вата, значитъ порченая, и тогда *нельзя выгонять* скот на пастбище, пока не обсохнетъ роса, иначе скот можетъ заболѣть или въ молокѣ будетъ показыватьс кровь.

На Купалу, чтобы предохранить коровъ от *порчи, прогоняютъ ихъ чрезъ огонь, разложенный* воротъ. Если же и это не поможетъ, и молок будетъ отобрано, тогда варятъ цѣдилку въ „купалı скомъ зельѣ“ и отваръ даютъ пить коровамъ. Таким вывариваніемъ цѣдилки достигается и другая цѣлı *вѣдьма, отобравшая молоко, должна отъ этого исчах*нуть, если только ей ничего не одолжить въ теченi трехъ дней.

Купала вмѣстѣ съ тѣмъ и праздникъ огня. В купальскую ночь молодежь обоего пола собирается н *полянку „въ житнюю смѣну“; тамъ раскладываютъ* огонь; приносятъ съ собой водку, купленную въ склад чину; дѣвушки жарятъ яичницу изъ принесенных яицъ. Когда все готово, садятся вокругъ огня и за кусываютъ. Потомъ зажигаютъ старое колесо, облито *дегтемъ и насаженное на жердь. Эту жердь вбиваютъ* въ землю такъ, чтобы колесо высоко горѣло. Когд одно колесо сгоритъ, зажигаютъ другое и такъ далѣе если только они припасены—и пляшутъ вокругъ ко леса, взявшись за руки, подъ пѣніе купальскихъ пѣ *сенъ или „купалокъ“. Прежде всего поется пѣсн*, очевидно сложенная въ честь солнца:

Купальская ночка короткая,—соунійка, соунійка!

Соўнiйка рано ўсходзила—соўнiйка, соўнiйка! *)
Рана ўсхадзила поле освяцила;
Дзѣвокъ, хлопцоў будзила,
Работку давала—ў поле посылало,
Кабъ хлопчики огни палили,
Поле свяцили, жита пильновали,
Кабъ вѣдзьмы заломоў не ломали,
У кароў малака не 'тбирали.
Отбери, Божа, таму ручки-ножки,
Выдзяри, сова, со лба вочки,
Кабъ яны свѣту не бачили,
Яснаго сонца ня видзѣли!
А дзѣвочки кабъ жита зажинали,
Краски-цвяточки сбирали,
Вяночки звивали,
На галовоньку клали,
У таночку скакали,
Хлопцоў приваблями.

Послѣ этого парни и дѣвушки, по парно и въ одиночку, прыгаютъ черезъ огонь, чтобы очистить себя и предохранить отъ „немочей, порчи и заговóровъ“.

На этомъ, повидимому, кончается одна часть праздничнаго обряда, посвященная очевидно лѣтнему солнцу и его земному замѣстителю—огню (надо сказать, что все это совершается по традицiи, безъ сознательнаго пониманiя значенiя обряда), и начинается другая часть, напоминающая одно изъ тѣхъ празднествъ любви, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ, когда описываетъ

*) Слова: соўнiйка, соўнiйка,—повторяются послѣ каждой строчки.

обычаи Сѣверянъ, Радимичей, Вятичей и Кривиче „браци (браковъ) не бываху въ нихъ, но игрыш межю селы. Схожахуся на игрыща, на плясанiе, и вся бѣсовськая игрица, и ту умыкаху жены собѣ, нею же кто совѣщашеся“.

Мы уже говорили, какъ связывается въ понят народа въ одно цѣлое представленiе о солнцѣ, ка началѣ плодородiя, съ одной стороны—и любви другой. Несомнѣнно, что эта связь устанавливается п средствомъ аналогiи между плодородiемъ земли и д тородiемъ. Подобно тому какъ плодородiе земли представленiи народа является послѣдствiемъ живител наго дѣйствiя солнца, какъ бы оплодотворяющаго зе лю, такъ и чувство любви и дѣторожденiе, при п мощи уподобленiя, подводится подъ дѣйствiе, ка часть къ общему, того же начала, дающаго жиз всему,—солнца. Кромѣ того, весной, лѣтомъ, т. е. время господства солнца, происходитъ, какъ извѣсті спариванiе животныхъ, что первобытная мысль мог приписывать влiянiю солнца.

Какъ бы тамъ нибыло, но дальнѣйшiе обря празднованiя купалы сохранили ясные слѣды любовн го культа. Такъ въ Борисовскомъ уѣздѣ, послѣ оп саннаго нами, дѣвушки съ вѣнками на головахъ и цвѣтовъ и ржаныхъ колосьевъ, становятся въ пер межку съ парнями, составляя, такимъ образомъ, нов хороводъ. Тѣ изъ дѣвушекъ, которыя сосватаны, зап саются „рушниками“ или кусками тонкаго холста, св его издѣлiя. Всѣ кружатся, и дѣвушки поютъ пѣсн въ которой выхваляютъ достоинства однихъ парней

осмѣиваются недостатки другихъ: у такого-то голова, какъ ведро,—воду носить, волосы, какъ помело,—печь выметать; *языкъ, какъ лопата,—хлѣбъ сажать; носъ* какъ „копачъ"—навозъ разбрасывать; руки, какъ грабли—сѣно согребать; ноги, какъ „кочережки",—жаръ загребать. А у такого-то кудрявая голова,—дѣвушекъ приманивать, ясные очи, дѣвушекъ высматривать, румяные губы—дѣвушекъ цѣловать и т. д.

Потомъ выходитъ на средину хоровода одна изъ дѣвушекъ сосватанныхъ (иногда, впрочемъ, выходятъ вмѣстѣ всѣ сосватанные или обрученные) и закрываетъ себѣ лицо, „чубромъ", покрываломъ изъ холста. Тогда поютъ:

Ишла купалка сяломъ, сяломъ,
Закрыўши вочки чубромъ, чубромъ,
Довала хлопцамъ чаломъ, чаломъ, (въ это время дѣвушка кланяется на всѣ стороны).
Стали людзи дзивитися
Стала купалка сваритися:
Ахъ вы, людзи, вы дзіўные!
Чи вы на вулку не ходзили,
Чи вы купалки ня видзѣли,
Чи вы цвяточкоў не сбирали,
Чи вы вяночкоў не звивали
Чи вы ў таночикъ не ходзили,
Чи вы дзѣвокъ не зводзили?

Потомъ купальщица начинаетъ выбирать себѣ парня „до пары". Въ прежнія времена брали того, кто попадется; теперь же умудряются выбрать или жениха или того, кто нравится, потому что парни обыкновенно подаютъ голосъ, перебрасываясь шутками, часто очень нескромными. Намъ приходилось слышать отъ *„ревнителей старины и отеческихъ преданій" порицаніе* такому новшеству: „бяри того, хто попадзетца на тое стародаўній звычай!"

Избранники снимаютъ съ купальщицъ покрывала и повязываютъ себѣ на руку или черезъ плечо, какъ это дѣлается на свадьбѣ. Это имъ даръ, „на рукавы", какъ говорится въ Бѣлоруссіи. Въ это же время поютъ:

На мори вуточка купалася,
На бережку сушилася;
Млада Ганнулька зажурилася,
Што яе дары не прадзены,
Хоць прадзены, не снованы,
Хоць снованы, дыкъ не тканы,
А хоть тканы,—не бялены,
Хоць бялены,—не качаны,
Хоць качаны,—не рѣзаны,
Хоць рѣзаны,—не дзѣляны.
А хтожь тые дары дариць будзе?
Будзе дариць млада Ганнулька:
Таму-сяму по локцику,
Свайму суженьку ня мѣручи.

Потомъ поются другія купальскія пѣсни, которыя, по своему содержанію очень напоминаютъ „маслянич*ныя" пѣсни. Тутъ нарѣканія на свекра, на мужа,* которые не пускаютъ молодую „на купалійка, дзѣвоцкое гулянійка"; тутъ преподаются совѣты за кого выходить замужъ—за стараго или молодого; какую

выбиратъ себѣ невѣсту—богатую или бѣдную и т. п. А также поется баллада, распространенная въ Бѣлоруссіи во множествѣ варіантовъ, о томъ, какъ братъ женился на сестрѣ и какъ они обратились въ „братки“—цвѣтокъ Иван-да-Марья. Пѣніе продолжается до тѣхъ поръ, пока колесо сгоритъ и костры потухнутъ. *Тогда парни бросаются хватать дѣвушекъ*. Подымается свалка: женихъ отбиваетъ свою невѣсту, если она выбрала другого; поклонники одной и той же дѣвушки начинаютъ оспаривать ее другъ у друга; дѣвушки вырываются изъ рукъ тѣхъ парней, которые имъ не нравятся; другіе же счастливые пары стараются, подъ шумокъ, убраться подальше въ рожь, если они не успѣли этого сдѣлать прежде; наконецъ, такъ или иначе, вопросъ улаживается, и всѣ „пары“ расходятся по ржи, въ двоемъ коротать ночку, встрѣчать восходъ солнца.

Въ Лепельскомъ уѣздѣ этотъ обрядъ даренія „рукавовъ“ совершался съ тою особенностію, что невѣста дарила *всѣхъ* парней.

Въ другихъ мѣстностяхъ мы этого обычая совершенно не встрѣчали. Просто жгутъ костры, иногда изъ разныхъ отбросовъ и негодныхъ вещей, поютъ пѣсни, прыгаютъ чрезъ огонь, и, пользуясь темнотою, мало по малу, расходятся влюбленныя пары.

Изъ того, что мы описали, можно подумать, что *купалка праздникъ «свободной любви». Можетъ быть* оно когда-нибудь такъ и было. Но въ послѣднее время это не болѣе, какъ обрядъ, и отношенія молодыхъ людей слишкомъ далеко не заходятъ. Могутъ, конечно,

быть исключенія, но они случаются и помимо купальскихъ обрядовъ и случаются всего чаще тамъ, гдѣ бытовой укладъ жизни бѣлорусса пошатнулся: въ мѣстечкахъ, городахъ, вблизи желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ и заводовъ. Гдѣ же крѣпокъ коренной строй жизни бѣлорусса, тамъ этого почти не бываетъ. Въ такихъ мѣстахъ женихи года по два спятъ на одинхъ сѣновалахъ съ невѣстами и однако это почти не отражается на нравственности молодыхъ людей. Главная причина такой сдержанности—сила общественнаго мнѣнія деревни. Въ Бѣлоруссіи широко распространенъ свадебный обычай „сводить“ жениха и невѣсту и потомъ предъявлять гостямъ рубаху. Если не окажется доказательствъ „*чесности*“, *то это покрываетъ позоромъ семью невѣсты* и для нея самой влечетъ многія непріятныя послѣдствія. Обычай, конечно, въ высшей степени грубый, дикій, варварскій, но его вліяніе велико.

Однако надо отмѣтить, что въ доелѣднее время многіе женихи, изъ числа побывавшихъ въ школѣ, нерѣдко протестуютъ противъ этого постыднаго обряда; но невѣсты все еще консервативны,—конечно, только тѣ изъ нихъ, которыя могутъ публично щегольнуть тѣмъ, что онѣ „блюли“ себя. Иногда даже плачутъ, если имъ отказываютъ въ этомъ варварскокомъ тщеславіи, особенно въ томъ случаѣ, если было на счетъ ихъ „честности“ какое-либо сомнѣніе. Въ этомъ онѣ *всегда встрѣчаютъ настойчивую поддержку въ старомъ* поколѣніи, которое, съ одной стороны, довольно ревниво относится къ сохраненію старины, а съ другой—не желаетъ лишиться „солодкой горѣлки“.

Намъ кажется, что въ описанныхъ нами обрядахъ съ достаточной ясностью отразился древній обычай умыканія невѣстъ, а въ обрядѣ даренія парней и слѣпого выбора «пары»,—намекъ на первобытное общинное право мужчинъ на всѣхъ женщинъ, принадлежащихъ къ данной общинѣ. Это нѣчто вродѣ выкупа, освобожденія себя отъ принадлежности всѣмъ мужчинамъ общины, для того, чтобы впослѣдствіи принадлежать исключительно одному, какъ о томъ поется въ купальской пѣснѣ:

Дружочкамъ на одну ночку,
А *суженьку на увесь вѣкъ.*

Не случайно, конечно, принаровлена къ празднованію Купалы и баллада „о браткахъ“, столь распространенная въ Бѣлоруссіи, какъ ни одна пѣсня. Вѣроятно она служитъ отголоскомъ того далекаго прошлаго, когда было въ обычаѣ супружеское сожительство въ ближайшихъ степеняхъ родства. На это также намекаютъ нѣкоторые обряды бѣлорусскаго свадебнаго ритуала, какъ напримѣръ, обрядъ выкупа женихомъ у брата невѣсты ея косы, съ которой обыкновенно соединяется понятіе о дѣвичествѣ.

Богачъ *). Въ Игуменскомъ уѣздѣ „Богачомъ“

*) Такъ какъ описаніе празднованія „богача“, сколько намъ извѣстно, впервые появляется въ печати, то, въ видахъ дальнѣйшаго дополненія нашего описанія, считаемъ нужнымъ указать, что мы наблюдали эти празднества въ Игуменскомъ уѣздѣ, гдѣ оно бытуетъ во многихъ деревняхъ, преимущественно Погорѣльской вол. Также „богачъ“ празднуется въ Волковыскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи.

называютъ Рождество Богородицы (8-го сентября); послѣднее названіе почти не извѣстно народу *).

Въ жизни земледѣльца это самое счастливое время—время сравнительнаго довольства, когда и убѣдняка есть хлѣбъ на столѣ, а у богатыхъ, „какъ князья скирды широко сидятъ, поднявъ головы“. Отсюда понятно, почему народъ называетъ „богачомъ“ праздникъ, совпадающій со временемъ окончательной уборки хлѣба и хозяйственнаго обилія. Но есть факты, заставляющіе думать, что „богачъ“—одно изъ земледѣльческихъ божествъ до-христіанскаго періода, одно изъ видоизмѣненій несторовскаго Даждь бога солнца, бога изобилія, богатства, на что указываетъ и самое имя его. Представленіе объ этомъ богѣ стерлось въ памяти народа, но указанія на то, что онъ, этотъ богъ, нѣкогда занималъ мѣсто въ вѣрованіяхъ бѣлорусса, сохранилось въ обрядахъ. Хотя „богачемъ“ называютъ собственно Рождество Богородицы, но празднованіе „богача“ справляютъ не только въ этотъ день, а и въ другіе праздники, близкіе къ осеннему равноденствію. Если, напримѣръ, въ деревнѣ есть церковь или часовенька въ память святаго, празднуемаго въ это время, то и празднованіе „богача“ приноровливается къ этому дню.

Главную роль въ обрядѣ этого празднества играетъ „богачъ“ или „богатце“. Это „лубка“ ржи со вставленной въ нее восковой свѣчой. „Богачъ“ стоитъ въ

*) Въ другихъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи этотъ праздникъ зовется Малая Прачистая, въ отличіе отъ Успенія—Большой Прачистой.

теченіе цѣлаго года въ домѣ очереднаго хозяина, въ почетномъ углу, подъ иконами. Въ этотъ день свѣча зажигается. Приглашается священникъ для служенія молебствія, которое и служится прежде всего въ томъ домѣ, гдѣ стоитъ „богачъ". Потомъ хозяинъ, вслѣдъ за священникомъ несетъ „богача" въ слѣдующій дворъ, гдѣ ихъ встрѣчаютъ хозяева. Для встрѣчи ставятъ на дворѣ столъ, покрытый бѣлой скатертью и установленный „лубками" ржи, пшеницы, ячменя или другаго хлѣба. „Богачъ" ставится на столъ къ хлѣбамъ, и служится краткое молебствіе. Священникъ и всѣ его сопровождающіе приглашаются въ хату для угощенія, при чемъ „богачъ" ставится на покути. И такъ обходятъ по очереди всѣ дома. Зерновый хлѣбъ, которымъ встрѣчали „богача" идетъ въ пользу причта.

На другой конецъ села сгоняютъ весь скотъ, и когда обойдутъ всѣ дворы, то обносятъ „богача" во кругъ скота. Послѣ этого относятъ его въ домъ къ очередному хозяину, гдѣ онъ и остается цѣлый годъ. Онъ, по повѣрію приноситъ, въ домъ богатство и счастье.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ рожь и воскъ для „богача" собирается со всей деревни и подмѣняется только тогда, когда „богачъ", по очереди, обойдетъ всю деревню или же когда свѣча сгоритъ. А въ другихъ мѣстностяхъ рожь и свѣча подмѣняются ежегодно очереднымъ хозяиномъ, при чемъ рожь для этого вымолачиваютъ изъ перваго, „зажиночнаго" снопа *).

*) Первый снопъ (зажиночный), подобно дожиночному вѣнку, повсемѣстно въ Бѣлоруссіи пользуется особымъ значеніемъ; его каждый хозяинъ, принеся домой, ставитъ въ почетномъ углу. Это соблюдается и тамъ, гдѣ „богача" совсѣмъ не празднуютъ.

Въ послѣднемъ случаѣ подмѣненная „богачовая" рож смѣшивается съ обыкновенной и употребляется на сѣ мена. Приготовленіе свѣчи сопровождается общей ве черей всѣхъ участниковъ и особыми пѣснями, напоми нающими „дожинковыя".

Не есть ли это соединеніе зерноваго хлѣба, симво ла благосостоянія, со свѣчею, символомъ свѣтоноснаг начала, не есть ли это прообразомъ солнца Даждь бога, источника свѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ покровител: земледѣлія, слѣдовательно бога обилія и благосостоянія Вѣдь трудно придумать болѣе подходящую символи зацію солнца, согласно первобытному представленію (немъ, какъ о богѣ земледѣлія. Кромѣ того, то обсто ятельство, что празднованіе „богача" болѣе или мѣ нѣе совпадаетъ со временемъ осенняго равноденствія также отчасти указываетъ на принадлежность этогс празднества къ солнечному культу, и если это вѣрнс то такимъ образомъ заполняется пробѣлъ въ циклѣ празднествъ въ честь солнца. Одно изъ этихъ празд нествъ несомнѣнно должно было справляться осенью Если коляды посвящались зимнему солнцу, масленица и великодни—весеннему, купала—лѣтнему, то былс бы не понятно отсутствіе празднества въ честь осенняго солнца, тѣмъ болѣе непонятно и необъяснимо что въ это именно время первобытный человѣкъ видѣлъ плоды его благодѣтельнаго вліянія.

Надо еще замѣтить, что по-бѣлорусски слово „богачъ" не употребляется въ томъ смыслѣ, какъ въ русскомъ языкѣ—въ смыслѣ богатый человѣкъ. Въ этомъ смыслѣ бѣлоруссы употребляютъ „богатырь" или при-

лагательное —богатый. А „богачъ“ употребляется только въ вышеуказанномъ смыслѣ, т. е. какъ народное названіе Рождества Богородицы и лукошка съ зерновымъ хлѣбомъ и свѣчой; послѣднее, впрочемъ, не всюду называется „богачемъ“.

V.

Олицетвореніе зла.

Вообще человѣкъ субъективенъ, а первобытный человѣкъ въ особенности. Поэтому всѣ явленія внѣшняго міра онъ разсматриваетъ по отношенію ихъ къ самому себѣ и дѣлитъ ихъ на полезныя и вредныя для него, человѣка. На дальнѣйшей ступени своего интеллектуальнаго развитія, когда человѣкъ уже успѣетъ выработать начала нравственности, различеніе добра и зла, онъ склоненъ относить полезное для себя къ болѣе общей категоріи добра, а вредное къ категоріи зла.

Древнимъ славянамъ, какъ народу арійскаго корня, было не чуждо подобное подраздѣленіе; такъ мы встрѣчаемъ у нихъ бѣлъ-боговъ и черно-боговъ, и послѣдніе, вѣроятно, имѣли болѣе или менѣе демоническій характеръ, противились благимъ начинаніямъ бѣлъ-боговъ. Но славяне не стояли на такой высокой степени развитія, чтобы въ ихъ вѣрованіяхъ это раздѣленіе достигло той опредѣленности и того значенія, какъ въ религіи Зороастра. Съ принятіемъ же христіанства боги того и другого порядка еще болѣе смѣ-

шались, ибо съ точки зрѣнія христіанства тѣ и другіе—бѣсы. Однако бѣлоруссы еще и до сихъ поръ дѣлаютъ различіе между домовыми и олицетвореніями стихійныхъ силъ съ одной стороны и между чертями съ другой; по крайней мѣрѣ такое различіе сказывается въ воззрѣніяхъ бѣлорусса на тотъ и другой родъ нечистой силы.

Чортъ—это, такъ сказать, принципіальный противникъ всего благаго, это чистое олицетвореніе зла. И водяной, и лѣшій, и другіе стихійные боги могутъ дѣлать зло, но могутъ и не дѣлать его; а чортъ не можетъ: такова ужъ его натура. Если онъ и дѣлаетъ иногда будто бы добро, такъ это только въ видахъ достиженія большаго зла. Онъ неотступно слѣдитъ за человѣкомъ, норовитъ воспользоваться всякой воможностью, чтобы причинить ему вредъ, ввести его въ грѣхъ, погубить его душу. Онъ внушаетъ человѣку дурныя мысли и поступки. Онъ особенно силенъ и навязчивъ, когда воля человѣка слаба, сознаніе смутно, такъ напримѣръ, когда человѣкъ пьянъ. Тогда чортъ, смѣло выступаетъ на борьбу съ нимъ и не скрывается а принимаетъ свой настоящій видъ. Каковъ же этотъ *настоящій видъ?* Нѣчто вродѣ изображенія сатировъ; на головѣ рога, козлиная бородка, двухкопытныя или однокопытныя ноги, коровій хвостъ, на рукахъ длинныя когти, тѣло покрыто шерстью. Кто изъ чертей поважнѣе, тотъ, вдобавокъ, еще хромъ и горбатъ. Чортъ также часто принимаетъ образъ козла. Въ этомъ видѣ онъ любитъ подшучивать надъ простодушными людьми. Когда разразится гроза или дождь, чортъ

прикинется козликомъ и начинаетъ жалобно блеять. Сердобольный человѣкъ, возметъ его въ полу и несетъ домой, чтобы отогрѣть. А чорту только этого и надо: съ крещеной душой ему безопаснѣй отъ грома, да и пріятно заставить человѣка поднести себя. Чѣмъ дальше идетъ человѣкъ, тѣмъ козликъ становится тяжеле. Человѣкъ, изнемогая подъ тяжестью, еле дышетъ, а козлика жаль бросить—такъ онъ жалобно блеетъ. Но вотъ уже и домъ. Тутъ козликъ, выпрыгнувъ изъ полы, расхохочется дикимъ голосомъ, сдѣлаетъ неприличіе—и только его видѣли.

Чортъ любитъ сбивать путниковъ съ дороги, сбрасывать колеса съ осей во время ѣзды, заводить пьяныхъ въ болота или въ проруби.

Черти бываютъ бóльшаго и меньшаго калибра, но величественнаго образа сатаны, какъ онъ рисуется воображенію поэтовъ, народъ не знаетъ: бѣлорусскій чортъ вообще мелкотравчатый. Мы уже говорили, что болѣе могущественными чертями считаются тѣ изъ нихъ, которые хромы и горбаты. По поводу пріобрѣтенія ими этихъ уродствъ существуетъ преданіе, что черти когда-то воевали съ ангелами, были побѣждены ими и сброшены съ неба на землю. Летѣли они, какъ черная туча, какъ снѣгъ, летѣли долгое время. Мелкіе черти во время паденія отдѣлались сравнительно дешево—получили легкіе ушибы и только; а крупные, какъ болѣе тяжелые, поломали ноги, понабивали горбы. Такъ и остались они навсегда хромыми и горбатыми. Кромѣ того, во время небесныхъ войнъ многіе изъ нихъ получили тяжелыя раны и увѣчья. А глав-

ный чортъ, который всѣми ими предводительствовалъ, былъ закованъ ангеломъ въ цѣпи и посаженъ въ каменную гору *). Когда этотъ чортъ поворичивается въ горѣ или въ ярости начинаетъ рвать цѣпи и метаться, то земля дрожитъ, горы трескаются. Цѣпь его чрезвычайно толста, но каждый годъ грѣхи людей переѣдаютъ ее, какъ ржа желѣзо. Случается, что къ Пасхѣ она становится тонка, какъ волосъ, но все таки держитъ чорта. Лишь только запоютъ «Христосъ воскресе» на пасхальной заутрени, она снова становится такою же толстой, какъ была прежде. Но когда грѣхи людей до того умножатся, что переѣдятъ цѣпь совершенно, тогда будетъ кончина міра: дьяволъ освободится и все разрушитъ; если же люди постараются поменьше грѣшить, то міру и конца не будетъ.

Бѣлоруссы воображаютъ, что на днѣ неприступной трясины возсѣдаетъ старшій чортъ и оттуда разсылаетъ подвластныхъ ему чертей для искушенія люда, выслушиваетъ отчеты о ихъ дѣятельности, подаетъ имъ совѣты, какъ достичь болѣе успѣшныхъ результатовъ, и наказываетъ лѣнивыхъ. Между ними существуетъ довольно длинная іерархія, но честности въ ихъ средѣ нѣтъ и въ поминѣ; напротивъ, подчиненные всячески норовятъ обмануть начальниковъ, увильнуть отъ заданной работы, особенно если она тяжела и непріятна, и избѣжать наказанія. Такія черты ихъ характера сплошь и рядомъ встрѣчаются въ тѣхъ бѣлорусскихъ сказкахъ, гдѣ фигурируютъ черти. Пред-

*) Этого чорта нерѣдко называютъ *цмокомъ*. Цмокъ собственно значитъ драконъ.

полагаются у нихъ и половыя и возрастныя различія: есть черти, чертовки и чертенята. Однако чортъ не прочь вступить въ половую связь и съ обыкновенной смертной. Отъ такого общенія рождаются чудовища и уроды, не имѣющіе никакого подобія человѣческаго. Тотчасъ же послѣ рожденія они исчезаютъ съ визгомъ и хохотомъ.

Чортъ — источникъ зла на землѣ. По космогоническому преданію, широко распространенному въ Бѣлоруссіи, онъ, участвуя въ созданіи земли, внесъ въ нее все злое.

Вотъ это преданіе.

Въ началѣ вода покрывала землю. Богъ приказалъ чорту нырнуть на дно и достать оттуда горсть земли. Чортъ спустился на дно, захватилъ горсть земли, но не всю отдалъ Богу, а спряталъ часть во рту. Богъ взялъ въ руки горсть земли, благословилъ ее и бросилъ на воды, — и земля стала расти, расширяться, покрывать воду гладкимъ и ровнымъ, какъ токъ, слоемъ. Но стала расти и та земля, что была у чорта во рту, стала раздирать ему ротъ. Чортъ, корчась отъ боли, сталъ кататься по землѣ и выплевывать изо рта землю. Долго онъ катался такъ и плевалъ. Оттого поверхность земли сдѣлалась гористой, и земля мѣстами отравилась чортовой слюной. Поэтому, когда Богъ, подготовляя землю для человѣка, посѣялъ жито (рожь), пшеницу, ячмень, просо, яблони, груши и цѣлебныя травы, то мѣстами выросъ пырей, «кастеръ», лебеда, блекотъ (бѣлена), застырь (терновникъ) и всѣ другія вредныя растенія. Потомъ

Богъ создалъ полезныхъ животныхъ: лошадей, коровъ, овецъ, собакъ... Но нѣкоторыя изъ нихъ, не умѣя различать полезныхъ травъ отъ вредныхъ, наѣлись ядовитыхъ и превратились въ волковъ, россомахъ, медвѣдей и прочихъ вредныхъ животныхъ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока животныя не научились различать полезныя травы отъ ядовитыхъ. Слѣпилъ Богъ изъ глины человѣка, дохнулъ на него, и человѣкъ зашевелился, ожилъ. Чортъ это все видѣлъ. Онъ улучилъ минуту, когда человѣкъ спалъ, дохнулъ на него,—и вселился въ человѣка также и злой духъ, и человѣкъ получилъ склонность ко злу.

(М. Холопеничи, Борисовск. уѣзда)

Этотъ разсказъ циркулируетъ въ Бѣлоруссіи въ нѣсколькихъ варіантахъ; мы выбрали самый типичный, въ которомъ наиболѣе ясно и послѣдовательно проведена идея, что все зло на землѣ отъ чорта. Но не довольствуясь этимъ исконнымъ зломъ, онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы его увеличить, чтобы больше и больше причинять вреда людямъ, чтобы въ конецъ погубить ихъ души. Въ этомъ отношеніи и сами люди являются ему ревностными пособниками, вступая въ связь съ нечистой силой.

VI.

Сообщники нечистой силы.

Въ любой мѣстности Бѣлоруссіи вамъ укажутъ людей обоего пола, которые, какъ говорятъ бѣлоруссы, „знаютца зъ нечистикомъ, свояки чорту, свою душу ему запродали“. Называютъ ихъ разно: чароўниками и чароўницами, (иногда, но рѣдко, колдунами), знахарями и знахарками, ворожбитами, вѣдзьмаками и вѣдзьмами, воўкулаками и пр. Всѣ эти названія упоминаются въ памятникахъ нашей древней письменности, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ другихъ, несохранившихся въ современномъ бѣлорусскомъ говорѣ, какъ напримѣръ—кудесникъ, волхвъ, вѣщая женка. Въ этихъ памятникахъ они употребляются какъ синонимы: вѣдунъ, знахарь, колдунъ, кудесникъ—все это названія, указывающія на *высшее вѣдѣніе*. Такъ называли людей одаренныхъ необыкновенною мудростью, даромъ предвидѣнія, пророчества, поэтическаго творчества, обладающихъ знаніемъ священныхъ заклятій, жертвенныхъ и очистительныхъ обрядовъ, умѣньемъ совершать гаданія и врачевать недуги. Въ настоящее время народъ дѣлаетъ нѣкоторыя различія между этими назва-

ніями, смотря по тому, съ какого рода нечистой силой *имѣютъ дѣло* данные чаровники, съ какою цѣлью употребляютъ они свое таинственное знаніе и по другимъ причинамъ. Быть вѣдьмой, вѣдьмакомъ, вовколакомъ, съ точки зрѣнія бѣлорусса, болѣе предосудительно, чѣмъ быть просто чаровникомъ: разные чаровники бываютъ. Вѣдьмой, вѣдьмакомъ, вовколакомъ бѣлоруссы ругаются, какъ чѣмъ-то позорнымъ, но этого не замѣчается относительно слова чаровникъ, ворожбитъ и знахарь. Слыть знахаремъ даже почетно. Знахари и знахарки употребляютъ свои познанія больше на пользу *ближняго*, а вѣдьмаки и вѣдьмы почти никогда. Чаровникомъ называютъ вообще того, кто умѣетъ совершать *чары*, то-есть такіе суевѣрные, таинственные обряды, заклинанія, которымъ подчиняются стихійныя и другія силы. Впрочемъ, не всякій чаровникъ умѣетъ совершать *всѣ* эти чары, а только тотъ, который душу чорту продалъ. Большинство же изъ нихъ знаютъ только что-нибудь одно. Въ этомъ и различіе между большими, «важными», «настоящими» чаровниками и малыми, узкими спеціалистами.

Профессіональное колдовство. Въ послѣднемъ смыслѣ считаются чаровниками тѣ люди, которые по своимъ знаніямъ поставлены въ близкое общеніе съ тою или другою стихіею, каковы кузнецы, мельники, лѣсники, пастухи, пасѣчники, пивовары и др. Предполагается, что каждый изъ нихъ хорошо изучилъ свойства той „нечистой силы", съ которой приходится имѣть дѣло вслѣдствіе своей профессіи. Плохъ былъ бы тотъ мельникъ, который не зналъ бы, какъ уго-

дить водяному; или тотъ пастухъ, который не умѣл бы изгнать хлѣвника. Поэтому мельника съ „вѣтря ка" приглашаютъ лѣчить „подвѣй" (параличъ); мель ники съ водяныхъ мельницъ умѣютъ „дать воды", т. е. нашептывать на воду заговоры для излѣченія бо лѣзней или съ цѣлію насыланія ихъ. Впрочемъ, нѣ которые изъ нихъ, опираясь на помощь своего нечи стика, могутъ производить чары, не относящіяся прям къ предмету ихъ профессіи. А при томъ никто, ко нечно, не воспрещаетъ, наприм., мельнику, изучит ремесло лѣсника или ворожбита, онъ можетъ быть вовколакомъ, и жена его можетъ быть отличной вѣдь мой. Но все это необязательно. А вотъ угодить во дяному, чтобы онъ давалъ постоянно достаточное ко личество воды, чтобы мельница не стояла, когда мно го „завозу",—все это мельникъ долженъ знать ил пусть не берется не за свое ремесло. И мельникъ с вѣтряной мельницы долженъ умѣть „запречь вѣтеръ и, само собою разумѣется, тѣхъ духовъ, которые про изводятъ вѣтеръ, вихрь, бурю и т. п. Онъ долженъ все предусмотрѣть: не насиловать вѣтра, чтобы тот не разсердился и *на долго не улегся; долженъ умѣт* вызвать его въ затишье, когда надо молоть, а так же умилостивить бурю, чтобы она не поломала мель ничныхъ крыльевъ.

Опытный мельникъ съ водяной мельницы, при первыхъ заморозкахъ, когда вода покрывается тонкой скорлупой льда, опускаетъ водяному подъ колесо ку сокъ сала, „кабъ колесы не скрипѣли", какъ объя снялъ это старый мельникъ, Григорій Порѣцкій (Хо

лопеничи, Борисовск. уѣзда); а когда убиваютъ свинью, то бросаютъ и цѣлое стегно. Впрочемъ, неразборчивый водяной иногда довольствуется и частью свиныхъ кишекъ, покрытыхъ кишечнымъ жиромъ. Не принеси мельникъ этой жертвы водяному, то не наберешься смазки для колесъ: водяной будетъ вылизывать ее изъ буксъ и слизывать съ осей, а кромѣ того и бѣдъ можетъ причинить не мало.

Мельникъ съ вѣтряка, чтобы поднять затихшій вѣтеръ, взбирается на «шапку» своей мельницы и бросаетъ горстями муку „на ўзвѣй вѣцеръ", какъ говорятъ бѣлоруссы.

Лѣсникъ, въ свою очередь, долженъ умѣть умилостивить лѣшаго, а не то онъ можетъ наслать на него какого нибудь опаснаго звѣря, который, чего добраго, можетъ поранить или растерзать. И вотъ, въ искупленіе себя, взамѣнъ своего тѣла, лѣсникъ добровольно приноситъ часть его въ жертву лѣшему,— часть, впрочемъ, самую безобидную.

Замѣнять цѣлое частью въ такихъ случаяхъ—дѣло обычное у некультурныхъ народовъ. Такъ нѣкоторыя дикія племена, избивавшія въ прежнія времена на могилахъ своихъ вождей ихъ женъ и рабовъ для загробныхъ услугъ, теперь допускаютъ нѣкотрый компромиссъ въ этомъ отношеніи; именно выбиваютъ обреченнымъ по одному зубу или отрѣзываютъ мизинцы, волосы, ногти и бросаютъ въ могилу.

Такъ поступаютъ и наши «знающіе на рѣчахъ» лѣсники. Отправляясь на Благовѣщеніе въ лѣсъ, они несутъ съ собою кусокъ хлѣба съ солью; въ него втискиваютъ немного своихъ волосъ, а иногда и ногтей. Придя на опушку лѣса, становятся лицомъ къ востоку и приговариваютъ, кружа хлѣбъ около головы:

Усю зиму морозы трещали,
Бури выли, вѣтры шумѣли,
Сосны и ели скрыпѣли;
Ваўки хадзили, галасили—
Ѣсьци прасили:
Чи ты дай голову авеччу,
Чи чалавѣччу.
На святое Благавѣщення
Уси звяры на вырай пашли;
Ваўки выюць, свиньни стогнуць,
Мядзвѣдзи мармочуць,
Зубами скрыгочуць,
Ѣсьци хочуць:
Чи ты дай галаву авеччу,
Чи чаловѣччу!

— Досыць маихъ валасоў!—трижды восклицаетъ лѣсникъ, и послѣ этихъ словъ, бросаетъ хлѣбъ, на отмашь, далеко въ сторону. По другому варіанту въ концѣ приговариваютъ: „Апричь (кромѣ) маей галавы!"

Тутъ будетъ кстати сказать нѣсколько словъ о заговариваніи ружья.

Бѣлорусскіе крестьяне увѣрены, что искусные лѣсники, благодаря знанію особыхъ заговоровъ, могутъ стрѣлять безъ промаха, могутъ прострѣлить кому нибудь шейный платокъ, не тронувъ шеи, а другимъ могутъ «портить» ружья такъ, что они будутъ «живить»: такимъ ружьемъ какъ ни подстрѣли дичь, а

она улетитъ или убѣжитъ. Иные такъ, дескать, „заговорятъ“ *ружье, что послѣ выстрѣла дробь остается* въ стволѣ или выстрѣлъ не попадаетъ въ цѣль, или, наоборотъ, весь зарядъ будетъ попадать въ мелкую дичь, такъ что она будетъ никуда негодна.

Опытные люди совѣтуютъ держать дробь во рту, когда заряжаешь ружье, чтобы ее «не заговорили». А при томъ—нужно знать соотвѣтствующіе заговоры. Въ нашемъ распоряженіи имѣется одинъ изъ нихъ:

На синемъ мори,
На беражочку,
На жоўтымъ пясочку,
Стоить дубъ зяленый,
Къ зямлѣ нахиленый.
А съ того дуба
Якъ узнималися
Шуры да буры,
Вѣтры кавуры (?);
Якъ нанасили
Гаусцоў (глухарей), цяцерекъ,
Гусей и вутокъ,
Малаго птаства,
Якъ цемной хмары (тучи);
Якъ наганяли
Лисицъ и зайцеў,
Ласей и дзикоў (кабановъ)
Мнѣ на потребу
(Или—Скольки мнѣ треба).
Ой, ляцице пташки
И шѣрыя вутки

Ка мнѣ стральцу - малайцу!
Бѣжице лисицы
И шѣрыя зайцы
На мою стрѣльбу (ружье)!
А моя стрѣльба
Ручэная—вучэная,
Кабъ маху не давала,
Усякое живела
На мѣсьти клала.

Этотъ заговоръ произносится, когда входитъ охотникъ въ лѣсъ, чтобы тянулась къ нему дичь *).

«Настоящіе» чаровники. Всѣ указанные нами виды профессіональнаго колдовства, если оно не выходитъ изъ очерченныхъ нами рамокъ, немногими въ Бѣлоруссіи считается дѣломъ предосудительнымъ; напротивъ, большинство смотритъ на все это, какъ на высшее знаніе данной профессіи, существенно необходимое для ея успѣшнаго выполненія. Но чтобы быть заправскимъ чаровникомъ, обладающимъ высшей степенью могущества, нужно продать чорту свою душу. Для этого надо порвать всякую связь съ церковью и совершить нѣчто чрезвычайно кощунственное: во время причащенія не проглатывать св. Таинъ, а удержать ихъ во рту; потомъ вынести ихъ «на розстаньки» (перекрестокъ дорогъ), положить на одномъ изъ крестовъ, которые

*) По части профессіональнаго колдовства кузнецовъ, пасѣчниковъ и пр. у насъ не имѣется матеріаловъ; что же касается пастухоъ и колдовства, связаннаго съ ихъ занятіемъ, то мы попутно сообщали о немъ при описаніи обрядовъ изгнанія хлѣвника и празднованія Юрья.

почти всюду въ Бѣлоруссіи ставятся на перекресткахъ, и выстрѣлить въ св. Причастіе. Въ это время, какъ говорятъ, видится Христосъ Распятый.

Можно предполагать, что если на подобный поступокъ и рѣшались, то развѣ только въ глубокой древности, когда христіанство боролось съ язычествомъ. Этимъ актомъ, вѣроятно, знаменовалось отреченіе отъ христіанства и окончательный возвратъ къ прежнимъ вѣрованіямъ, къ прежнимъ богамъ. Нынѣ же почти всюду въ Бѣлоруссіи такъ много распространено раскасовъ о томъ, что большинство стрѣлявшихъ въ Св. Причастіе (если только это когда нибудь дѣлалось) сходили съ ума, превращались въ дикихъ звѣрей и тому подобнымъ подвергались наказаніямъ, что едва ли кто-нибудь рѣшится совершить такое кощунство.

Кто совершитъ такой поступокъ, тому-де до его смерти будетъ служить чортъ, исполнятьвсѣ его приказанія. Что скажетъ такой чаровникъ, то и сбудется.

По народнымъ воззрѣніямъ, желаніе „счаровать“ кого-нибудь является у чаровника стихійно, непроизвольно, иногда помимо его сознанія. Онъ тогда чародѣйствуетъ, когда „кроў яму вочи залъецъ“, когда „нячистая сила къ галавѣ падступиць, у галаву ударыць“,—такъ народъ выражаетъ ту мысль, что чаровникъ дѣйствуетъ какъ бы въ изступленіи, въ полузабытьи. Будучи въ такомъ состояніи, онъ долженъ непремѣнно кого-нибудь „счаровать“. Тогда ему на глаза не попадайся—за ничто пропадешь.

Извѣстные чаровники пользуются среди населенія наружнымъ почетомъ, но въ большинствѣ случаевъ—

неискреннимъ. Во время семейныхъ торжествъ—свадебъ, крестинъ—ихъ сажаютъ на почетныя мѣста, обращаютъ на нихъ исключительное вниманіе, особенно усердно угощаютъ, чтобы не раздражить ихъ и тѣмъ не повредить будущему счастію новобрачныхъ или новорожденнаго. Такое отношеніе къ своей особѣ чаровникъ принимаетъ какънѣчто должное, вполнѣ заслуженное и не стѣсняется угрожать хозяевамъ или тому, кѣмъ онъ недоволенъ, что счаруетъ.—“Ну, будзеце жь вы мяне помниць“.—“Я вамъ дамся у цямки!“—говоритъ въ такихъ случаяхъ чаровникъ. Присутствующихъ при этомъ охватываетъ страхъ. Навлекшіе неосторожно гнѣвъ одного чаровника, стараются разрѣшить его чары при помощи другого. Бываютъ случаи, что впечатлительные люди, при угрозѣ чаровника повредить имъ, падаютъ въ обморокъ, а иногда серьезно заболѣваютъ нервнымъ разстройствомъ. Это еще болѣе увеличиваетъ славу чаровника и вселяетъ суевѣрный страхъ къ нему.

Вѣдьмы и вовколаки. Мы уже имѣли случай упомянуть, что, изъ числа сообщниковъ нечистой силы, самой дурной репутаціей среди бѣлоруссовъ пользуются вѣдьмы. Это, во-первыхъ, объясняется тѣмъ, что вѣдьма, по понятіямъ народа,—чортова любовница, что она находится въ непосредственной связи именно съ чортомъ, а не съ какою-нибудь другою, болѣе безобидною, нечистой силою. Во-вторыхъ, въ Бѣлоруссіи были нерѣдкостью, даже въ прошломъ вѣкѣ, публичныя сожженія вѣдьмъ, что, несомнѣнно, должно было ухудшать ихъ и безъ того дурную славу въ на[illegible].

Правда, въ Бѣлоруссіи формально не существова-

ло священной инквизиціи и потому сожженія вѣдьмъ производились не въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ и обставлялись далеко не такъ торжественно, какъ въ Западной Европѣ; но и того, что по этой части творилось у насъ, было достаточно, чтобы произвести сильное впечатлѣніе на умы. Насколько проста была у насъ процедура этихъ изувѣрческихъ актовъ, видно изъ письма управляющаго имѣніемъ графа Тышкевича, письма, относящагося къ половинѣ прошлаго столѣтія. Вотъ что пишетъ нашъ доморощенный инквизиторъ:

„Ясневельможный панъ! Съ возвращающимися крестьянами доношу, что съ вашего позволенія сжегъ я шесть чаровницъ: три сознались, а остальныя—нѣтъ. Двѣ изъ нихъ престарѣлыя, третья тоже лѣтъ пятидесяти, да къ тому же одинадцать дней онѣ всѣ просидѣли у меня подъ чаномъ, такъ, вѣрно, и другихъ заколдовали. Вотъ и теперь господская рожь въ двухъ мѣстахъ заломана. Я собираю теперь съ десяти костеловъ святую воду и буду на ней варить кисель: говорятъ, непремѣнно всѣ колдуны прибѣгутъ просить киселя; тогда еще будетъ мнѣ работа! Вотъ и г. Эпернетти, по нашему примѣру, сжегъ женщину и мужчину... Этотъ несчастный ни въ чемъ не сознался, за то женщина созналась во всемъ и съ великимъ отчаяніемъ пошла на тотъ свѣтъ *)“.

Авторъ этого письма, какъ видите, говоритъ о сожженіи восьми человѣкъ, какъ о дѣлѣ самомъ простомъ, самомъ заурядномъ, ни на минуту, повидимому,

*) Афанасьевъ. Поэтич. возр. слав. на прир., т. III.

не сомнѣваясь въ своей правотѣ. Судя по этому наи
ному тону, отъ котораго вѣетъ безсознательной жест
костью, холоднымъ ужасомъ, немногое требовалось, чт
бы попасть на костеръ ..

Почва, которая порождала столь печальныя явлені
какъ вѣдовство и многочисленные процессы вѣдьмъ,
у насъ, и въ западной Европѣ, была одна и та ж
Это, вопервыхъ, повальное невѣжество, благодаря кот
рому и въ высшихъ и въ низшихъ слояхъ нарол
упорно держались остатки древнихъ вѣрованій; во-вт
рыхъ, чрезмѣрное закрѣпощеніе крестьянъ. Крѣпостн
состояніе давило народъ экономически, держало его
постоянной нищетѣ, изнуряло непосильнымъ трудомъ
Оно особенно тяжело отзывалось на положеніи женщин
во-первыхъ, потому, что она физически слабѣе му
чины, а во-вторыхъ потому, что она была закрѣп
щена вдвойнѣ: и мужу, и помѣщику. Чрезмѣрный труд
горе, болѣзни въ конецъ расшатывали организмъ же
щины. На этой почвѣ легко возникало нервное ра
стройство, которое проявлялось въ разныхъ форма
и при томъ дѣйствовало заразительно, какъ напримѣр
кликушество. Понятно, что могли являться такіе люд
которые въ силу особаго болѣзненнаго состоянія сво
нервной системы, воображали, что они дѣйствител
находятся въ общеніи съ дьяволомъ.

Но обратимся къ народнымъ воззрѣніямъ на вѣдьм

Благодаря своей любовной связи съ чортомъ, вѣд
ма научилась отъ него колдовству, узнала таинственн
свойства нѣкоторыхъ травъ и кореньевъ. Прибавл

къ этимъ травамъ лисичье сердце *) и кошачью печень, причитывая извѣстныя ей заклинанія, она вывариваетъ изъ нихъ волшебную жидкость, которая имѣетъ свойство придавать вѣдьмѣ молодость и чудную красоту или же, не измѣняя ея внѣшности, сообщаетъ ей необыкновенную привлекательность, совершенно неотразимую для простого смертнаго. Кромѣ того, когда выпьетъ вѣдьма добытую ею чудесную жидкость, то становится легкою, какъ пухъ, и можетъ носиться по воздуху, или «по вѣтру», какъ говорятъ бѣлоруссы. Такъ летаетъ вѣдьма на таинственныя бѣсовскія игрища, шабаши, которые совершаются ночью, гдѣ-нибудь на высокой горѣ (такая гора, отъ соприкосновенія съ нечистой силой, становится „лысой"). Главный шабашъ происходитъ одинъ разъ въ году, въ самую бурную ночь между Ильинымъ и Успеньевымъ днемъ. Эта ночь почему-то называется *рябиновой*, *воробьиной*, иногда, но рѣдко, *громовой*. Страшный громъ, непрестанная молнія отличаютъ ее отъ другихъ ночей. И вотъ подъ грохотъ грома, ослѣпительный блескъ молніи, завываніе бури слетается нечистая сила на свой годовой праздникъ. Далѣе этого народная фантазія не идетъ. Ничего напоминающаго «Черную обѣдню» въ памяти бѣлоруссовъ не сохранилось.

Кромѣ полового общенія съ сатаной и очаровыванія мужчинъ, вѣдьмы еще отбираютъ у чужихъ коровъ молоко (вѣдьмы-коровницы), *заламываютъ заломы* во

*) Между прочимъ, лисичье сердце считается вѣрнѣйшимъ средствомъ отъ пьянства. Сердце сушатъ, размельчаютъ въ порошокъ, настаиваютъ его на водкѣ и даютъ пить пьяницамъ.

ржи на неурожай, на болѣзнь и на смерть людей, на падежъ скота. Онѣ могутъ сглазить беременную женщину, могутъ своимъ взглядомъ убивать плодъ въ утробѣ матери и тѣмъ производить выкидышъ; онѣ тайно выкрадываютъ младенцевъ у рожeницъ. Вѣдьма также можетъ оборачиваться въ сороку и черную кошку.

Послѣднее свойство вѣдьмы—оборотничество—роднитъ ее съ такъ называемыми въ Бѣлоруссіи *воукулаками*.

Вовколакъ—это человѣкъ, превращающійся въ волка. Въ волчьемъ видѣ онъ пожираетъ и людей и скотъ. Такой волкъ-оборотень чрезвычайно кровожаденъ и поэтому опасенъ. Ростомъ онъ больше обыкновеннаго волка; особенно велика у него голова; у него четыре глаза: два на лбу, два на затылкѣ, такъ что онъ видитъ во всѣ стороны.

Чтобы скинуться волкомъ, нужно трижды перевернуться черезъ ножъ, воткнутый въ землю, произнося при этомъ особое заклятіе. Но его-то намъ никто не могъ сообщить.

Когда такой волкъ вдоволь напьется человѣческой крови и захочетъ снова стать человѣкомъ, онъ долженъ трижды перевернуться черезъ *тотъ же ножъ*, но въ обратную сторону. А если кто нибудь подстережетъ эти превращенія и, въ отсутствіи вовколака, выдернетъ ножъ изъ земли, то вовколакъ такъ навсегда и останется волкомъ. Впрочемъ, и обыкновеннаго человѣка, силою чаръ, можно превратить въ волка; онъ также волей не волей, будетъ питаться людьми и животными, но когда его станешь травить собаками или хочешь убить, то онъ плачетъ человѣчьими слезами.

Вѣра во всевозможные виды превращенiй вообще свойственна мiросозерцанiю первобытныхъ народовъ. Достаточно вспомнить отраженiе этого вѣрованiя въ нашемъ былинномъ эпосѣ, хотя бы въ образѣ Вольги Всеславьича, который научился хитрости-мудрости—сѣрымъ волкомъ рыскать по полю, сизымъ орломъ летать подъ облака, щукой рыбой плавать въ морѣ.

Убѣжденiе въ возможности подобныхъ превращенiй основывалось на множествѣ наблюденiй, дурно понятыхъ и невѣрно истолкованныхъ. Видѣлъ, напримѣръ, первобытный человѣкъ, что сѣмячко превращается въ растенiе, завязь въ плодъ, яйцо въ птицу; онъ видѣлъ окаменѣлыя деревья и еще много подобныхъ примѣровъ, которые должны были укрѣплять его въ мысли, что переходъ изъ одного состоянiя въ другое—дѣло возможное. Въ самомъ дѣлѣ, если зерно превращается въ растенiе, завязь въ плодъ, яйцо въ птицу, дерево въ камень, то почему человѣкъ не можетъ превратиться въ волка, въ кошку, въ сороку? На этотъ вопросъ первобытный человѣкъ, не знающiй границъ, гдѣ кончается возможность превращенiй, долженъ былъ отвѣчать утвердительно.

Это первобытное воззрѣнiе сохранилось, въ извѣстной степени, въ мiросозерцанiи бѣлоруссовъ и до нашихъ дней.

Ворожбитки и знахарки. Въ Бѣлоруссiи гораздо больше встрѣчается ворожбитокъ, чѣмъ ворожбитовъ, и знахарокъ, чѣмъ знахарей. Эти люди хотя и причисляются къ сообщникамъ нечистой силы, но тѣмъ не

менѣе пользуются въ народѣ искреннимъ почетомъ и уваженiемъ, особенно тѣ изъ нихъ, которые избрали своею спецiальностью исключительно врачеванiе болѣзней и разрушенiе колдовства другихъ. Они хотя и прибѣгаютъ къ нашептыванiямъ и другимъ таинственным дѣйствiямъ, но также знаютъ и довольно рацiональны *способы и средства лѣченiя болѣзней:* вправляютъ вывихи, связываютъ поломы костей, выравниваютъ у маленькихъ дѣтей искривленiя ногъ, позвоночника и др.

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь нѣкоторы знахарскiе средства лѣченiя болѣзней. Насколько они эти средства, рацiональны—судить не беремся, предоставляя это людямъ, болѣе насъ компетентнымъ в медицинѣ.

Средства противъ лихорадки. Мелко изрубленны листья полыни смѣшиваютъ со свѣжимъ хлѣбомъ; из этой смѣси катаютъ шарики величиною съ грецкі орѣхъ или немного поменьше и даютъ ихъ глотат больному.

Иногда даютъ больному ѣсть полынь въ чистом видѣ, безъ всякихъ примѣсей.

Не менѣе дѣйствительнымъ средствомъ отъ той-ж болѣзни считается сердцевина подсолнечника, очищенна отъ коры и высушенная на солнцѣ. Ее толкутъ в порошокъ и даютъ больному приблизительно столову ложку этого порошка, размѣшавъ его въ полустакан воды.

Отъ *ревматизма* и *ломоты въ костяхъ*, кром натиранiя камфорой, употребляется корень цикуть Его сушатъ, толкутъ въ порошокъ, который смѣши

ваютъ со свѣжимъ коровьимъ масломъ, и этой смѣсью натираютъ больныя мѣста.

Ломоту въ костяхъ лѣчатъ посредствомъ втиранія медвѣжьяго жира; больное мѣсто, послѣ каждаго втиранія обвязываютъ заячьей шкуркой, шерстью внизъ.

При ломотѣ въ спинѣ или плечахъ натираютъ больное мѣсто мелко-истертымъ хрѣномъ или рѣдькой. Это натираніе производится въ банѣ, въ сильномъ духу.

Въ самый разгаръ полевыхъ работъ многіе крестьяне, истомленные чрезмѣрнымъ трудомъ, жалуются обыкновенно на боль и ломоту во всемъ тѣлѣ, особенно въ сочлененіяхъ костей. Причиной этой боли они считаютъ застой крови. Для оздоровленія они парятся и натираются въ банѣ, въ сильномъ духу, крапивой-жгучкой, такъ что все тѣло покрывается волдырями. Это средство считается радикальнымъ и предпочитается постановкѣ рожковъ и піявокъ.

Отъ *чахотки* и другихъ *грудныхъ болѣзней.* Кладутъ телячьи легкія (отъ одного теленка) въ глазированный горшокъ, прибавляютъ туда фунтъ свѣжаго коровьяго масла и фунтъ меду-липцу. Горшокъ герметически закупориваютъ, обмазывая крышку тѣстомъ, и ставятъ на цѣлыя сутки въ жарко-натопленную печь. Образовавшуюся въ горшкѣ жидкость даютъ больному 3 раза въ день по столовой ложкѣ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ собираютъ смолистые молодые отростки сосны, которые въ народѣ называютъ шишками. Ихъ сушатъ на солнышкѣ и, по мѣрѣ надобности, кипятятъ въ водѣ. Получившійся настой, когда онъ остынетъ, пьютъ по два, по три стакана въ день.

Съ тою же цѣлью собираютъ смолу-живицу (для этого нарочно очищаютъ отъ коры сосны съ солнечной стороны); ее кладутъ въ бутылки, наливаютъ криничной водой и ставятъ на солнцѣ. По истеченіи, приблизительно, недѣли спиваютъ настой изъ первой бутылки и вновь наливаютъ ее, потомъ изъ второй и такъ до послѣдней (бутылокъ бываетъ отъ 5 до 7). Затѣмъ снова принимаются за первую и т. д.

Послѣднія два средства считаются не только излѣчивающими чахотку, но и вызывающими аппетитъ, придающими здоровый цвѣтъ лицу, вообще оздоравляющими.

Кромѣ того, отъ грудныхъ болѣзней практикуютъ слѣдующее средство. Кипятятъ въ молокѣ, а при недостаткѣ молока и въ водѣ, высушенные корни пырея. Пьютъ три или два раза въ день по стакану или по полстакана.

Также совѣтуютъ чахоточнымъ пить настой на бобовникѣ (болотное растеніе) или же полынной водки по полрюмки въ день.

Геморрой лѣчатъ ваннами, при чемъ въ ванну вливаютъ отваръ „дзивосила", а больному, прежде чѣмъ садиться въ ванну, привязываютъ горячій кирпичъ къ крестцу.

Отъ *золотухи* даютъ пить настой на „чистецѣ" (чистотѣлѣ). Его же варятъ въ водѣ и отваръ вливаютъ въ ванну, которую приготовляютъ для больного разъ десять черезъ день.

Худосочнымъ дѣтямъ даютъ сосать несоленое свиное сало.

Болѣзнь, называемую въ народѣ „*жоутачкой*", причину которой приписываютъ *разлитію желчи*, знахарки лѣчатъ довольно оригинальнымъ средствомъ. Изъ куринаго кала выдѣляютъ бѣлыя части, толкутъ и смѣшиваютъ наполовину съ мѣломъ; составленный такимъ образомъ порошокъ всыпаютъ въ воду и пьютъ. Понятно, что своимъ паціентамъ знахарки не говорятъ, какое лѣкарсто онѣ даютъ имъ. Какъ ни странно это средство, но мы должны сказать, что видѣли нѣсколькихъ больныхъ разлитіемъ желчи, употреблявшихъ это средство и излѣчившихся.

Мелко-истолченная сѣра, смѣшанная съ жиромъ, употребляется какъ средство противъ *чесотки*. Больной влѣзаетъ въ теплую печь и тамъ натирается этой мазью.

Чесоточныхъ также купаютъ въ очищенномъ дегтѣ.

Если кого нибудь укусила гадюка за руку или за ногу, то укушенный членъ перевязываютъ, чтобы остановить движеніе зараженной крови, и къ распухшему мѣсту прикладываютъ брюхомъ живыхъ лягушекъ.

Сильные *ожеги*, а равно отмороженные члены лѣчатъ слѣдующимъ способомъ. Изъ созрѣвшаго плавуна вытряхиваютъ желтую пыль и этой пылью посыпаютъ пораженныя морозомъ или обожженныя мѣста, а сверху обертываютъ полотномъ.

Мы здѣсь привели далеко не всѣ средства, изъ числа извѣстныхъ намъ. Мы имѣли въ виду только дать нѣкоторое понятіе о той сторонѣ знахарства, которая, хотя отчасти намекаетъ на раціональность. Но

намъ извѣстна незначительная часть знахарскихъ средствъ, вообще многочисленныхъ, которыя еще ждутъ своего изслѣдователя.

Вѣра въ *ворожбу* такъ сильно распространена между бѣлоруссами, что рѣдкій изъ нихъ начнетъ сколько нибудь важное дѣло, не побывавши предварительно у ворожеи. Эта послѣдняя, если она особа умная, пользуясь знаніемъ тайныхъ и явныхъ дѣлъ почти каждаго семейства своей округи, часто довольно большой, имѣетъ возможность давать дѣльные совѣты обращающимся къ ней. Такая ворожея, благодаря превосходному знанію мѣстныхъ дѣлъ, пользуется нерѣдко обширнымъ вліяніемъ на народъ. Конечно, встрѣчаются среди ворожей такія, которыя сознательно обманываютъ темный людъ; но большинство изъ нихъ искренно вѣрятъ въ возможность тѣмъ или другимъ способомъ проникнуть за таинственную завѣсу неизвѣстнаго будущаго. Въ семьѣ автора этой статьи была настолько популярная ворожея, что по праздничнымъ днямъ ея изба была биткомъ набита желающими ворожить. Авторъ былъ поставленъ въ наилучшія условія для наблюденій, какъ эта ворожея относилась къ своему ремеслу, и долженъ сказать, что относилась она съ полной вѣрой, что она была глубоко убѣждена въ существованіе таинственной связи между извѣстными комбинаціями картъ, расположеніемъ линій на рукѣ и прошедшей или грядущей судьбой данной личности. Вмѣстѣ съ тѣмъ она обладала замѣчательной наблюдательностью и какой-то прирожденной, инстинктивной проницательностью, которая болѣе всего содѣйство-

вала ея популярности, какъ искусной гадалки. Эта безсознательная догадливость приводила въ изумленіе всѣхъ домашнихъ *и ее самое*. Помнится, какъ однажды какой-то деревенскій скептикъ, котораго ворожбитка вовсе не знала и окольными путями справокъ о немъ не наводила, захотѣлъ испытать—насколько соотвѣтствуетъ дѣйствительности слава о ея ворожбѣ, и для этой цѣли попросилъ ее погадать о его женитьбѣ, что онъ-де жениться хотѣлъ бы, такъ что́ ему выйдетъ на картахъ или на черепочкахъ. Но ворожбитка, не гадая, лишь только взглянула на него, отвѣтила: „ты женатъ!" что и было на самомъ дѣлѣ. Подобныхъ случаевъ встрѣчалось въ ея практикѣ не мало. Безсознательность, инстинктивность таких угадываній укрѣпляла ворожбитку въ вѣрѣ, что она орудіе какой-то таинственной силы, проявляющейся чрезъ ея посредство. Между прочимъ, это была натура энергичная, сильная волей и вмѣстѣ съ тѣмъ чуткая, впечатлительная, даже экзальтированная. Внѣшность ея вполнѣ соотвѣтствовала внутренней личности и поэтому производила сильное впечатлѣніе на ея кліентовъ и паціентовъ (она была и лѣкарка). Ея ремесло не мѣшало ей, однако, строго выполнять всѣ церковные обряды, а также тѣ эпитиміи, которыя налагало на нее духовенство на исповѣди, за ворожбу и знахарство. Но не смотря на требованія священниковъ, она не могла оставить своихъ знахарскихъ занятій хотя и считала ихъ дѣломъ грѣховнымъ. Единственный компромиссъ, который она допускала въ этомъ отношеніи—это не гадать въ среду и пятницу и въ установленные церковью

посты; но даже и въ то время „давала воду" больнымъ и свои „зелья". Иногда, впрочемъ, рѣшалась и ворожить въ постные дни, если, по ея мнѣнію, поводъ для ворожбы былъ уважительный, напримѣръ—пропажа у крестьянина лошади или что-нибудь въ этомъ родѣ. При этомъ потерпѣвшій соглашался обыкновенно взять на свою душу грѣхъ.

Въ семьѣ нашей ворожбитки настолько сильна была вѣра въ таинственность ея ремесла, что ни одна изъ дочерей ея не рѣшилась усвоить способы ворожбы и знахарства, когда старуха-ворожбитка, чувствуя близость смерти, предлагала имъ научиться ея искусству.

VII.

Способы лѣченія, основанные на суевѣрныхъ представленіяхъ, и колдовство.

Выше мы знакомили читателя со способами лѣченія, которые составляютъ болѣе или менѣе положительную сторону народной медицины, въ которыхъ проглядываютъ нѣкоторый опытъ, наблюденія. Но на ряду съ этими сравнительно раціональными способами рекомендуются знахарями, а также практикуются самими крестьянами, и такіе способы, которые прямо вытекаютъ изъ сущности фетишистическаго или анимистическаго строя мышленія относительно происхожденія болѣзней. Такъ мы уже говорили о „вогникѣ“,—болѣзни, которая, по мнѣнію бѣлоруссовъ, насылается раздраженнымъ огнемъ, въ отместку за свое оскверненіе. По всей вѣроятности такое мнѣніе о происхожденіи огника возникло изъ сходства этой накожной болѣзни со струпьями отъ ожеговъ: отъ сходства слѣдствій сдѣлано заключеніе объ однородности причинъ. Перенося, сверхъ того, на огонь свойства своей личности, первобытный человѣкъ объяснялъ ожеги, вѣроятно, тѣмъ, что огонь не любитъ, чтобы къ нему прикасались „голоручь“, что за это онъ

кусается. Про ожегъ и по сей день говорятъ: „укусила жижа“ *). Приведемъ еще примѣръ. Если переходить черезъ круги, начерченные кѣмъ нибудь на землѣ, или ступить на кругъ, оттиснутый дномъ ведра, или же ходить по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ лошадь качалась, то отъ этого пойдутъ по тѣлу лишаи, а на головѣ появятся плѣши. По этой причинѣ совѣтуютъ обходить круги или, еще лучше, сглаживать ихъ, чтобы незнающихъ предохранить отъ болѣзни. Таково народное воззрѣніе. Спрашивается,—какимъ образомъ оно могло возникнуть? Намъ кажется, что здѣсь все дѣло именно *въ подобіи, въ уподобленіи*: есть, во-первыхъ, лишаи, имѣющіе форму круга, а во-вторыхъ, то мѣсто, гдѣ качался конь, называютъ плѣшью, подобно тому, какъ плѣшью же называется мѣсто на головѣ, лишенное волосъ стригущимъ лишаемъ. Повидимому для первобытнаго ума было достаточно сходства въ формѣ и въ названіи, чтобы заключить, что кругъ или плѣшь какъ бы перешли съ земли на тѣло того человѣка, который къ нимъ прикасался. Лѣчатъ лишаи такъ. Сначала обводятъ концомъ веретена кружокъ около лишая, чтобы онъ не распространялся далѣе, а затѣмъ обмываютъ его или водой, осѣвшей на окнахъ, или помоями отъ посуды.

Ниже мы еще встрѣтимся съ разными суевѣріями, которыя показываютъ—какое значеніе въ возрѣніяхъ бѣлорусса имѣютъ уподобленія (напримѣръ, лѣченіе

*) Надо замѣтить, что „жижа“ (названіе огня), „зюзя“ (названіе зимы, холода)—употребляются только въ дѣтскомъ языкѣ или, вѣрнѣе, въ разговорѣ взрослыхъ съ дѣтьми

„ячменя“, нарыва на глазномъ вѣкѣ, ячменными зернами и многое другое); теперь же, для полноты картины, напомнимъ читателю, что большинство бѣлорусскихъ заговоровъ построены на фигурахъ уподобленія, напримѣръ: водзяные ключи закрывалися, Юрдань-рѣка станавилася: закрыйцися, жилы кровавыя! стань, не цячи, кроў чирвоная!“ или же: рѣка стала—и кроў стань“ и т. д. Подобные обороты такъ часто встрѣчаются, что даютъ основаніе заключить, что именно въ уподобленіи, по мнѣнію бѣлорусса, и полагается главная сила заговора.

Есть и еще случаи фетишистическаго объясненія происхожденія болѣзней, но господствующее воззрѣніе на причины ихъ грубо-анимистическаго характера. Изъ этихъ воззрѣній можно заключить, что болѣзнь представляется бѣлоруссу, какъ невидимая, но матеріальная сущность, которая можетъ входить въ человѣческое тѣло или обволакивать собою его и тѣмъ причинять боль; или же болѣзнь—это злой духъ, вошедшій въ тѣло во время сна или испуга. Точно также причиной болѣзни можетъ быть „порушенье души“, при которомъ душа, хотя и находится въ тѣлѣ, но не на своемъ настоящемъ мѣстѣ.

Всѣ эти объясненія происхожденія болѣзней логически вытекаетъ изъ анимистическихъ воззрѣній. Если нашъ духъ можетъ входить и выходить изъ тѣла, что, какъ думаютъ дикари, случается во время сна, то почему же не можетъ сдѣлать это и всякій другой духъ? Первобытный человѣкъ не имѣлъ основаній отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно; напротивъ, много

было данныхъ, чтобы отвѣтить на него утвердительно Его побуждали къ этому характерные признаки многихъ болѣзней, именно болѣзней, сопряженныхъ съ горяченнымъ бредомъ, корчами, судорожными, непроизвольными движеніями, дрожью и т. п. Соображая что движенія нашего тѣла зависятъ отъ присутствія въ немъ души (послѣ смерти—въ отсутствіидуши—тѣло неподвижно) и что въ этомъ случаѣ наши движенія сравнительно цѣлесообразны, болѣе или менѣе разумны и сравнивая это нормальное состояніе человѣка съ болѣзненнымъ, напримѣръ, когда человѣкъ одержимъ припадками эпилепсіи, лихорадкой, сумашествіемъ и тому подобными болѣзнями, подъ вліяніемъ которыхъ онъ производитъ такія движенія, совершаетъ такіе поступки, которые прямо клонятся къ вреду его и дорогихъ ему людей—изъ всего этого дикарь долженъ былъ заключить, что ихъ производитъ враждебный злой духъ, вселившійся какимъ-то образомъ въ тѣло больного. При тѣхъ познаніяхъ, которыми обладаетъ дикарь, иного заключенія онъ и не могъ сдѣлать оставаясь логичнымъ. Напримѣръ, во время сильныхъ приступовъ лихорадки, дикарь употребляетъ всѣ усилія чтобы не дрожать, не дѣлать судорожныхъ движеній однако тѣло его трясется, напруживается, его руки и ноги сгибаются, челюсти дрожатъ... Очевидно, что эти движенія производитъ кто - нибудь посторонній ему Часто во снѣ ему приходилось вздрагивать, подпрыгивать... Кто это его подбрасываетъ? Очевидно, не самъ онъ, ибо это было помимо его воли, а кто-нибудь другой. И мало ли въ немъ совершается непроизвольныхъ

движеній? Онъ чихаетъ, икаетъ—все это совершается вопреки его волѣ. Но кто-нибудь производитъ-же эти движенія? И этотъ „кто-нибудь" невидимъ, неосязаемъ, слѣдовательно—онъ духъ.

Исходя изъ того взгляда, что большинство болѣзней происходитъ отъ вселенія въ человѣка чего-то невидимаго и что это невидимое и причиняетъ болевыя ощущенія; что, затѣмъ, всякая нечистая сила, какъ могущая быть невидимой можетъ вселяться въ насъ и всячески мучить насъ,—человѣкъ дѣлаетъ заключеніе, что тѣ люди, которые находятся въ близкомъ общеніи съ нечистой силой, какъ напримѣръ, разнаго рода чаровники, могутъ насылать всякую „нечисть" на людей и тѣмъ причинять имъ всевозможныя болѣзни. Такой взглядъ раздѣляютъ и бѣлоруссы, и про всякую, сколько нибудь серьезную, болѣзнь говорятъ, что она *сдѣлана* кѣмъ-нибудь, что ее тотъ или другой чаровникъ «зрабіў», «поддзѣлаў», «наслаў».

Сообразно съ такимъ мнѣніемъ о происхожденіи громаднаго большинства болѣзней, практикуются соотвѣтственные способы и средства для ихъ излѣченія. Нѣкоторыя болѣзни только хорошій знахарь можетъ вылѣчить, а другія лѣчатся, такъ сказать, домашнимъ порядкомъ: настолько способы лѣченія ихъ популярны.

Если болѣзнь есть нѣкоторая матеріальная сущность, вошедшая въ человѣка, или если ее производитъ поселившійся въ тѣлѣ человѣка какой-нибудь посторонній духъ, то, очевидно, больной только тогда выздоровѣетъ, когда будетъ устранена причина болѣзни, то есть изгнанъ враждебный духъ. Вопросъ—какъ его

изгнать? Самый простой способъ, диктуемый первобытнымъ умомъ, есть способъ, такъ сказать, механическій, подобный тому, какъ, напримѣръ, выгоняютъ воздухъ изъ пузыря, выжимаютъ воду изъ мокрой тряпки и т. п.

И дѣйствительно, такіе чисто механическіе способы широко распространены въ нашей деревенской медицинѣ.

Если болѣзнетворный духъ поселяется въ человѣкѣ, то, надо думать, что всего скорѣе онъ можетъ поселиться въ полостяхъ грудной и брюшной, которыя прямо сообщаются съ внѣшнимъ міромъ. А если это такъ, то всего легче изгнать духа посредствомъ давленія на грудную и брюшную полости, такъ сказать—выжимать его.

Топтаніе. Такъ и поступаютъ въ бѣлорусскихъ деревняхъ. Кладутъ больного у порога животомъ книзу, а на спину ему становится нарочно выбранный для этой цѣли человѣкъ и трижды слегка подпрыгиваетъ, стоя у больного на спинѣ. Это повторяется три раза подъ рядъ, но съ небольшими промежутками. Дѣлается это утромъ и вечеромъ каждый день, пока больной не поправится или не обратится къ другому средству. Топтаніе больного считается въ бѣлорусской первобытной медицинѣ самымъ первымъ средствомъ противъ всякихъ внутреннихъ болѣзней.

Передъ порогомъ кладутъ больного для того, чтобы вышедшій изъ него духъ нашелъ скорый выходъ изъ избы и не поселился въ комъ нибудь изъ присутствующихъ.

Перворожденные слывутъ наиболѣе пригодными для роли топтальщиковъ.

Катаніе. На ряду съ топтаніемъ практикуется сродное ему средство—катаніе больного. Оно употребляется особенно тогда, когда болитъ животъ, но не пренебрегаютъ имъ и при головной боли. Больного кладутъ на дерюгу и, взявъ въ руки концы ея, качаютъ его съ конца въ конецъ дерюги.

Растираніе. Также въ ходу растираніе руками больныхъ частей тѣла, особенно живота. Смотря по характеру болѣзни, растираніе производится то сильное, то легкое и притомъ въ разныхъ направленіяхъ. Мы полагаемъ, что и этотъ деревенскій массажъ находится въ связи съ представленіемъ о возможности изгнанія болѣзней путемъ механическаго давленія.

Грызеніе. Наросты на костной ткани, припухлости, вздутіе жилъ, грыжу и тому подобныя болѣзни лѣчатъ посредствомъ легкаго грызенія зубами больного мѣста. Вѣроятно этимъ способомъ думаютъ устрашить боль. Знахарки, впрочемъ, губами вдавливаютъ внутрь пупочную грыжу.

Ставленіе горшка. Къ механическимъ средствамъ лѣченія должно быть отнесено и ставленіе горшка на животъ; оно практикуется при боляхъ въ животѣ, при „порушеніи", т. е. предполагаемомъ перемѣщеніи внутреннихъ органовъ брюшной полости, вслѣдствіе чрезмѣрнаго напряженія. Способъ слѣдующій: кладутъ больному на животъ корку хлѣба или небольшую дощечку, на ней зажигаютъ клочекъ льна и покрываютъ печнымъ горшкомъ средней величины. Послѣдующій процессъ понятенъ: происходитъ то же, что и при ставленіи рожковъ, только въ гораздо большихъ размѣрахъ: иногда животъ вдавливается въ горшокъ до четверти его высоты.

Откидываніе. «Ячмень», небольшой нарывъ на глазномъ вѣкѣ, лѣчатъ особымъ способомъ, который зовется въ народѣ «откидываніемъ». Отсчитываютъ девять ячменныхъ зеренъ и каждое изъ нихъ, предварительно обмахнувъ трижды вокругъ больного глаза, отбрасываютъ наотмашь въ сторону. Потомъ пускаютъ въ избу курицу, чтобы она поклевала эти зерна.

Лѣченіе болѣзней, происходящихъ отъ испуга. Вздрагиваніе при испугѣ бѣлорусскіе крестьяне объясняютъ тѣмъ, что это „душа выскочиць хацѣла". Если испугъ будетъ очень силенъ, то полагаютъ, что душа можетъ отъ этого очутиться „не на мѣстѣ" или совершенно выскочить изъ тѣла. Въ первомъ случаѣ человѣкъ претерпѣваетъ легкое разстройство, а во второмъ можетъ серьезно заболѣть, и такая болѣзнь будетъ сопровождаться горячечнымъ бредомъ, нецѣлесообразными движеніями, галлюцинаціями и т. п.

Это сдѣлалось «съ пуду», «съ переполоху», т. е. отъ испуга, говорятъ бѣлоруссы. Въ первомъ случаѣ, при легкомъ разстройствѣ, практикуется слѣдующее средство. Берутъ четыре горячихъ уголька изъ своего очага и опускаютъ ихъ одинъ за другимъ въ сосудъ съ чистой криничной водой, и этой водой обмываютъ больного.

Если же болѣзнь болѣе серьезнаго характера, то, чтобы возвратить испуганный духъ, стригутъ понемногу волосъ у тѣхъ лицъ, которыя, по предположенію, могли испугать больного, и тѣми волосами подкуриваютъ

его, заставляя глотать дымъ. Если причиной испуга было какое нибудь животное, то и его стригутъ, и шерстью или перьями подкуриваютъ. Такъ поступаютъ, основываясь повидимому на томъ соображеніи, что вмѣстѣ съ дымомъ войдетъ въ больного его испуганный духъ, который могъ опочить на комъ нибудь изъ бывшихъ при испугѣ или послужившихъ причиной испуга.

Въ Новогрудскомъ уѣздѣ „переполохъ" лѣчатъ нѣсколько иначе. Тамъ, въ этомъ случаѣ, пускаютъ въ ходъ *выливаніе* и *вымѣриваніе*,—средства, свойственныя не только одной этой мѣстности, а довольно широко распространенныя, съ разными, впрочемъ, видоизмѣненіями.

Выливаніе. Надо взять воды „съ лотока", т. е. съ желоба, поддерживающаго крышу, если изба крыта дранкой. Для этого, взобравшись на крышу, льютъ воду на желобъ и тутъ же собираютъ ее, подставивъ горшокъ подъ конецъ желоба. Это продѣлывается нѣсколько раз. Воду кипятятъ и сыплютъ въ нее золу. Затѣмъ раздѣваютъ больного до гола и льютъ ему воду на макушку или только обмываютъ грудь и животъ, собирая ту же воду въ миску. При этомъ произносится заговоръ:

«Выходь переполохъ изъ ручекъ, изъ ножекъ, изъ всякихъ косточекъ, изъ всякихъ суставочко*у*! Можа чаго сполохо*у*ся, можа во*у*ка, чи мядвѣдзя, мо лиса, мо кота, мо сабаки, усякаго звѣра, мо якого дурного чилавѣка». *(Шорсы, Новогрудск. у.)*.

Собранную воду процѣживаютъ чрезъ полотенце,

надѣясь найти въ немъ волосъ того животнаго, которое причинило переполохъ.

Вымѣриваніе. Берутъ клубокъ нитокъ и измѣряютъ больного по всѣмъ направленіямъ и всѣ части тѣла, произнося тотъ же заговоръ, что приведенъ выше. Когда вымѣриваніе окончено, нитку обрываютъ, свертываютъ въ мотокъ и сжигаютъ. Золу отъ нитки сыплютъ въ воду и эту воду даютъ пить больному.

Но испугъ можетъ быть, по мнѣнію бѣлоруссовъ, и хорошимъ врачебнымъ средствомъ, въ тѣхъ именно случаяхъ, когда больной одержимъ злымъ, болѣзнетворнымъ духомъ. Такъ испугомъ лѣчатъ „припадокъ" — падучую болѣзнь, и говорятъ, что помогаетъ. Такого больного стараются подкараулить гдѣ-нибудь въ уединенномъ мѣстѣ, нарядившись предварительно какимъ-нибудь страшилищемъ, и стараются возможно сильнѣе испугать эпилептика. Если испугъ будетъ настолько силенъ, что больного сейчасъ же „кинець припадокъ" (явится пароксизмъ падучей), то больной, какъ увѣрены бѣлоруссы, непремѣнно выздоровѣетъ, и выздоровѣетъ вслѣдствіе того, что отъ испуга изъ него выскочилъ болѣзнетворный духъ.

Суроцы или *уроцы*. Глаза нѣкоторыхъ людей, въ особенности черные, и глаза колдуновъ и вѣдьмъ обладаютъ особымъ свойствомъ „взварушивацъ душу", тревожить ее, „сурочить", какъ говорятъ въ Бѣлоруссіи. Сурочить (сглазить) можно и взглядомъ и удивленіемъ; послѣднее менѣе вредно, но и „съ подзиву" также приключаются заболѣванія. Для излѣченія „суроцъ" или „подзива" нужно, чтобы тотъ, кто сурочилъ, далъ

изо рта воды, и этой водой обмываютъ больного. Но если не знаютъ опредѣленно, кто бы могъ сурочить, то даютъ изо рта воду всѣ домашніе и тѣ люди, которые видѣли въ послѣднее время заболѣвшаго.

Вода дается такъ: наливаютъ въ миску чистой воды (предпочтительно—криничной) и поочередно набираютъ этой воды въ ротъ и выпускаютъ ее изо рта обратно въ миску; это дѣлается трижды.

Можно сурочить невольно, и бѣлоруссы, при чьемъ нибудь удивленіи, высказываемомъ по поводу человѣка или животнаго, говорятъ: „соль табѣ у вочи, галавешка у зубы". Этимъ замѣчаніемъ они думаютъ предохранить предметъ удивленія отъ опасныхъ послѣдствій суроченья.

Лѣченіе лихорадки. „Трасца", или лихорадка, какъ извѣстно, характеризуются дрожью, судорожными движеніями и т. п., т. е. такими признаками, которыя, по мнѣнію бѣлорусскихъ крестьянъ, отличаютъ болѣзни, производимыя враждебными духами, вселившимися въ человѣка. И лѣченіе этой болѣзни строго-послѣдовательно направляется къ изгнанію предполагаемой причины ея, т. е. болѣзнетворнаго духа.

Принимая во вниманіе, что желанія, высказываемыя больнымъ,—не его желанія, а болѣзнетворнаго духа, и что, слѣдовательно, исполняя эти желанія, мы только поблажали бы болѣзни и тѣмъ дѣлали бы пріятнымъ для нея пребываніе въ тѣлѣ больного, рекомендуется поэтому поступать какъ разъ наоборотъ, т. е. дѣлать противное волѣ больного. А чтобы сдѣлать пребываніе трасцы въ организмѣ человѣка

рѣшительно невыносимымъ для нея, совѣтуютъ выкуривать ее чѣмъ нибудь особенно вонючимъ. Она особенно не любитъ дыма сухихъ дождевиковъ; ими-то и совѣтуютъ раза три въ день подкуривать больного.

Вообще нужно замѣтить, что всевозможныя подкуриванія, какъ врачебное средство, въ большомъ ходу въ Бѣлоруссіи.

Лѣченіе „сцѣни". Теперь намъ предстоитъ ознакомиться съ новымъ способомъ врачеванія, примѣняемаго къ особой болѣзни, которую бѣлорусскіе знахарки называютъ „сцѣнь", что значитъ—тѣнь.

Какъ пониманіе этой болѣзни, такъ и способъ ея лѣченія находятся въ тѣсной связи съ тѣмъ первобытнымъ воззрѣніемъ, что тѣнь—это наше второе „я", совершенно самостоятельная сущность, которая можетъ отъ насъ отдѣляться, которую мы можемъ потерять и, наконецъ, которую колдуны могутъ у насъ похитить. Словомъ, тѣнь, въ глазахъ дикаря, та же душа. И бѣлорусскіе крестьяне раздѣляютъ это мнѣніе, свойственное первобытному состоянію ума, какъ равно и то, что люди, продавшіе чорту душу, порою не имѣютъ тѣни. Отсюда понятно, что если лишиться тѣни, а тѣмъ болѣе вмѣсто своей получить чужую, да еще злую, враждебную, то человѣку не сдобровать: онъ непремѣнно заболѣетъ. Такъ какъ у „нечистика" есть въ запасѣ много тѣней, принадлежавшихъ намъ, грѣшнымъ людямъ, колдунамъ, чаровникамъ, то онъ и посылаетъ эти тѣни мучить людей. Ихъ также насылаютъ и колдуны.

„Сцѣнь" характеризуется горячечнымъ бредомъ и

галлюцинаціями, такъ что, по выраженію знахарей, человѣкъ, «ажъ на сцѣну дзяретца». Такого больного выносятъ въ солнечный день на дворъ, кладутъ навзничь на широкую доску, заранѣе приготовленную, и очерчиваютъ углемъ ту тѣнь, которую онъ отбрасываетъ на доскѣ. Иногда обрѣзываютъ пилой тѣ части доски, которые выходятъ за предѣлы очертанія тѣни, но это не строго соблюдается. Эту доску съ очертаніемъ на ней тѣни потопляютъ въ криницѣ, съ приговоромъ: „кабъ ты не ворочалася, кабъ ты утапилася“. Когда возвращаешься домой послѣ потопленія тѣни, нельзя осматриваться назадъ. Иногда сжигаютъ тѣнь (вѣрнѣе—*ту доску, на которой она была очерчена*) въ печи или такъ гдѣ-нибудь: во дворѣ, на огородѣ.

Подвѣй и его лѣченіе. Параличъ бѣлоруссы зовутъ *подвѣемъ*. По ихъ понятіямъ,эту болѣзнь производитъ тотъ духъ, который кружится въ вихрѣ. Лѣченіе этой болѣзни относится къ тому виду волхвованія, которое церковныя поучительныя слова и номоканоны осуждали подъ именемъ „наузъ“.

Знахарь или знахарка сучитъ предварительно *длинную нитку изъ дикой конопли или крапивы*. Больного сажаютъ передъ топящейся печью; потомъ начинаютъ просить подвѣй, чтобы онъ оставилъ больного въ покоѣ; отъ просьбъ переходятъ къ угрозамъ, что если онъ, подвѣй, не оставитъ больного, то его силой свяжутъ и сожгутъ. Но такъ какъ со стороны подвѣя „ни гласа, ни послушанія“, то и приступаютъ къ его связыванію. Знахарь обвиваетъ нитку вокругъ головы больного, со словами, произносимыми шепотомъ:

«вяжу тваю галаву»,—и завязываетъ концы нити въ узелокъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они сошлись, такъ ч получается петля въ мѣру головы; затѣмъ вяжутъ живот *со словами: „вяжу твой животъ“; далѣе, такимъ* образомъ, связываютъ грудь, руки и ноги больно Всѣ эти завязки бросаютъ въ печь, въ огонь, а бол ному предлагаютъ встать или поднять руку, смот потому, какая часть его тѣла поражена параличем Такое вязанье подвѣя повторяется нѣсколько разъ.

Моръ. По бѣлорусскимъ преданіямъ, предъ н ступленіемъ мора, иногда появляется *моровая панн* которая, носясь по воздуху, машетъ чернымъ пла *комъ. И надъ какой деревней она помашетъ свои* смертоноснымъ платкомъ, въ той деревнѣ и проявит моръ. Иногда она машетъ платкомъ, просунувши ру въ окно какой нибудь хаты, и тогда въ этой ха начнутъ умирать люди. Эта моровая панна, несомнѣн олицетвореніе повальной болѣзни.

Чтобы избавиться отъ мора, въ былыя времен по разсказамъ стариковъ, практиковали слѣдующ способъ. Молодыя дѣвушки запрягались въ соху, старухи брали въ руки сковородки, косы и то подобные бренчащіе предметы и, раздѣвшись до наг съ возможнымъ крикомъ, визгомъ, шумомъ, треско обводили борозду вокругъ деревни. Весь этотъ шу имѣлъ, вѣроятно, цѣлію испугать моровую панну прогнать ее изъ села, если она въ немъ засѣла; борозда—это своего рода „чуранье“, обращеніе покровительству Чура, чтобы онъ не пускалъ болѣз чрезъ границу владѣній своего рода. Послѣднее, впр

чемъ, наше личное мнѣніе. Народъ только вѣритъ, что чрезъ такую границу моръ не проникнетъ.

Всѣ заранѣе оповѣщаются объ этомъ прокладываніи границы. Мужчины не должны участвовать въ этой церемоніи, а если который изъ нихъ попадется на пути, то его избиваютъ до полусмерти.

Другимъ средствомъ противъ мора считается *одно-дневное полотно*.

Въ назначенный день, до восхода солнца, собираются дѣвушки со всего села въ одну избу и каждая изъ нихъ приноситъ съ собой по горсти льна. Онѣ дружно, но въ глубокомъ молчаніи, принимаются за работу: прядутъ ленъ, снуютъ основу, ставятъ кросна и ткутъ полотно. Когда полотно готово, всѣ жители выходятъ за деревню и обходятъ вокругъ нея, причемъ дѣвушки, ткавшія полотно, несутъ его надъ головой съ заунывнымъ пѣніемъ: аю-га! Когда сдѣлаютъ полный обходъ, то на томъ мѣстѣ, съ котораго вышли, раскладываютъ небольшой огонь изъ щепокъ или лучинокъ, принесенныхъ съ каждаго двора. Двѣ дѣвушки держатъ за концы полотно надъ огнемъ, а всѣ жители деревни переходятъ черезъ огонь подъ полотномъ и переносятъ дѣтей и больныхъ. Когда всѣ выполнятъ эту церемонію, — полотно сжигаютъ на томъ же огнѣ.

Все это должно быть продѣлано въ теченіе одного дня, съ восхода до заката солнца.

Колдовство на смерть. Самый распространенный способъ колдовства „на смерть" основанъ на томъ примитивномъ мнѣніи, о которомъ мы уже говорили, что часть въ извѣстномъ смыслѣ замѣняетъ цѣлое, и

то, что мы сдѣлаемъ съ частью, сдѣлается съ цѣлымъ. Основываясь на этомъ мнѣніи, для умерщвленія кого-нибудь посредствомъ колдовства, стараются добыть волосъ того человѣка, и эти волосы кладутъ въ воскъ или глину и лѣпятъ подобіе человѣческой фигуры. Эту фигуру кладутъ въ маленькій гробикъ, закапываютъ въ землю и наваливаютъ камнемъ. Тотъ человѣкъ, чьи волосы положены въ закопанную фигуру — полагаютъ — вскорѣ долженъ умереть. Волосы можно замѣнять ногтями, частью одежды, землею со слѣда. Иногда лѣпятъ фигуру и безъ всего этого, но въ такомъ случаѣ ее нужно „окстить", т. е. назвать именемъ того человѣка, котораго чаруютъ на смерть.

Другой способъ волхованія представляетъ варіантъ, вѣроятно позднѣйшій, только-что описаннаго. Волосъ кладутъ въ воскъ, но изъ воска дѣлаютъ свѣчку, а не фигурку человѣка. Свѣчку ломаютъ пополамъ и сломанную, зажигаютъ передъ иконой. Полагаютъ, что подобно тому, какъ таетъ воскъ, растаетъ, сгоритъ жизнь того человѣка, чьи волосы были положены въ свѣчку. Этотъ способъ волхованія, между прочимъ, употребляется обманутыми дѣвушками, чтобы отомстить обманщику. Впрочемъ, „ломаютъ свѣчку" на чью-нибудь погибель и безъ волосъ.

Также *„вынимаютъ слѣдъ"* и вынутую изъ слѣда землю зашиваютъ въ мѣшочекъ и сушатъ. Такъ долженъ изсохнуть тотъ человѣкъ, чей слѣдъ былъ вынутъ.

Но самымъ опаснымъ способомъ волхованія считается *„заламываніе заломоеъ"* во ржи. Это тѣ же древнія „наузы", о которыхъ мы уже упоминали; въ

данномъ случаѣ онѣ состоятъ въ завязываніи узловъ во ржи на чью нибудь смерть. Оно сопровождается соотвѣтствующимъ заговоромъ, въ которомъ говорится, на чью голову заломъ ломается, какія страданія тотъ человѣкъ имѣетъ претерпѣть, какою смертію долженъ онъ умереть *). Заломы ломаютъ на людей и на домашнихъ животныхъ, на болѣзнь и на смерть. Когда находятъ во ржи завитки, это повергаетъ въ ужасъ хозяевъ нивы, и они тотчасъ же, не трогая залома, обращаются къ чаровнику, чтобы онъ вырвалъ заломъ. За это чаровникъ получаетъ приличную плату и угощеніе. А если кто-нибудь изъ интеллигентныхъ людей, на виду у испуганныхъ крестьянъ, вѣрящихъ, что отъ прикосновенія къ залому можетъ отсохнуть рука или поразить другая болѣзнь, вырветъ заломъ безъ всякаго вреда для себя, то такой случай крестьяне объясняютъ тѣмъ, что грамотному чародѣйство не вредитъ или что онъ тоже „мае мухи у носѣ", т. е. умѣетъ чаровать.

Любизникъ. Есть нѣсколько приворотныхъ средствъ,

*) Подлинный заговоръ, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ, мы, къ сожалѣнію, утеряли. Впрочемъ это былъ подборъ самыхъ обыкновенныхъ проклятій, которые пускаются въ ходъ бѣлоруссами во время ссоры, въ родѣ: „кабъ табѣ ручки—у кручки, ножки—у качарежки; кабъ яму вочи вывернуло, языкъ высулопило" и т. п. Должно сказать, что заговоры на смерть, на болѣзнь весьма мало распространены въ народѣ, даже среди знахарей, такъ что, пожалуй, можно сомнѣваться въ томъ, что такого рода заговоры существуютъ; а если существуютъ, то какъ исключительное достояніе не большаго числа лицъ, считающихъ себя „настоящими" чаровниками. Возможно, что они не хотятъ дѣлиться своимъ сокровеннымъ достояніемъ, придавая ему необыкновенную цѣну. Заговоры заурядныхъ знахарей—все предохранительнаго и цѣлительнаго свойства.

„любизниковъ" по-бѣлорусски, но самымъ дѣйствительнымъ изъ нихъ считаются двѣ косточки летучей мыши—вилочки и крючокъ. Добывать ихъ рекомендуютъ такъ: надо посадить летучую мышь въ новый горшокъ, завязать его новымъ же кускомъ холста и закопать ночью въ муравейникѣ. Возвращаясь домой нельзя оглядываться назадъ и нужно заткнуть уши чтобы не слышать писка летучей мыши. Черезъ три недѣли нужно вынуть горшокъ изъ муравейника. Муравьи съѣдятъ всю летучую мышь, оставятъ только двѣ волшебныя косточки: крючокъ и вилочки. Чтобы приворожить кого нибудь — стоитъ только незамѣтно потянуть къ себѣ того человѣка крючкомъ: будетъ такъ льнуть, что не отвяжешься безъ помощи вилочекъ; а надоѣло—стоитъ только оттолкнуть его вилочками, и весь любовный *шалъ* какъ рукой сниметъ.

Если же желаютъ разстроить счастье новобрачныхъ то разбиваютъ вдребезги горшокъ передъ свадебнымъ поѣздомъ, когда онъ возвращается послѣ вѣнчанія молодыхъ.

VIII.

Разныя мелкія суевѣрія.

Въ этой статьѣ мы намѣрены сгруппировать всѣ тѣ пережитки древняго міросозерцанія, которые, при систематизаціи нашихъ матеріаловъ, мы упустили изъ виду отнести къ тому или другому отдѣлу или затруднялись сдѣлать это. Мы уже имѣли случай замѣтить, что бѣлоруссы держатся весьма многихъ суевѣрій совершенно безотчетно, не давая имъ никакого объясненія. И если вы спросите: почему то-то и то-то нужно дѣлать, а того-то нельзя, то въ большинствѣ случаевъ вамъ отвѣтятъ: кто его знаетъ; такая отъ старыхъ людей *поголоска* идетъ; старые люди знали, потому что умнѣе насъ были; такъ отцы и дѣды дѣлали и намъ приказывали и т. п. Но если и существуютъ въ народѣ объясненія тѣхъ или другихъ суевѣрій и предразсудковъ, то, разумѣется, нельзя ожидать отъ нихъ раціональности; однако какъ бы ни были нераціональны эти объясненія, они важны и сами по себѣ, какъ матеріалъ для изученія народнаго міросозерцанія, а также важны и въ томъ отношеніи, что они часто дополняютъ пережитки старины и этими дополненіями нерѣдко ставятъ ихъ въ связь съ тою или другою особенностью народнаго міросозерцанія и

быта. Если же возможно установить связь между двумя или нѣсколькими пережитками, если возможно обобщить ихъ, тогда легко сдѣлать тотъ или другой выводъ. тогда легче придать имъ раціональное объясненіе. Но повторяемъ: въ міросозерцаніи бѣлорусса есть немало совершенно безсвязныхъ, одиноко стоящихъ суевѣрій. Такія одиночныя суевѣрія напоминаютъ собою ходячія присловья, заключительныя сентенціи изъ народныхъ анекдотовъ и нравоучительныхъ разсказовъ, въ родѣ, напримѣръ, присловія: „семипудовый пшикъ“. которое непонятно безъ соотвѣтствующаго ему анекдота. хотя оно и употребляется самостоятельно и хотя анекдотъ мало кому извѣстенъ; или въ родѣ пословицы „отступъ, мара,—я твой богъ“ (такъ говорятъ навязчивому человѣку), — пословицы, которая напоминаетъ заклятіе и очевидно имѣетъ миѳологическое происхожденіе; но ея первоначальное значеніе и смыслъ утеряны, забыты и могутъ быть возстановлены только при посредствѣ догадокъ, сопоставленій и остроумныхъ соображеній. То же можно сказать и относительно многихъ пережитковъ: когда-то народъ умѣлъ себѣ объяснить—почему, напримѣръ, отъ переполоха надо обмывать больного водой, въ которую опущено четыре уголька, а теперь онъ не отдаетъ себѣ въ этомъ отчета, но всетаки дѣлаетъ. Такіе пережитки, повидимому, уже не имѣютъ живыхъ корней въ народномъ мышленіи, а удерживаются въ немъ только въ силу косности народнаго ума и его приверженности къ старинѣ. Мы уже немало сообщили ихъ на предшествующихъ страницахъ, въ этой же главѣ помѣстимъ только остатки на-

шихъ записей, которые, по той или друьой причинѣ, не вошли въ предыдущія главы.

Говоря о вѣрѣ бѣлоруссовъ въ магическую силу слова, мы упустили изъ виду кое-что небезынтересное для характеристики этого вѣрованія.

Бѣлоруссы, вслѣдствіе убѣжденія, что слова могутъ повредить, когда сообщаютъ о какомъ либо несчастіи, предварительно оговариваются: „ня тутъ кажучи" (не здѣсь говоря), и затѣмъ ужъ сообщаютъ, что случилось. Разсказывая о чьей нибудь болѣзни, когда приходится, для ясности, указать мѣсто, пораженное болѣзнью, на тѣлѣ своемъ или того, кому разсказываешь, то надо предварительно прибавить: „не раўнуючи", т. е. не сравнивая,—иначе та же болѣзнь можетъ приключиться. Фактъ этотъ не только служитъ иллюстраціей вѣрованія, что отъ слова станется, но также показываетъ, какое значеніе въ первобытномъ мышленіи имѣетъ уподобленіе.

Если сообщаютъ что нибудь непріятное по адресу отсутствующаго или клянутъ его, то тѣ, которые не желаютъ, чтобы это случилось съ нимъ, обыкновенно замѣчаютъ: „якъ ёнъ ня чуиць, дыкъ нехай яму не вадзиць (не вредитъ)".

При упоминаніи чорта, надо прибавлять: „ня у гэтымъ свяпцономъ мѣсьци кажучи", иначе въ домѣ можетъ поселиться нечистая сила.

У Бога дни роўные, да часы ня роўные,—говорятъ бѣлоруссы и вѣрятъ, что есть такіе несчастные моменты, въ которые, если начнешь что-нибудь дѣлать—не будетъ удачи, а если скажешь что нибудь

дурное—непремѣнно случится; поэтому благоразумны люди, начиная какое нибудь дѣло или сообщая чемъ нибудь дурномъ, не желательномъ, въ первом случаѣ говорятъ: „дай, Боже, у добрый часъ начать' *а во второмъ: „дай, Боже, у добрый часъ сказать,* у злый помоўчать". Послѣдней формулой, между прс чимъ, ночинаются свадебныя „благословенія" молодыхъ

Вопреки приведенному воззрѣнію, что у Бога вс дни равны, считается, что понедѣльникъ—несчастны день. Въ этотъ день нельзя выѣзжать на дорогу ил начинать что нибудь важное. Но эти два противорѣ чивыя воззрѣнія мирно уживаются въ мышленіи бѣлс русса, какъ и многое другое противорѣчивое.

Суевѣрія, основанныя на уподобленіи. Мы уж говорили, какое значеніе имѣютъ уподобленія въ во: зрѣніяхъ бѣлоруссовъ на происхожденіе болѣзней и их лѣченіе. Но кромѣ того есть не мало разныхъ суевѣ рій и примѣтъ, которыя, повидимому, основываютс только на уподобленіяхъ. Можно думать, что это сс ставляетъ особенность грубой мысли—считать подобнс *въ какомъ нибудь отношеніи за тождественное.*

Напримѣръ, чтобы у дѣтей скоро прорѣзывалис зубы, надо имъ вѣшать на шею волчій зубъ. Таков повѣріе. Повидимому здѣсь вся сила въ нѣкотором уподобленіи. Вѣшая ребенку на шею волчій зубъ, пс лагаютъ, что у него будутъ зубы также скоро расть какъ у волченка.

Вотъ еще повѣріе. Надо носить въ кошельк двойной орѣхъ, „спорышъ", чтобы деньги „спор

ись". Здѣсь, кажется, все дѣло въ сдохствѣ поня-
ій спорышъ и спориться.

Крестьяне не позволяютъ дѣтямъ дѣлать кресты зъ лучинокъ и подражать церковному пѣнію, полагая, го этимъ накликается смерть. Замѣтивъ что-нибудь ъ этомъ родѣ, говорятъ: Что ты вѣщуешь? Хочешь, *абъ бацька, абы матка померли!*

Есть повѣріе, что не слѣдуетъ качать пустую колыбель: отъ этого можетъ ребенокъ умереть. Весьма ѣроятно, что здѣсь все дѣло *въ пустотѣ*, что кая пустую колыбель при живомъ ребенкѣ, мы какъ ы накликаемъ несчастіе, вслѣдствіе котораго колыель должна *опустѣть*. Но возможно и другое объясненіе. Бѣлоруссы говорятъ, напримѣръ, что нельзя ачать ногами, потому что тогда на ноги садится неистая сила и такимъ образомъ мы ее качаемъ. Моетъ быть когда-нибудь полагали, что качая порожюю колыску, мы привлекаемъ въ нее нечистую силу, оторая можетъ причинить вредъ ребенку, когда поомъ положимъ его въ колыбель, и отъ этого онъ моетъ заболѣть и умереть.

Если невѣста не желаетъ, чтобы у нея рожались ѣти, то, по совѣту знахарокъ, отправляясь къ вѣну, кладетъ запазуху замкнутый замокъ; этотъ же заокъ въ первую брачную ночь надо положить подъ одушку. Если же выходитъ замужъ пожилая женщиа, которая, по извѣстнымъ физіологическимъ призакамъ, уже не надѣется имѣть дѣтей, а желала бы мѣть ихъ, то кладетъ запазуху открытый замокъ. чевидно, въ этомъ суевѣріи закрытый замокъ доліженъ предрѣшать закрытіе женской утробы, прекращеніе дѣторожденія, а открытый,—наоборотъ.

Примѣты. Если идешь или ѣдешь по дѣлу и встрѣтишь кого нибудь съ полными ведрами—будетъ удача, а съ пустыми—не жди добра. Примѣта очевидно построена на уподобленіи: полныя ведра знаменуютъ *исполненіе* желанія. Напримѣръ, встрѣчаютъ молодыхъ съ полными ведрами и высказываютъ пожеланіе, чтобы ихъ жизнь была такъ полна счастья. И вообще, если несущій воду встрѣчаетъ кого нибудь идущаго по дѣлу, то высказываетъ нѣчто въ родѣ привѣтствія: „съ поунымъ цябе!" и ему отвѣчаютъ: „дзякуй", т. е. благодарю.

Встрѣча съ попомъ предвѣщаетъ несчастіе. Чтобы предохранить себя отъ него,—надо плюнуть. Это суевѣріе является отголоскомъ той далекой борьбы, которую вело закоснѣлое язычество съ христіанскимъ вѣроученіемъ, съ христіанской церковью и ея служителями. Такъ какъ въ то время священники, по княжескому повелѣнію, должны были крестить язычниковъ, хотя бы насильно, и наблюдать за исполненіемъ постановленій христіанской церкви новокрещенами, а также требовать отъ нихъ знанія молитвъ и важнѣйшихъ правилъ вѣры, и подвергать незнающихъ и неисполняющихъ наказанію, то, понятно, что наши предки, будучи христіанами только по имени, уклонялись отъ встрѣчи съ священникомъ, такъ какъ она часто влекла за собою наказаніе, иногда весьма суровое.

Если волкъ перебѣжитъ дорогу—это хорошая примѣта: будетъ удача въ дѣлахъ (отсюда присловье:

„Ему волкъ дорогу перебѣгъ“, когда что-нибудь *счастливо окончилось), а если перебѣжитъ заяцъ — лучше* возвращайся назадъ: не будетъ успѣха. Трудно сказать, на чемъ *основано это* суевѣріе. *Вѣроятно корни* его кроются въ какомъ нибудь миѳологическомъ возрѣніи *общаго характера, которое теперь заглохло, потому* что, если допустить, что здѣсь имѣло мѣсто какое *нибудь случайное совпаденіе, грубый, непровѣренный* опытъ, то тогда нельзя было бы объяснить широкаго *распространенія этого суевѣрія.* Впрочемъ, *такихъ* непонятныхъ суевѣрій много есть. Приведемъ нѣкоторыя *изъ нихъ въ надеждѣ, что сопоставленіе ихъ съ* вѣрованіями другихъ народовъ, сравнительное изученіе, *раскроетъ ихъ скрытый* смыслъ *и непонятное* значеніе.

Примѣты и суевѣрія на счетъ домашнихъ животныхъ. Когда продаешь лошадь или корову, вообще что-нибудь живое, и желаешь, чтобы „пошло рукой“, то не надо передавать ихъ новому хозяину голыми руками: не будутъ плодиться. Въ такомъ случаѣ „бьютъ по рукамъ“ и передаютъ купленное „косматой рукой“, т. е. завернувши руку въ полу платья. Въ поясненіе можно сказать, что косматое считается символомъ богатства.

Когда продаешь поросенка, ягненка, курицу и т. п. на расплодъ, и если посадишь продаваемое животное въ мѣшокъ впередъ головой, держа за заднія ноги, то у продавца эти животныя переведутся, а у покупателя расплодятся; если же будешь сажать въ мѣшокъ задними ногами, то продавцу хорошо, а у покупателя

не будетъ приплода. Поэтому, чтобы никому обиды не было, слѣдуетъ сажать въ мѣшокъ спиною, держа за ноги.

Вѣрятъ, что у извѣстнаго хозяина могутъ водиться только извѣстной масти животныя. Поэтому, когда болѣетъ какое либо домашнее животное, его перепродаютъ другому за копѣйку, за двѣ (конечно — номинально) надѣясь, что съ перемѣной хозяина оно поправится.

Мѣсто, на которомъ стоятъ хлѣвы, можетъ быть счастливымъ или несчастливымъ; когда часто околѣваетъ скотъ, совѣтуютъ переставить на другое мѣсто хлѣвы.

Есть люди съ „легкой рукой“, отъ которыхъ если что-нибудь пріобрѣтешь, будетъ «ручить», т. е. много житься, счастливо вестись.

Если жеребенокъ или теленокъ много бѣгаетъ рѣзвится — признакъ, что его съѣстъ волкъ.

Когда воютъ собаки — это онѣ предчувствуютъ или накликаютъ смерть или другое несчастье. Чтобы они перестали выть надо что нибудь изъ посуды перевернуть кверху дномъ.

Когда въ избѣ заведется много мышей — это значитъ что онѣ кого нибудь выживаютъ; значитъ — предстоитъ смерть или отъѣздъ кого нибудь изъ семьи.

Разныя суевѣрія. Если беременная женщина придетъ просить чего-нибудь одолжить, не слѣдуетъ удовлетворять ея просьбы — иначе мыши будутъ ѣсть хлѣбъ и платье. Иногда это случается даже и тогда, когда откажешь въ одолженіи. Чтобы предотвратить эту непріятность нужно вслѣдъ этой женщинѣ бросать угли или кусочки печной глины. Но тогда ея ребенокъ, который родится будетъ ѣсть угли и глину.

Не слѣдуетъ сидѣть на порогѣ, когда черезъ нег

проходитъ женщина, потому что, если она будетъ въ это время „не чистая", то у того, кто сиделъ, пойдутъ по всему тѣлу болячки.

Нельзя бросать куда попало истоптанные лапти (отопки), а надо класть ихъ на крышу. Почему?—намъ не умѣли объяснить.

Нельзя разговаривать черезъ порогъ или черезъ окно: это къ ссорѣ.

Нельзя спать передъ закатомъ солнца: заболѣешь лихорадкой.

Нельзя класть ножъ вверхъ остріемъ: будетъ непріятность.

Нельзя ступать на соломенки, лежащіе накрестъ: можетъ заболѣть нога.

Охъ, еще много чего нельзя!... но на этомъ мы закончимъ нашъ очеркъ.

Мы не касались въ немъ пережитковъ обычнаго права, а также суевѣрныхъ обрядовъ, совершаемыхъ бѣлоруссами на родинахъ, крестинахъ, свадьбѣ и нѣкоторыхъ другихъ семейныхъ празднествахъ. Да и въ той области, которую мы себѣ намѣтили при написаніи этой статьи, мы не исчерпали и десятой части суевѣрныхъ воззрѣній бѣлорусскаго крестьянина: мы выбирали изъ нихъ самое типичное и наиболѣе распространенное или, по нашему мнѣнію, цѣнное для науки. Но и изъ приведеннаго нами достаточно видно, какой густой сѣтью суевѣрій и предразсудковъ опутанъ умъ бѣлорусса, какъ затемнено его мышленіе порожденіями первобытнаго мрака и какъ необходимъ свѣтъ науки, свѣтъ истиннаго познанія, чтобы разсѣять всѣ эти призраки, все это царство тьмы...

КРАТКІЙ

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Выданне падрыхтавана па экземпляры, якi захоўваецца ў фондах Лiтаратурнага музея М. Багдановiча

Камп'ютэрная рэканструкцыя выдання 1895 года А. Вейнiка

Навукова-папулярнае выданне

Багдановiч
Адам Ягоравiч

ПЕРАЖЫТКI СТАРАЖЫТНАГА СВЕТАСУЗIРАННЯ Ў БЕЛАРУСАЎ
Этнаграфiчны нарыс

Рэпрынтнае выданне
Мiнск, выдавецтва «Беларусь»

Адказная за выпуск *С. А. Корань*
Мастацкi рэдактар *В. Р. Мiшчанка*

Падпiсана да друку з арыгiнала-макета 19.01.95. Фармат 70х100 1/32. Папера афс. № 1. Афсетны друк. Ум. друк. л. 7,8. Ум. фарб.-адб. 8,28. Ул.-выд. арк. 7,1. Тыраж 6000 э Зак. 810

Ордэна Дружбы народаў выдавецтва «Беларусь» Мiнiстэрства культуры i друку Рэспублiкi Беларусь. Лiцэнзiя ЛВ № 2 220600, Мiнск, праспект Машэрава, 11.
Мiнская фабрыка каляровага друку. 220115, Мiнск, вул. Карнеўскага, 20.

Б 3900000000—008 / М 301(03)—95 03—95

ISBN 985-01-0057-5